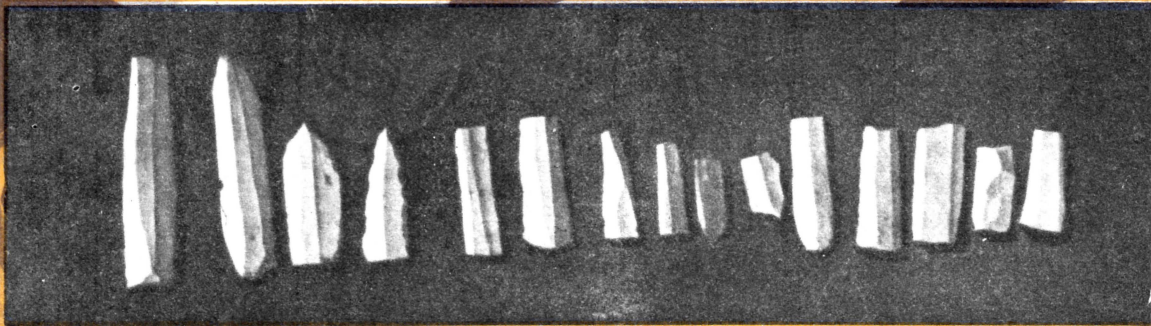

уральский

следопыт

№3*** 1975

ИМЧИНСКИЙ АРСЕНАЛ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮЖНО-САХАЛИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ, КОТОРОЙ РУКОВОДИЛ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА ВЯЗОВСКАЯ, ОБНАРУЖИЛА НА СЕВЕРЕ ОСТРОВА САХАЛИНА, НА БЕРЕГУ РЕКИ ИМЧИН НЕПОДАЛЕКУ ОТ ПОСЕЛКА НОГЛИКИ СТОЯНКУ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ.

ПОД ЗЕМЛЕЙ НАЙДЕН ЦЕЛЫЙ АРСЕНАЛ ВРЕМЕН РАННЕГО НЕОЛИТА — КАМЕННЫЕ КЛИНКИ, НОЖИ И КОПЬЯ, НОЖНЫ И ЛЕЗВИЯ ДЛЯ ДЕРЕВЯННЫХ ИЛИ КОСТЯНЫХ КИНЖАЛОВ.

в номере:

А. Марейн ДЕВУШКА, ГОРА И САМОЛЕТ	2
В. Денисов ТАЛАНТ. Документальная повесть	4
Д. Клещев МАТЕРИНСКАЯ «ОПЕКА». Стихи	11
НА ВСЕ РУКИ	12
Д. Часов АЛЫЙ ПАРУС ИСКАНИЯ	15
Б. Никонов ДИВНОГОРСКИЕ ЭТЮДЫ	17
В. Астафьев САМОРОДОК	33
В. Павлов ПО СЛЕДАМ «БЕШЕНЫХ» СОБАК	34
В. Альтов О НАКАЗАННОЙ РЕКЕ	36
К. Рендель ИМЧИНСКИЙ АРСЕНАЛ	37
П. Швец БОЙ У РАЗВИЛКИ	38
А. Щербань НОЧНОЙ ПОИСК	41
В. Литвинов КАЖДЫЙ КАМЕНЬ — ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ. Стихи	48
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	50
Г. Пращкевич РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО. Повесть	51
НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ	75
Ю. Курочкин «СЛЕДОПЫТ» НАЧИНАЛСЯ ТАК	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/XI 1974 г.
НС 28085
Подписано к печати 15/I 1975 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10.
Тираж 270 000
Заказ 627.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
А. ЛЕБЕДЕВА. 2-я стр. —
оформление Р. КАПТИКОВА.

© Уральский следопыт, 1975 г.

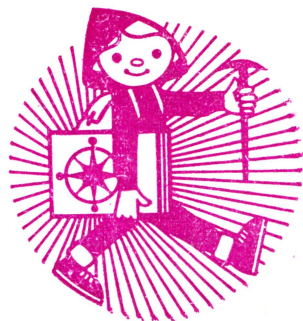
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№3 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Девушка,

**Александр
МАРЕИН**

*Риснок
В. Бубенщикова*

Выстрелом треснул сучок, и девушка ринулась в снежную бездну. Сейчас она — ветер и быстрее ветра. Крутятся в бешеном вихре сосны, внезапно налетая и уносясь прочь. Но вот все медленнее становится танец деревьев, и наконец они останавливаются совсем, уступая дорогу.

— Шур-шур-шур, — шепчут медленно идущие лыжи.

Девушка не знает летчика, пролетающего над Высокой горой в семь утра. Но знает, что он спешит в Большой город. Это его постоянный маршрут.

— Здравствуй, летчик! — кричит девушка.

— Здравствуй, девушка! — качает в ответ крыльями самолет.

Этот небольшой самолетик не забирается высоко в небо. Он дружен с землей, с ее холмами, дорогами, полями. И люди зовут его подомашнему — «кукурузником».

Летчик смотрит вниз на маленькую фигурку девушки и улыбается, вспоминая, как ему наказывали не забыть сказать «доброе утро» метеорологу Высокой горы. Трасса для него нова и нова первая встреча с девушкой. Он многого еще не знает и не совсем уверен, та ли это девушка. Он не знает, что на Высокой горе живет только одна девушка. Вот эта.

Тень самолета скользнула по просеке, догнала девушку и потерялась в хвойных вершинах.

Среди белой тишины задумчиво шуршат лыжи.

Распушив хвост, среди вершин пролетела белка, осыпав девушку легким сверкающим куржаком.

С лесной дороги доносится скрип полозьев. В сторону от нее кто-то прошел. Лесорубы? Геологи? Дети?

Зима обнажает пути. Они расхо-

гора и самолет

дятся, спешат, пролегают по бездорожью и обязательно встречаются.

Девушка смотрит на сиреневые обрывы скал, пепельные облака, в просветы которых ныряет крошечная точка — самолет.

Какой он, летчик? Жизнь его соткана из обманчивых туманов, ночных тревог и морозного одиночества, когда от холода звезды становятся ледяными. Жизнь в дороге, в обычной работе. А может быть, он — необыкновенный летчик и мечтает поймать рассвет?

Девушка остановилась у ручья. Опустила лыжи в воду, чтобы они покрылись тонкой пленкой. Так она делает всегда перед подъемом.

На земле снег как снег. В синих горах он таит опасности. Если тебе случалось ходить по снегу в горах, где подстерегают трещины и внезапные обвалы, то ты знаешь, что такое один метр пути. А идти девушке на вершину Высокой горы, где находится метеостанция, придется до самого вечера.

Летит самолет. И летчик думает о девушке. Какая она, девушка-метеоролог? Жизнь ее соткана из обманчивых туманов, ночных тревог и морозного одиночества, когда от холода становятся ледяными звезды. Жизнь в дороге, в обычной работе. А может быть, она — необыкновенная девушка и мечтает поймать рассвет?

Ночь высыпала звезды. Они опустились на горюродские крыши, притихли на уснувших деревьях. В небе гудит мотор. Это возвращается летчик на своем самолете. Вылетая, он не знал, да и никто не знал, что навстречу уже идет буран. Буран родился внезапно, будто вырвался из горной пещеры. И если теперь встретиться с ним, то обледенеют тонкие стрекозиные крылья и самолет потянет книзу.

Бьет снежный ветер. Светит луна, словно через замерзшее окно. Идет на лыжах девушка, напевая песню, снежную песню, и слова приходят сами собой.

— Слушай, лес, слушай, непогода, слушай... Скванный морозами, стоит молчаливый Откликной Камень. Если удастся пройти между скал сегодняшней ночью, если тебе восемнадцать, отважно крикни. Загудят беспокойно горы, и через сотни утесов эхо принесет к Откликному Камню ответ на загаданное желание. Только слушай...

Скалы недовольно охают, завывает пурга, и вдруг послышался усталый гул мотора. И тогда отступило все. Осталось только одно — тревожное гудение мотора. Напрягая силы, девушка бежит к метеостанции.

А самолет кружит, ослепленный бураном, и просит о помощи. Летчик старается увидеть вершину Высокой горы. Но где она? «Ага, наконец-то!» — облегченно вздыхает летчик, ловя идущие снизу огненные точки и тире, и стал сужать над девушкой круг. И она поняла, что летчик увидел свет фонаря, и продолжала повторять сигнал:

— Я — Высокая гора... Я — Высокая гора... Бери выше, летчик. И немного правее. Тридцать норд-ост-ост.

Еще круг, второй — и самолет стал удаляться в нужном направлении.

К утру умчался злой буран и пришла оттепель. Зазвенели сосульки и разбудили день. И опять мчится с горы маленькая фигурка. Мелькают сосны. Внизу девушка останавливается и смотрит на пролетающий самолет.

— Здравствуй, летчик! — кричит она и машет рукой.

— Здравствуй, девушка! — отвечает ей самолет, покачивая крыльями.

Талант

Документальная повесть

**Владимир
ДЕНИСОВ**

В

ечерами Гордин чертит.

Не правда ли, звонкое начало для рассказа об одержимой личности. Столько написано об этом. Для личности мало вечера — и ночи проходят за кульманом (мольбертом, логарифмической линейкой, синхрофазотроном, нотной бумагой и т. д.).

Я иронизирую, еще не зная Гордина. А потом прихожу к нему домой, вечером. Гордин... чертит.

Едва сдерживая улыбку, спрашиваю:

— Долго работать будете?

— Долго нельзя, — говорит Гордин. — Утром рано в цех. Он разворачивает эскиз, наспех набросанный на замасленной, потертой на сгибах бумаге, — видно, не одну неделю лежала в кармане.

— Что это будет? — спрашиваю.

Гордин не спеша поворачивает большую голову. У него круглое лицо, широкий нос, светлые, с наивным выражением глаза...

— Скажу, — говорит он. — Только завтра, в цехе.

В лесопильном цехе первозданный кавардак. Протискиваемся мимо штабелей. Бревна, доски, горбыли — все перемешано, перепутано.

— На каких ни работал лесозаводах, везде так, — говорит Гордин. — Специфика. Механизации мало.

Визжат пилы. Железные пальцы хватают бревно и волокут его под ножи.

— Здорово, Филиппыч! — кричит Андрею рабочий, сидящий верхом на металлическом стуле. — Опять смотришь? Не бойся, пашет — будь здоров...

Мы переходим в другой цех — ремонтный. В пролете свалена гряда металла. Даже специалист не сразу поймет, что здесь для чего. Андрей вытаскивает детали одну за другой, называет их.

— Это сюда, это вот так... Здесь станина, ее пока нет, — слышу я сквозь шум цеха.

Гордин выпрямляется и смотрит на меня: дескать, что, хорош будет станок?

По правде, железки производят удручающее впечатление. Впрочем, машину, которой пока нет, нужно уметь увидеть.

Мы идем в другой угол цеха. Здесь, тускло поблескивая металлом, стоит небольшой станочек. Для настоящего слишком мал, для игрушечного — велик...

Гордин включает рубильник, берет приготовленные заранее круглые чурочки. Пилы, повизгивая, начинают грызть дерево.

Я вспоминаю один официальный ответ.

«Товарищ Гордин А. Ф. действительно разработал конструкцию специальных станков, от внедрения которых можно ожидать экономического эффекта. Предложение рассматривалось в объединении «Свердлесдревпром», сделана и прошла стендовые испытания действующая модель станка.

Разработаны рабочие чертежи и принято решение об изготовлении опытного образца для испытаний в производственных условиях. Изготовление образца поручено Лобчинскому лесокombинату.

Главный инженер производственного объединения «Свердлесдревпром» (подпись).

(Протокол технического совещания от 16 февраля 1972 года).

О любом почти изобретении можно сказать: началось тогда-то. Но, помня о первом дне, не забудем о втором, десятом, тысячном — они важнее.

А

ндрей настроил пилы и решил, что пилораму можно испытать.

Он обошел ее, новенькую, родную, деревянную... Стыли доски настла после дневной июльской жары, пахло смолой и стружкой. Речка Лумыж, дальняя родня Камы, мягко шлепала волной о сваи, удерживающие Андреево сооружение.

Сван помогил вбить мужики через несколько дней после того собрания. Работали даже противники Андрея, не верившие в его затею.

Хорошо, что уже темнеет: вряд ли кто прибежит интересоваться, как дела. А то бегают, не терпят им... Генка, лучший друг, сказал как-то:

— Ты, Андрюха, всех расшевелил...

«Надо испытать без свидетелей. Вдруг что не так?» Тут мысль Андрея оборвалась, потому что он не мог представить страшного «не так».

Четыре месяца ушло на работу. Взаялся за нее Андрей сам, проявил инициативу, как говорил погом председатель колхоза «Колос». Все обдумал, рассчитал и вышел на собрании перед всеми.

Андрей, путаясь и сбиваясь, начал издали. Колхозу, сказал он, позарез нужна пилорама. В войну все обветшало, развалилось. Наши отцы, вернувшись с фронта, отстраивают избы, амбары, коровники. А досок не хватает. Пильщики, здоровенные мужики, надрываются от зари до зари и при такой работе вдвоем осиливают пять, ну — шесть бревен.

— Ты говори, чего хочешь, — загудело собрание.

— Я и говорю: самим строить пилораму. У мельницы, — тихо сказал Андрей. Губы у него почему-то сразу пересохли.

Он собрался с духом и выложил все свои расчеты. Привод надо брать от мельничного колеса. Ставить пилораму придется над водой, ниже плотины. Металла не надо, поскольку вся машина, кроме пил, будет деревянной.

Колхозники качали головами. Оно б хорошо, конечно, если б вышло. А ну как не выйдет!

— Нет, если уж нужна машина, так лучше купить, — сказал кто-то в заднем ряду.

На это ответил председатель. Купить не удастся. Продадут те пилорамы строго по лимитам, а колхозы под лимиты не подпадают. Да и как купишь: денег у «Колоса» — сплошные долги в банке.

— Ну, так и будем пилить, как пилили! — закричал тот же, сзади. — А то Андрюха настроит... Трудодни ему пиши да лесу он сколько изведет. Еще и мельницу угробит, тогда наплачемся...

Все замолчали. Похоже, каждый прикидывал, как поступить. Без досок нельзя, а их столько надо, что впору всем идти в пильщики. Может, парень дело говорит? Он головастый, в отца.

— Мужики! — сказал тут Андрей и, заметив недовольный взгляд председателя, поправился: — Товарищи! У меня получится. А что касается трудодней, пусть колхоз платит мне, когда кончу. А не выйдет ничего, ничего и не платите.

Еще поспорили, поспорили — и согласились. Андрей тут же написал договор — не зря же он был счетоводом.

Договор

Общее собрание колхоза «Колос» поручает Гордину А. Ф. строить лесопилку при следующих условиях: отпустить нужное количество леса с колхозной земли, помочь рабочей силой, разрешить пользоваться колхозной лошадейю в нужное время.

работу начать 15 апреля с. г. с оплатой 300 (триста) трудодней Гордину А. Ф.,

если лесопилка при полной воде с выключением мельничного постава будет распиливать больше одного дерева в час толщиной 20 см и длиной 6—7 м, то дополнительно оплатить работу деньгами 500 (пятьсот) рублей.

13 апреля 1949 года,
дер. Антоненки
Зюдинского района
Кировской области.

На другой же день, прихватив пилу и топор, Андрей пошел в колхозный лес — заготавливать материал для пилорамы.

За четыре месяца ни разу на вечерку не сбегал. Мать ворчала:

— Угробисься ведь.

Отец же молчал, только раз, после собрания, в сердцах бросил сыну:

— Совсем калекой станешь.

Это он о ноге. Седьмой год болела она у Андрея. Теперь лучше стало, но временами еле терпится. И хромота не проходит.

И теперь вот она, пилорама, готовая. Каждая стойка, плашечка — его. Намучился, пока делал. Зато доказал, что прав был в расчетах. Ну, не доказал еще, но сейчас до-кажет.

— Все, пускаю, — сказал сам себе Андрей.

Закрутилось, набирая ход, мельничное колесо. Завертелся маховик пилорамы, скрипнув, пошло дышло шатуна. Рамка, откинувшись, ушла вверх, потом вниз, опять вверх — и заходила равномерно, готовая впиться зубьями пил в податливое тело бревна.

Андрей установил ствол на тележке — ее тоже сам сделал. Ближе, ближе. Пилы звякнули, брызнули опилки. Эх ты: пилит! В самом деле пилит — ровно, чисто...

Гордин, забыв про больную ногу, целый час бегал вокруг сотворенной им машины. Все получилось именно так, как хотелось. Рамка, рычаги — вся машина работала безотказно.

Утром у пилорамы собралась вся деревня. Тая радость, Андрей опять вкатил бревно на тележки, запустил машину...

К полудню у лесопилки набралась горка свежих досок. А к вечеру Андрей распилил восемнадцать бревен. То была неслыханная производительность.

— Ну, ты дал! — говорили друзья, провожая домой счастливого Гордина. — Прямо — конструктор!

К

амская вятская лесная сторона — деревянный край. Дерево всегда почиталось здесь как лучший материал. Избы, амбары, сохи, колеса, веретена, ткацкие и другие домашние станки не требовали металла, да его и взять негде было.

Дед Андрея был неграмотным. Он ловко владел топором и пилой и свое искусство передал сыну.

Отец Гордина, Филипп Андреевич, среди односельчан славился большим мастером. Он работал на мельнице, плотничал. Как-то поспорил с мужиками:

— Захочу, так переделаю мулотилку, что полдня будет сама собой крутиться.

Отец собрался поставить большой маховик, который разгонялся бы парой лошадей. В избу притащил кривые березы — заготовки.

Как понял много позже Андрей, отец задумывал сделать инерционный двигатель.

Сам Андрюха уже малышом что-то пилил, строгал, сколачивал. Покупных, заводских игрушек ему не дарили. А хотелось иметь такие, каких нет ни у кого.

В школе учительница рассказала о Чкалове — он с товарищами перелетел через Северный полюс. Самолет Андрея был с резиновым моторчиком. Исходный материал для него конструктор вытащил из трусов, за что получил шлепок от матери. Аэроплан пролетел семь метров. Дальность эта не очень устроила самолетостроителя, и он плакал: негде взять длинных и тугих резинок.

Во вторую военную зиму речка Лумыж промерзла до дна. Мельницы встали. Хлеб пришлось молотить на Каме, за восемьдесят километров. Очереди выстраивались немилые — на месяц.

Андрей, единственный после ухода отца на фронт мужчина в семье, работал в кузне. Школу — седьмой класс — пришлось бросить.

Когда встала колхозная мельница, Андрей позвал в кузню друга Генку. Их двоих да еще деда Алексея бабы звали «наша опора».

— Генк! — Андрей заговорил шепотом, как заговорщик. — Знаешь что я придумал?

— Что? — сразу насторожился Генка. Если Андрей решил поделиться, значит, сам давно все решил, и потому дело, должно быть, стоящее.

— Конную мельницу строить, вот что!

В старую, пустующую кузницу они перевезли жернова с водяной мельницы. Работали подолгу, не замечали, ели или нет. Дед Алексей вытесал плахи для ковша. Привод приспособили от конной молотилки.

Работы оставалось на несколько дней, когда Андрей слег: простудил ноги. Мельницу Генка с дедом пустили без него.

Нравую ногу стянуло — не разогнуть. Нарывы покрыли колено и голень. Боль то отпускала, то накатывала с такой силой, что Андрей принимался не то выть, не то петь, лишь бы не реветь.

Устроившись на печке, он мастерил. Деталь за деталью выстругивал... швейную машинку. Была у матери старая, «Зингер» — вот ее и копировал сын. Иглу смастерил из вязальной спицы — проковырял ушко, заточил, закалил в печи. Машинка, хоть и хуже заводской, исправно шила.

Стук у нее был легкий. Не стук, а скорее, шорох. Шила машинка под музыку: рядом на столе стоял самодельный патефон: ящик с деревянным кругом — на него ставилась пластинка. «Мотор» — гиря на цепи, мембрана — расклепанная серебряная монетка. Скорость Андрей подбирал по звуку — то больше груз, то меньше.

Машинка, патефон — так, для забавы. За них трудодни не писали. А больной Андрей зарабатывал не меньше, чем здоровый: чинил сбрую, вил веревки, ставил полозья на сани, которые сестры специально для этого втаскивали в избу...

Время шло, а нога не заживала. Ни медицинские средства — Андрей целую осень пролежал в районной больнице, потом его возили в Киров, — ни народные пока не помогали. А уже кончилась война, с фронта вернулся отец. Сын не смог даже выскочить на улицу встретить его.

— Что ж, будешь калекой? — грустно спросил Филипп Алексеевич.

— Нет! — закричал Андрей. — Буду ходить, буду!

Он смастерил костыли и стал выходить из избы. Больная нога не слушалась, от усилий ее сводило еще больше, жгло колено. Андрей кусал губы, но день за днем отмечал свои сотни шагов.

Через год Гордин забросил костыли совсем.

А уже снова пришла весна. В деревне стучали топоры, в воздухе носились запахи свежеструганного дерева.

Андрея назначили колхозным счетоводом. Особенно была довольна мать: кто ж не знает, что счетовод — второй человек в колхозе после председателя.

Накладные, счета, толстые конторские книги... Новая должность отнимала время, но не загружала головы. Мысли Андрея витали далеко — подшипники, шатуны, болты с левой и правой резьбой, приводы, маховики соединялись в невыразимые пока машины.

Вскоре и решил он строить пилораму.

М

риумфальный день пуска на речке Лумыж прошел, начались будни. Лесопилка работала с утра до вечера. Андрей вставал пораньше, загонял бревно в лоток, и пока пила грызла древесину, мог идти куда угодно. Ровно через час бревно будет разделано — подавай следующее.

Только идти никуда Гордину не хотелось. Прежнюю должность счетовода он оставил совсем. Отец и мать уже не ворчали, особенно после того, как Андрей получил по договору пятьсот рублей — большие деньги.

О гординской пилораме прослышали в районе. Раз увидел Андрей, что к нему идут двое — председатель «Колоса» и еще кто-то. Оказалось, механик соседнего колхоза.

— Вот, — сказал председатель, — Шабры просят помочь. Тоже лесопилку хотят строить.

Андрей уставился на механика.

— Возьмешься? — спросил тот.

Андрею вопрос механика показался смешным. Что значит «возьмешься», когда только этого он, Гордин, и хочет. Появились тут новые мысли — как улучшить пилораму. Но в своем колхозе вряд ли удастся. Иное дело у соседей: у них мельница куда мощнее.

Вторую пилораму он сделал намного быстрее, чем первую.

С пилорамой познакомился техник из района.

— Интересно, — сказал он. — Сами все и придумали?

— Сам, — подтвердил Андрей.

— Гм... Никогда не встречал такой схемы.

Потом он втолковывал Андрею, что надо, непременно надо послать чертежи в Москву.

— Куда, куда?

— В Москву, в министерство.

«МОСКВА. МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР»

Мною, колхозником сельхозартели «Колос» Гординым А. Ф., построена деревянная пилорама. Описание и чертеж прилагаю. Прошу рассмотреть возможность массового изготовления в металле.

А. Гордин».

Андрей хотел дописать в заявлении еще три слова — «для колхозов страны», но техник отговорил.

— Может, и для промышленности сгодится, — рассудительно сказал он.

Неужели мечты сбываются? Похоже на то. Сколько ж это надо ждать? Так, до Москвы письмо идет пять, от силы — семь дней. За неделю там разберутся. Еще неделя — на обратный путь. Скорей бы!..

ОТЗЫВ

Об изобретении гр. Гордина А. Ф. — лесопильной рамы с восприятием инерционных сил поступательно движущихся масс упругими звеньями и с качанием пильной рамки.

В заявке содержится два предложения, которые могут быть предметом изобретения:

1. Кривошипный механизм пильной рамки, в котором ползуны заменены катящимися рычагами и включены упругие элементы для замыкания механизма и восприятия инерционных сил рамки.

Этот механизм должен обеспечить, по мысли автора, уменьшение инерционных нагрузок на мотылевый и корен-

ные подшипники рамы и тем самым позволит повысить число оборотов кривошипного вала и, следовательно, производительность лесопильной рамы.

2. Механизм качания пильной рамки, позволяющий уменьшить скобление пилы бревна вблизи мертвых точек.

Ознакомление с материалами заявки и экспертизой позволяет отметить следующее:

1. Идея восприятия инерционных сил упругими силами по схеме, предложенной автором, является весьма интересной. Предложенный механизм решает задачу разгрузки мотылевых и коренных подшипников рамы и притом простейшим способом. В литературе (как отечественной, так и зарубежной) подобная схема уравнивания сил инерции кривошипных механизмов не описана. Поэтому целесообразно бы оформить как предмет изобретения предложенную схему механизма, независимо от области применения.

2. Механизм качания пильной рамки с точки зрения кинематики и динамики не вызывает никаких сомнений. С точки зрения технологии лесопильная рама с таким механизмом будет иметь существенно лучшие условия резания по сравнению с рамами без механизмов качания. Сочетание этого механизма с механизмом катящихся рычагов открывает дальнейшие возможности в улучшении условий резания.

Старший научный сотрудник института
машиноведения Академии наук СССР (подпись).

Но мы забежали вперед с этим документом. Сначала Гордин получил иной ответ. Он, если сказать совсем коротко, содержал примерно такую рекомендацию: не мешайте, товарищ колхозник Гордин, своими проектами занятым ученым людям. И тоже подпись: Кандидат наук, работник Института.

К

андидат приподнялся над столом, для чего оперся о него руками. Подбородок, вытянутый вперед, кивнул Гордину.

— Садитесь, прошу. Андрей... Э-э... Федорович, если не ошибаюсь?

— Филиппович,— машинально поправил Андрей, пытаясь сообразить, зачем он понадобился Кандидату. С чего бы такое внимание?

В Москву Гордин приехал как заказчик. Колхоз «Колос», выросший и окрепший в последние годы, решил изготовить гординскую пилораму на заводе. Правление выделило десять тысяч и отправило Андрея в Вологду, на завод «Северный коммунары». Тамшине конструкторы с явным интересом разглядывали чертежи и эскизы, выполненные на листах из школьных тетрадок в клетку. В помещении КБ, среди кульманов и рулонов чертежей, Андрей чувствовал неловкость за невзрачный вид своих бумаг. Но интерес конструкторов был искренним, и смущение прошло.

— Любопытно,— кивали головами вологодские инженеры.— Только вот расчеты бы еще посмотреть.

— Расчеты? Нет у меня никаких расчетов,— растерялся Андрей.— А что, разве нужно?

Конструкторы переглянулись.

— А как вы делали свою машинку?

— Как? Как обычно,— растерялся Андрей.— Рамку сделали, рычаги, привод взяли...

— Ну да, конечно,— сказал самый пожилой из инженеров.— Вы не огорчайтесь, что мы так говорим. Вас и другие еще спросят о расчетах. А пилораму сделать мы не можем, завод не имеет права принять заказ.

— Что же мне делать?— спросил Андрей.

— В Москву поезжайте, в Институт. Там должны решать.

И вот Андрей Гордин сидит в Институте.

— Ну-с, уважаемый Андрей... э-э... Филиппович,— Кандидат поулыбался.— Нам с вами предстоит серьезный разговор. Постарайтесь меня правильно понять,

Андрей насторожился. Неспроста этот заход с вежливой улыбкой. Ясно, что Кандидат ведет к пилораме. Только зачем ему и пилорама, и Гордин? Не так давно он сказал об Андрее:

— Болезнь самоучек — техническое невежество.

И крест поставил над всем этими словами. И вот опять пригласил. Зачем?

— Вы знаете, как много сделал для вас коллектив Института,— мягко заговорил Кандидат.— А.ы долго со- трудничаем, не правда ли?

Куда уж дальше: седьмой год. Андрей смеялся над своей прежней наивностью, когда дни считал, отправив первое письмо в Москву. Тогда ему ответили из Министерства сельского хозяйства, что дело колхозника Гордина в министерстве решено быть не может, поэтому заявителю следует обратиться в компетентное учреждение, а именно в Институт, куда и пересланы все материалы.

Андрей ликовал: уж в компетентном-то разберутся! Но ответа из Института долго не было. Андрей напомнил о себе. Из Института запросили чертежи в двух экземплярах. Андрей послал. Из Института пришел опросный листок изобретателя. Андрей заполнил и получил справку из институтского БРИЗа:

«Ваше предложение зарегистрировано под номером... При переписке ссылаться на него».

Андрей писал и писал, ссылаясь на бризовский номер, и, наконец, пришла копия постановления:

«1. Предложение новизны не представляет.

2. Заключение экспертизы — отрицательное — направлено автору.

3. Конструкцию пилорамы отклонить».

Все вспомнил Гордин, сидя перед Кандидатом, гадая, что за метаморфозы произошли в настроении последнего.

— Вы знаете, мы решили изготовить рабочие чертежи вашей пилорамы.

— Что?! — удивился Гордин.

— Да-да, сделать чертежи и изготовить экспериментальный образец вашей прекрасной машины. Впрочем, почему вашей? Нашей общей, конечно, столь нужной народному хозяйству.

И опять ничего не понял Гордин. А в тоне Кандидата уже сквозило нетерпение. Не хотелось Кандидату прямо говорить этому выскочке из тайги, что чертежи будут готовы только в том случае, если Гордин напишет заявление руководству Института о соавторстве. Не хотелось, да вот приходилось.

Кандидат еще раз объяснил, что им, Гординым, проделана большая работа при постройке пилорамы. Но и Институт не стоял в стороне, вел переписку с ним, Андреем, то есть фактически направлял всю работу. И плод этого сотрудничества — машина — по праву принадлежит всему коллективу. Как серьезный человек, товарищ Гордин не вправе считать себя единственным автором изобретения, а поэтому надо сейчас же написать заявление директору. И тогда целый отдел (это Кандидат подчеркнул особо) сядет за чертежи под научным и техническим руководством... Тут он назвал свою фамилию.

Не дав Гордину опомниться, Кандидат встал из-за стола и, легонько обняв Андрея, повел его к выходу.

↑

ордин открывает сарай и выкатывает оттуда мотороллер.

— Будем пахать,— сказал он мне.

Огород его здесь же, за сараем, неужели мотороллером будет пахать?

Андрей прилаживает сзади какой-то валик с зубьями. Потом садится на мотороллер, заводит его. И пошел мотороллер по огороду. Крутится зубчатый вал, оставляя после себя ровную взрыхленную почву земли. Тут пахота и боронование сразу. А точнее — Гордин не пашет землю, а фрезерует ее валиком с зубьями.

Андрей медленно идет вдоль вспаханной полосы. Наклоняется, пробует землю, разминает ее в ладонях.

— Авторское свидетельство брать будете? — полушутя спрашиваю я.

— Нет, — серьезно отвечает Андрей. — Разрешаю пользоваться каждому, кто захочет.

У него в столе несколько свидетельств. Изобретения связаны не только с деревообрабатывающими станками. Есть хитроумное приспособление для зернового комбайна, есть устройство для регулирования скорости клиноремennого вариатора, еще какие-то интересные штуки.

Их внедрением Андрей не занимался. Для чего же придумывал? Ну, пришла идея, захотелось проверить, может ли выйти. И когда подтвердилось: да, может, Андрей спрятал свидетельства в стол и больше к ним не возвращался.

Он непрактичен, Гордин. Его бревноподатчик (те самые «пальцы») запатентован в Швеции. Эту машину изготовили по чертежам Андрея на нескольких комбинатах страны. А Гордин даже не получил причитающегося ему вознаграждения. В Ловве выписали премию — и ладно. А хлопотать, чтобы заплатили все, что причитается, Гордин не стал.

Жена Андрея — Нина давно смирилась с его странностями. Покорно переживает с ним с места на место, переживает неудачи мужа. А, главное, радуется вместе с ним, когда выпадет удача.

Н

ет, не понимал вятский колхозник Андрей Гордин движений тонкой души ученого деятеля из столичного Института, как не знал еще хорошенько об учреждении, в котором имел честь обратиться.

Он был особенным, Институт. Разные люди работали в нем — добрые и не очень, компетентные и не совсем, приветливые и хмурые, старые и молодые. Но не их личные особенности определяли лицо уважаемого учреждения, а положение, в которое его поставили. Институт был головным в своей отрасли. И, значит, вне его стен авторитетов как бы не существовало. И, значит, приговор работников Института по поводу того или иного изобретения становился окончательным.

Разные люди работали в Институте. И со степенями, и со званиями. Одни создавали машины — хорошие и не очень, искали новые пути в технике, прикидывали варианты, выдвигали идеи. Другие идей не выдвигали, но тоже искали пути и прикидывали варианты. К другим и относился Кандидат.

Был Кандидат учтив, держался с достоинством, соблюдал приличия. На работу приходил минуту в минуту, вечером недолго задерживался — того требовали правила хорошего тона. Любил выступить на институтских собраниях, когда речь шла «о наших успехах». Знал он то, что знал, и даже писал об этом главы в коллективные учебники. Верил Кандидат в то, во что верил, и поколебать его было невозможно. А знания и вера его определялись многими обстоятельствами, среди коих не последнее место занимали высказывания авторитетов и указания руководства. Больше всего, считал Кандидат, знают министры и академики, потом — профессора, потом — доценты, руководители отделов и старшие научные сотрудники, за ними по убывающей шли рядовые инженеры, техники, рабочие.

Получив на экспертизу гординские схемы и эскизы, сделанные карандашом на простой тетрадной бумаге, Кандидат поморщился. А когда прочел пояснения к каждой детали — «верхний задний оцеп», «верхний боковой оцеп», «дергун подачи дерева», — вознегодовал. Такие пояснения могли свидетельствовать об одном — автор проекта не имел специального технического образования и, исходя из шкалы Кандидата, не способен был предложить ничего путного.

С полным сознанием правоты писал Кандидат заключение. Оно поместилось на нескольких страницах. Форму-

лы, формулы... Буквы греческого алфавита грозно напирали на автора-недоучку и его машину, высмеивали их, грозили и под конец вlepили приговор: пилорама ни в каком виде работать не сможет.

А пилорама работала. Сначала одна, потом две. Получив ответ Кандидата, Андрей обескураженно смотрел на прыгающие перед глазами строчки.

— Плюнь, — сказал отец. — Куда тебе в калашный ряд. Андрей прекратил переписку. Ему захотелось улучшить пилораму. Благо, еще один колхоз заказал ее Гордину. А потом и родному «Колосу» понадобилась более мощная лесопилка. Правление купило локомотив. Четвертая пилорама Андрея, приводимая в движение этим мощным двигателем, распиливала за день восемьдесят бревен.

Посчитав, что теперь-то он сможет убедить Кандидата, Гордин снова стал писать в Институт. Четыре работающих машины — это все-таки аргумент. Но из Москвы опять пришел ответ, как две капли воды похожий на прежние. Андрей написал еще раз, но Кандидат перестал даже читать его письма.

К

андидата будто подменили. Он сам предложил Гордину дружбу.

Гордин терялся в догадках. Даже тогда ничего он не понял, когда прочел в центральной газете статью заместителя министра. Статья рассказывала об изобретательстве и рационализации, и Гордину в ней посвящался целый абзац. Заместитель министра хвалил Андрея, называл умельцем-самоучкой, народным талантом. Гордин не мог понять, как такой большой человек узнал о нем. Случайно, наверное.

Что ж, если и была тут случайность, то только в том, что о Гордине написали в газете. Могли бы и не написать. Но не узнать об Андреевой машине в Институте не могли, как бы ни старался Кандидат не замечать изобретателя. Тот самый пожилой инженер из Вологды написал в Институт письмо, всячески расхвалив Андреев проект и интересуясь, когда будут готовы рабочие чертежи новой пилорамы.

— Какой пилорамы? — спросил Кандидата директор Института.

— Наша группа работает... Скоро будут готовы расчеты, — быстро нашелся Кандидат.

Директор пожелал познакомиться с изобретателем.

— Его сейчас нет на месте... Я познакомлю его с вами попозже.

Из архива были извлечены все гординские бумаги. Кандидат снова стал разбираться в них и вдруг понял то, чего не мог понять больше шести лет: машина Гордина оригинальна и может принести славу автору или... авторам.

Раз дело приняло такой оборот, Кандидат пригласил Гордина на беседу и предложил дружбу.

Чертежи и эскизы изучали все инженеры группы, хвалили идею. Отрицательное заключение эксперта спешно переписывалось на положительное. Готовилась заявка для регистрации пилорамы как изобретения и поэтому пришлось направить материалы на отзыв в институт машиноведения Академии наук СССР. Отзыв пришел скоро, схему хвалили, и Андрею разрешили в Институте сделать действующую модель пилорамы. На демонстрацию собралось множество авторитетов, модель всем понравилась. Андрей ходил веселый, забыв и думать о прежних огорчениях.

Кандидат предложил дружбу, и Гордин принял ее.

Андрей написал заявление директору, прося считать Кандидата соавтором своей работы.

— Зачем ты сделал это? — спрашивали Гордина.

Он молчал или отделялся шутками. Андрей сумел придумать машину, но продвинуть ее не сумел. Он не знал еще, как правильно оформить документ, попасть на прием к занятому человеку, добиться созыва техсовета. Все это умел Кандидат.

роза грянула, когда о ней меньше всего мог думать Кандидат и уж тем более — Гордин. Гроза грянула в марте, в виде статьи «Машина под замком» в «Комсомольской правде». Ее корреспондент, заинтересовавшись абзацем о Гордине в статье замминистра, приехал в Институт писать очерк о народном таланте. Тут журналист узнал всю историю Андреева изобретения. Корреспондент клеймил волокитчиков и бюрократов за шестилетнюю бесплодную переписку с автором прекрасной новой машины. Гнев газетчика вызвало и то, что модель этой самой машины упрятана под замок в стеклянную витрину — как экспонат для демонстрации гостям. Когда же будет опытный образец? — спрашивал автор.

Досталось и Кандидату за принудительное соавторство.

Кандидат встретил Андрея в коридоре и прошел, не здороваясь.

Гроза пронеслась над Институтом — шумная, скоротечная и безвредная, как все весенние грозы... Кандидату указали на недопустимость зажима молодых талантов. Директор созвал заседание научно-технического совета с повесткой дня: «Предложение т. Гордина А. Ф.»

С сообщением об этом директор выступил сам.

— Лесопильная рама товарища Гордина, — сказал он, — новое слово в технике. Прошу членов совета высказаться по этому поводу.

Члены высказались. Сомнений не может быть, говорили они, надо делать опытный образец. Совет проголосовал за постановление:

«1. Считать предложение тов. Гордина А. Ф. полезным и рекомендовать его к дальнейшей разработке.

2. Одобрить направление, предложенное Институтом по реализации предложения тов. Гордина А. Ф.

3. Провести испытания лесопильной рамы для проверки предложения тов. Гордина А. Ф.»

Разработку рабочих чертежей машины директор своим приказом поручил группе, возглавляемой Кандидатом.

Чертежи, отзывы, заключение экспертов, протокол заседания ушли в техническое управление министерства. Спустя несколько недель Гордин держал в руках прекрасный, ни с чем не сравнимый лист плотной гербовой бумаги с выписанными золотом словами «АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО».

Андрей вертел свидетельство, читал и перечитывал описание машины, а также «предмет изобретения» — то, что, собственно, отличало его машину от других подобных.

Вечером Андрей в общекитине писал письмо в деревню. Он представлял, как обрадуются отец, мать и жена. Гордин сообщил им о последних событиях: скоро будут готовы чертежи, и он поедет в Вологду, на завод, так как хочет сам участвовать в сборке и испытаниях пилорамы.

Главный инженер вологодского завода «Северный коммунар» не мог взять в толк просьбы странного посетителя. Главный торопился, но старался слушать парня внимательно.

— Я приехал к вам строить пилораму, — сказал тот.

— А, РЭУ, — вспомнил инженер. — Рамную экспериментальную установку. Да, знаю, чертежи мы получили из Института.

Так чего вы хотите?

— Переделать чертежи, — сказал посетитель.

— Что?

Главный начал сердиться. Полугодие кончается, план горит, утром была накачка у директора за задержку — каждая минута дорога. А этот просит невесть чего...

— Вы понимаете, что это невозможно? Как мы станем переделывать чертежи, а, значит, и машину, сконструированную не нами? Да и зачем?

— Они враные, — ответил парень. — Там плохие конструктивные решения.

Теперь главный развеселился. Он закурил, закинул ногу на ногу и глянул на просителя.

— Собственно, кто вы такой?

— Я придумал эту машину.

— Так вы автор?!

Андрей прибыл в Вологду вслед за чертежами. Их изготовили за несколько недель после заседания научно-технического совета. Группа Кандидата торопилась: распоряжением замминистра работа над РЭУ была включена в план этого же года.

Андрей еще в институте знакомился с чертежами. И ахал: РЭУ не нравилась ему. Гордин казался далеко не лучшими выбранные конструктивные решения. Отдельные узлы не доработаны, так что неизвестно, будет ли РЭУ пилить.

Андрей пошел к Кандидату. Тот выслушал его и посоветовал не паниковать, так как на заводе недоработки будут устраняться по ходу работы над машиной.

— Я сам переделаю, вы только разрешите, — сказал Андрей.

Главный прошелся по кабинету. Он уже знал историю светлоглазого парня и сейчас жалел его. Эти мудрецы из Института здорово напортачили.

— Переделывать чертежи Института мы вроде не имеем права, — сказал он Гордину. — А новые изготовить неплохо бы. Вы меня поняли?

Гордин понял. В тот же день он сел за кульман.

ПРОТОКОЛ

СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРЕ ЗАВОДА «СЕВЕРНЫЙ КОММУНАР»

По вопросу рассмотрения нового варианта узлов шатуна и катков экспериментальной установки (модель РЭУ), предложенных тов. Гординым взамен аналогичных узлов, предложенных Институтом. На рассмотрение представлены чертежи рабочего проекта узлов.

С л у ш а л и:

Сообщение автора предложения тов. Гордина о преимуществах нового варианта узлов шатуна и катков по технологичности и меньшему весу.

В связи с тем, что предложенный новый вариант узлов более прост в изготовлении и, кроме того, есть возможность замены катков из стального литья на сварные кованые,

Р е ш и л и:

1. Принять к изготовлению на заводе предложенный т. Гординым новый вариант узлов.

2. Одновременно производить изготовление узлов шатуна и катков по первому варианту, предложенному Институтом...

ПРОТОКОЛ

ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРЕ ЗАВОДА «СЕВЕРНЫЙ КОММУНАР»

С л у ш а л и: сообщение тов. Гордина А. Ф. о конструкции облегченной сварной пильной рамки для РЭУ.

Р е ш и л и: считать целесообразным изготовить экспериментальную пильную рамку сварной конструкции по предложению тов. Гордина...

ерелка узлов пилорамы подходила к концу. Можно бы начинать их изготовление, но как? Начальник цеха вчера сказал Андрею:

— Металл мы тебе, парень, найдем. Станки — вот они. Но людей не дам. У меня и без твоих новшеств станочки перегружены.

Андрей ходил сам не свой. Он даже во сне видел провал. В отчете будет написано: «Работу над РЭУ прекратить как нецелесообразную». И все. И никакие доказательства никого не переубедят. Пойдет насмарку труд нескольких лет, а, главное,

о пилораме на катящихся сегментах и мечтать не придется. Нет ее и не будет. Но ведь есть пилорама, черт возьми. До сих пор работает в «Колосе». Почти десять лет исправно пилит бревна, даром что деревянная.

Тут и решил Андрей попросить помощи у комсомольцев. Неужели парни не поймут?!

В комитете на заваленном бумагами столе сидел невысокий парнишка лет двадцати и с кем-то ругался по телефону — обзывал кого-то бюрократом, волокитчиком и зазнайкой.

— Мы тебе на комитете всыплем. Ах, не успел? А ты больше в конторе сиди... Знаю, как ты по цехам бегаешь — руки в брюки и чтоб туфли не замарать. Все, ничего не хочу слышать...

Комитетский бросил трубку и повернулся к Андрею:

— Видал? Ты понял, каков гусь? Тут наши ребята из третьего цеха приспособление соорудили, а этот... Тоже мне, бризвец называется... Тебе чего?

Андрей вздохнул и стал рассказывать. Парень слушал, листая на столе бумаги. Потом бросил их, глянул на Андрея.

— Стой, ты не тот ли, про которого «Комсомолка» писала? «Машина под замком»... Гордин, кажется.

— Гордин, — поправил Андрей.

— Ну! Колхозник-изобретатель? Здорово ты придумал... От комитета чего хочешь?

Станочники согласились помочь Андрею. Для этого им приходилось оставаться в цехе после работы. Сам Гордин готов был ночевать в цехе, но мастер, глядя на его посеревшее лицо с обострившимися скулами, на мешки под глазами, гнал Андрея домой.

Мастер по-отцовски жалел этого парня. Андрей лишь много позже узнал, что мастер сам становился после смены за станок, когда заболел один из токарей. Этот человек повидал разных конструкторов и пуше прочих уважал таких вот, как Гордин.

Не один лишь Кандидат встретился на пути изобретателя Гордина. Был ведь и Техник, первый заметивший оригинальную схему лесопилки и заставивший Гордина послать чертежи в Москву. Был и Инженер, написавший рекомендательное письмо в Институт. Он всего раз видел Гордина, недолго поговорил с ним о пилораме, но посчитал своим долгом поддержать то, что казалось ему важным и нужным. И в Институте настоящие Ученые на заседании научно-технического совета высказались за воплощение в жизнь гординской идеи. Вот теперь Мастер с ребятами из цеха помогли Гордину.

Оба варианта РЭУ были готовы одновременно. На стендовых испытаниях установку, сделанную по чертежам Института, сразу забраковали. От Кандидата пришло возмущенное письмо. Но когда в Институт ушел отчет, составленный по всей форме, руководитель группы сменял гнев на милость. Завод получил официальное уведомление, в котором говорилось, что «Институт не возражает против конструктивных изменений, внесенных в чертежи РЭУ автором изобретения тов. Гординым А. Ф.»

Андрей снова мог ликовать.

Нисьма из Лобвы, от Гордина, я получаю часто.

«У нашего директора состоялись два совещания, причем, второе — с участием главного инженера производственного объединения «Свердлесдревпром». Принято решение изготовить станки для линии последовательной распиловки бревен на нашем комбинате. Есть и приказ об этом, и срок, когда будет готов первый головной станок.

Уже нарезали заготовки...»

«Вы не забыли фрезопильную линию? Сделаны детали для двух станков, но сборку пока не начинали. Ждать не хочу, поэтому сборкой стал заниматься сам. Теперь кое-какие узлы готовы...»

«...По-моему, в новаторском деле ни в коем разе нельзя нажимать на тех, кто делает, хотя бы и работали они чрезвычайно тихо. Давить бесполезно, надо тянуть, призывать, увлекать. Ну, вот наши директор комбината и начальник цеха взялись за это добровольно, а имели полное право отказаться. У них ведь на первом месте стоит производственный плац, а все остальное — сверх нормы. Критиковать же надо тех, кто обязан создавать новые машины по долгу службы, а не создает».

С кем угодно могу говорить о новом методе лесопилки. Ибо в то время как другие отрасли промышленности идут в техническом отношении вперед, лесопилки, по-моему, топчется на месте...»

Не преувеличивает ли Андрей Филиппович? Нисколько, оказывается. В брошюре Л. Лурье «Направления развития лесопилки в СССР и за рубежом», изданной недавно в Москве, говорится:

«Технический уровень лесопилки во всем мире, как правило, ниже среднего уровня промышленности в целом». Л. Лурье приводит цифры об уровне механизации в лесопилки — он составляет 30—35 процентов. Только на лучших лесозаводах Швеции цифра довольно высока: 60 процентов.

Напомню, что именно в Швеции запатентован бревно-податчик Гордина. Когда патент получили в Лобве, то не смогли прочесть: не нашли переводчика со шведского.

В лесопилки всегда главным агрегатом была пилорама. Разные ее модели существуют сотни лет. В России пилорама появилась еще при Петре Первом.

И вот настает пора потеснить бабушку-пилораму, создать лесопильный конвейер. Над его созданием работают в США, Канаде, Швеции, Финляндии, в других лесных странах, а также у нас, в СССР. Различны пути, способы, варианты решения этой сложной технической проблемы. Один из них, весьма интересный, и предлагает Гордин.

Фрезопильный конвейер — сложнейшая инженерная задача. Тут, как говорится, думать и думать. Такие проблемы, как правило, под силу большим коллективам. Кстати, над подобной линией, судя по сообщениям, работают инженеры целого института — ЦНИИ механической обработки древесины в Архангельске.

А Гордин проделал всю работу один. Да-да, в одиночку прошел путь от идеи до рабочих чертежей. Больше того, сам же Гордин стал главным участником сборки линии.

Он первоклассный слесарь, Андрей. Хоть и занимает должность конструктора, но, по сути, остался рабочим, Мастером с большой буквы.

* * *

Рамная экспериментальная установка — РЭУ — стояла в цеховом пролете, вооруженная новенькими лезвиями пил. Внешне она совсем не походила на давнюю свою предшественницу — деревянную труженицу с реки Лужык.

Несколько месяцев шли испытания РЭУ. Бревно за бревном разгрызала она стальными зубами. Рядом трудилась обычная пилорама, какие сотнями уходили с заводского двора на лесопильные фабрики. А РЭУ существовала пока в единственном экземпляре.

Еще впереди были толстые папки отчетов с графиками, фотоснимками, длинными столбцами расчетов, сопоставимых показателей. Еще предстояли долгая переписка с Институтом, споры о долговременности и эффективности пилорамы, еще не было официальных отзывов производственников о ее работе. Еще много всякого ждало Гордина и его машину, и все-таки уже сейчас было ясно: РЭУ удалась.

Заводские конструкторы, рабочие, обслуживающие установку на испытаниях, хвалили ее. Предварительные расчеты показывали: производительность РЭУ в полтора раза выше обычной пилорамы.

Андрей носился из цеха в КБ, в лабораторию, вместе с контролерами проверял качество распиловки, что-то под-

лаживал, настраивал. Весь долгий день — с раннего утра до позднего вечера — для него находилось какое-нибудь дело.

Дома жене — она переехала к нему в Вологду — рассказывал, как провел день, что делается с его РЭУ.

Как-то утром Андрей пришел на испытания. Привычно шумела машина, разбрызгивая опилки. Гордин в задумчивости стоял рядом. Его мечта, его многолетняя забота воплотилась в реальность, в могучую железную плоть, и он мог быть доволен. Андрей и был доволен, но что-то мешало ощутить полную радость от своей победы.

РЭУ получит серию, станет на место нынешней богини лесопилок. И что же? Вон подсобники оттаскивают в сторону горбыли, вон складывают брус, возят на тачках опилки. Горделивая РЭУ, новинка техники, ускоряя распиловку, еще больше задала работы таким вот подсобникам. Что ж, для одних движение вперед, для других топтание на месте? Или этих вот подсобников прогресс и не должен касаться? Нет, тут что-то не так. Прогресс — он для людей, а не для машин. А потому нельзя одних вести вперед, на других — рукой махнуть. Вообще неправильно улучшать одно звено, оставляя прежней всю цепь...

А если?.. Стоп, но это фантастика. Почему фантастика? Ну, не было еще подобного, никто пока не брался... Так потому и нету, что никто не брался... Да не осилить... Так это уже другой вопрос. А если?.. Стоп, еще раз сказал себе Андрей, надо хорошенько подумать...

В

ечерами Гордин чертит... Идея новой фрезопильной линии последовательной распиловки бревен все ближе и ближе к осуществлению. Снова вперед испытания, отчеты, заключения, отзывы — знакомая Гордину, долгая процедура.

ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СВЕРДЛЕСДРЕВПРОМ»

Рассмотрев предложение конструктора Лобвинского лесокombината тов. Гордина А. Ф. «Последовательный метод распиловки бревен», технический отдел «Главлесдревпрома» отмечает, что предложение заслуживает внимания, и считает целесообразным заниматься этим вопросом в дальнейшем. Необходимо продолжить работу по экспериментированию фрезерно-пильного станка, начатую автором на Лобвинском лесокombинате, чтобы затем на одном из четырехрамных лесозаводов вашего объединения установить и пустить в производство опытную линию предлагаемого последовательного метода.

Главный инженер Главмеддревпрома (подпись).

Со времени пуска первой гординской деревянной пилорамы, с того маленького торжества на речке Лумызь прошло двадцать пять лет. Как принято при юбилеях, оглянись в прошлое, Андрей Гордин! Перебрав в памяти длинную череду дней, скажи: ты не ошибся в выборе своего пути?

— Нет, — говорит Андрей, — не ошибся.

— А РЭУ? — спрашиваю я.

— Что РЭУ? — говорит Андрей. — РЭУ — вот она: чертежи, отзывы, переписка — три тома...

— Но ведь это бумаги.

— Нет, это машина. Только она пока в одном экземпляре.

Я понял его. Он придумал машину, верит в нее, и не его вина, что машины нет ни на одном из лесозаводов страны.

**ДМИТРИЙ
КЛЕЩЕВ**

МАТЕРИНСКАЯ „ОПЕКА“

По мнению мамы, немало на свете
Испорченных мальчиков —
сверстников Пети.

Они-то, по мнению мамы, и могут
Увлечь его, сбить на плохую дорогу.
Едва начал Петя со Славой водиться,
Как мама встревожена, маме

не спится!
«Того, что б подрался он, — этого
нету,

Да больно уж бойкий...

Плохая примета!...
И Пете пришлось эту дружбу
оставить.

Но только на свете без дружбы
нельзя ведь.

С Володей с тех пор их видали
не раз
(Володю тихоней прозвали у нас).
Но мама на страже:

— Без папы он рос?
Нет, ты уж, пожалуйста, дружбу

с ним брось.
Да с ним заодно забудь и о Коле:

Слыхала я, с кем-то подрался он
в школе.

Валерик? Не тот ли, в худой
рубашонке?

Нет, лучше уж будь от такого
в сторонке.

Видала я Ваню, да он тебя старше!..

Нет, лучше уж будь от такого —
подальше...

Был Петя когда-то друзьями богат,

А нынче их нет у него, говорят.

А мать не нахвалится сыном, бывало:

— И шалости даже за ним не видала!

Вот разве порой беспокоюсь одним:

В кого он растет у меня — нелюдим?

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Фото автора

Баба-яга с электромотором

Многие видели диорамы, показывающие исторические битвы. Эта диорама тоже показывает битву — добра со злом. Герои — литературные, известные стару и младу. Вот баба-яга ходит-бродит вокруг своей избушки. А там томится в невольничьем тереме прекрасная царевна, и текут ее дни за скучной прялкой. Волшебна распахивается дверь в подземелье — там царь Кощей над златом чахнет, склонился над сундуком, полным сверкающих драгоценностей. А это добрый богатырь Руслан сражается с длиннорылым колдуном, унесшим его в небо.

Русалка на ветвях сидит...
Русалка — единственный персонаж пушкинского «Лукоморья», которая недвижна, сидит (как и сказано у поэта) в этой чудесной диораме, которую сделали ребята из кружка технического моделирования при Краснодарском Дворце пионеров. Диорама — чуть больше телевизора. И когда ее включают в электрическую сеть, слышно гудение моторчиков и шорох шестеренок, движущаяся сказка делается от этого еще загадочнее, таинственнее...

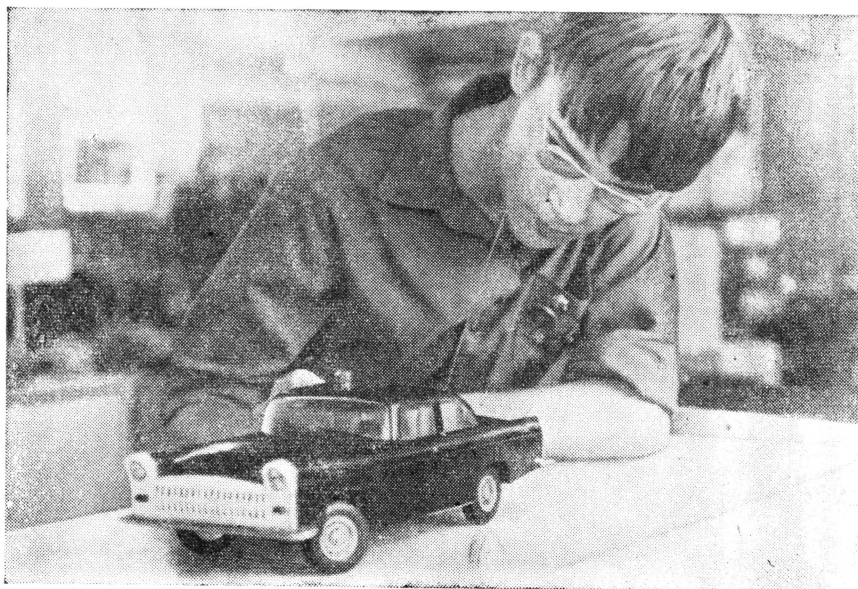
Школьные умельцы делают не только хитроумные игрушки и модели, но и принимают посильное участие в совершенствовании и конструировании настоящих приборов, годных для научных исследований, промышленности, сельского хозяйства, медицины. В этих коротких заметках рассказывается о таких работах ребят из самых разных городов и областей России...

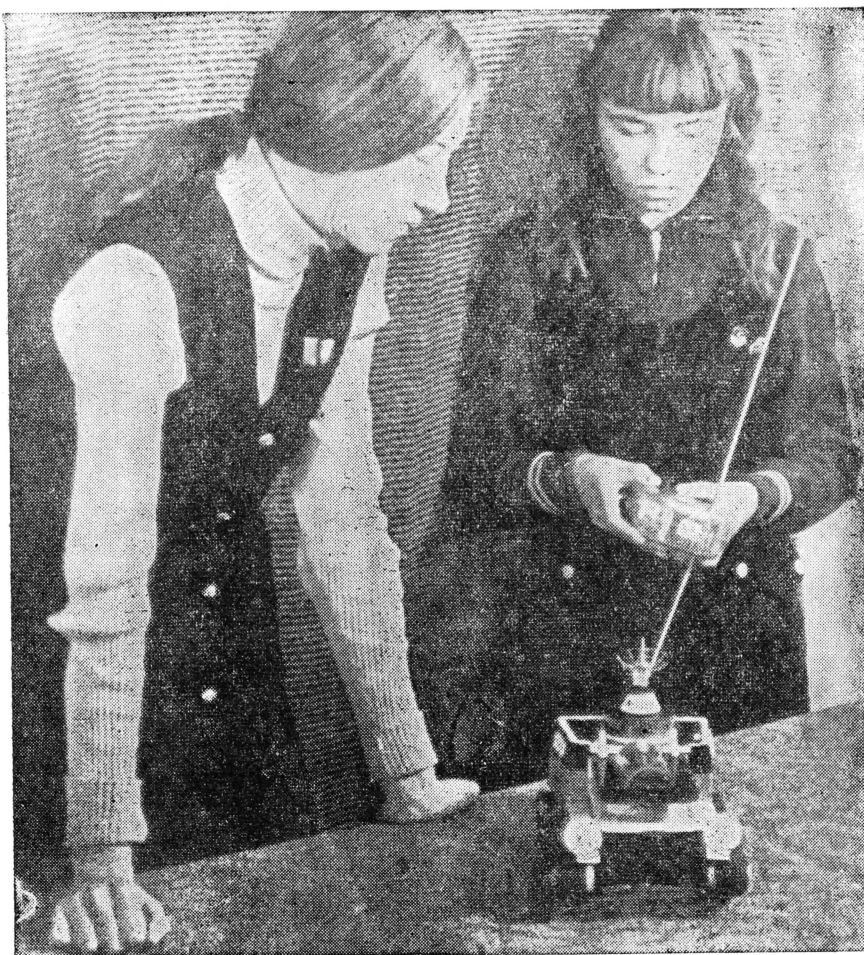
Мини... радио... авто

Я смотрю на миниатюрную модель автомобиля «Чайка», она не больше автомобильчиков, что продают в магазинах для малышей. Меня удивляет, как Мише Шилову из Оренбурга удалось нашпиговать его и батарейками, и радиоприемником, и деталями ходовой части. Так рационально использовать каждый кубический сантиметр объема! Длина плато приемника, напри-

мер, — всего два сантиметра. Монтировал его Миша по принципу воткнутых друг в друга гребенок, чтобы предельно уплотниться. Даже в кольца дешифратора врезал из соображений экономии места кое-какие детали. Так, поставив перед собой вроде бы простую задачу — сделать как можно миниатюрнее модель, — Миша должен был окунуться в изобретательство.

Миша Шилов с радиоуправляемой моделью автомобиля «Чайка».

Ира Файзулитдинова и Надя Соловых с планетоходом «Марс».

«Марс»

на гусеницах

И на Марсе побегут дороги землян... В этом убеждены юные техники и потому готовятся к покорению марсианских просторов, конструируют различные модели невиданных планетоходов...

Элегантен планетоход «Марс», который сделали Надя Соловых и Ира Файзулитдинова — школьницы города Чапаевска Куйбышевской области. Модель на резиновых гусе-

ницах делает все движения — ход вперед, задний ход — как и полагается настоящей машине. Ею можно управлять даже на расстоянии полкилометра. Частота, на которой работают передатчик и приемное устройство «Марса», — 144 мегагерца.

Ира и Надя занимаются в радиотехническом кружке уже несколько лет. Станут ли они радиоинженерами — неизвестно, но технические знания нужны ныне человеку в любой сфере деятельности.

Сварка

ПОД МИКРОСКОПОМ

Пример сотрудничества с учеными показывают ребята Воронежской областной станции юных техников. Они сконструировали установку для микроприварки контактов к нитевидным кристаллам.

Исследователям Воронежского политехнического института понадобились приборы на кристаллах. Промышленность их не выпускает. Монтировать самим! Да, но неужели для того, чтобы приварить проводки, которые тоньше человеческого волоса, придется делать дорогую и сложную сварку в вакууме! Ученые предложили юным техникам из кружка, которым руководит Ю. А. Воронин, подумать о более простой сварке.

И ребята сделали «сварочный аппарат», конечно, совершенно необычный. Он миниатюрен и снабжен трубкой микроскопа, чтобы можно было точно состыковывать тончайшие проводки, а затем, после прохождения импульса тока, проверять качество сварки. Школьники добились того, что на их установке не происходит чрезмерного нагревания, из-за которого проводки просто расплавились бы, а не припаялись к кристаллам.

За оригинальность решения технической задачи конструкторы прибора десятиклассники Павел Сорокин, Юрий Фомин и Сергей Григорьевых награждены особым призом Всероссийского слета юных конструкторов и рационализаторов.

Ошибка... в цвете

Ошибись машинист электропоезда, не заметь сигнала красного света, и это может обернуться аварией поезда. Такое, разумеется, не случится, потому что человека, не различающего цветов, врачи просто не допустят управлять поездом.

Не только у тех, кто хочет стать водителем, машинистом, летчиком, проверяют медики цветоощущение, но и у людей многих других профессий. В таких массовых осмотрах им помогают особые приборы.

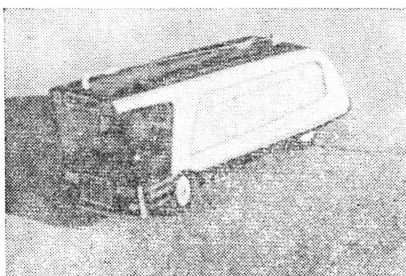
Цветорефлексомер — так назвали свой прибор конструкторы Тульской станции юных техников. Он прост и надежен в работе. В ряду оконцев беспорядочно мелькает свет — красный, желтый, синий. И вдруг в окошечке, расположенном вверху прибора, устойчиво вспыхивает свет определенного цвета. Тут и надо скорей нажимать на пульте соответствующую кнопку. Вот так проверяет прибор, изготовленный тульскими школьниками, и способность различать цвета, и скорость реакции — для этого у рефлексометра есть секундомер.

Экспресс «Архангельск»

Радиоуправляемую модель автобуса, которую придумал десятиклассник из Архангельска Саша Кобылин, отличают стремительность линий, обтекаемость форм. Машина выполняет шесть команд.

Когда Саша дает команду своему автобусу (его название — «Архангельск») и он мчится, кажется, это настоящий автобус вышел на магистраль.

Саша Кобылин

Цыплят

транзисторы считают

Пересчитать сотню цыплят или кур, безостановочно бегающих, — голова кругом пойдет, утомительное дело...

Школьник из города Арзамаса семиклассник Женя Кузнецов смонтировал электронный счетчик кур. У лаза, через который должна пройти птица, есть порожок. Стоит курице на него наступить — а она не может на него не наступить в силу своей природы, — и на счетчике выскакивает новая цифра.

На Всесоюзных радиовыставках любителей-конструкторов ребята клуба юных техников Новосибирского Академгородка, как правило, занимают призовые места,

Фото Г. Кустова

АЛЫЙ ПАРУС ИСКАНИЯ

Д. ЧАСОВ

Когда в художнике рождается художник? Когда он, сделав сотни работ, открывает в одной, наконец, то, что делает его непохожим на других? А может быть, с первотолчка — озарения, когда постигает он вдруг красочную звонкость мира?

Белое. Синее. Черное... Память стерла почти все подробности жизни на Кавказе, на одной из очередных новостроек отца, а эту гамму он помнит: белые горы, синее небо, черные кавказские быки на тропе.

В памяти осталась орская — рыжая, опаловая, выгоревшая от солнца — ни с чем не сравнимая степь.

А до этого еще одно, мимолетное, но, может быть, самое сильное впечатление.

...Хозяйка квартиры в Сталинграде, с которой сговорились о постое, показывает комнату. В окне, как в раме, Волга, — синяя широкая лента, на ленте белые и красные пятна — пароходы. Отвел глаза и замер: в простенке картинка, а на ней — точно такая же веселая Волга, и бойкие пестрые пароходы, шлепая плицами, бегут по воде.

Это было поразительно: и там, и тут — радость. И эту радость можно, оказывается, сделать руками на маленьком клочке бумаги.

Он будет потом писать акварелью, маслом, но оробеет перед скрытой безграничной, недостижимой возможностью цвета, пугающей, почти непосильной (не совладать!), и — оставит свои попытки. Он станет графиком, достигнет в ней своих рубежей, откроет в технике эстампа свои секреты и вдруг, уже после сорока лет, «вернется»... к живописи. Но в совершенно неожиданном жанре...

Сохранилось воспоминание об эпизоде из жизни Дурова: он показывал фокусы А. М. Горькому, великий писатель простодушно и с удовольствием смотрел их, веселясь и радуясь, но на предложение артиста познакомиться с механикой иллюзиона, с секретами ремесла — с тем, «как все это делается» — ответил решительным отказом.

Узнать, как делается чудо, — не

убить ли само чудо? И все же интересно заглянуть туда, в «лабораторию» — в «зазеркалье». Нас беспокоит зуд любопытства, тянет в мастерские, студии — узнать, «как это делается», хотя знание того, как делается произведение искусства еще не наделяет умением понимать его и талантом наслаждаться им. Да и в самих мастерских чаще всего ожидают скучные прозаические вещи: куски глины, листы линолеума, обоймы подрамников...

Впрочем, в мастерской полезно побывать хотя бы потому, что у каждой — свой облик и каждая многое может сказать о своем хозяине.

В этой ничто не бьет на эффект. Обычные инструменты графика. Но не у каждого художника-графика увидишь под рукой наборы слесарных, столярных инструментов, паяльники, тигели для литья... Все — от самой гравюры до уникальных, собственной конструкции и оригинального рисунка рам, багетов и оправ, напоминающих древние оклады, — все сделано одними руками. Не только привязанность к рукотворному делу двигает автором, но стремление найти для каждой гравюры, для каждого офорта единственно верное пространственное решение.

Впервые Валентин Новиченко показал свои работы на областной выставке в 1957 году, это были линогравюры из заводской жизни. За ним закрепилась репутация «рабочего» художника. Он не спорит. Но, может быть, наиболее рабочее в его творчестве — это уважение к рабочему человеку, к его труду, творениям рук его и душевному здоровью.

И первые небольшие линогравюры, и последующая серия масштабных офортов, выполненных на Орско-Халиловском комбинате, может вызвать у иных зрителей и ценителей упрек в увлечении техникой. Но в листах этих виден и человек, наш современник, — в том уважении к его делам, которое передает художник и нам. Смотрите, как бы говорит автор, все это сделано ра-

бочим, этой, почти фантастической техникой повелевают люди.

Новые заводские офорты, которыми художник представлен на зональной выставке в Уфе, подчеркивают ту же мысль названием цикла: «Хлеб наш насущный».

У В. Новиченко — десятки интересных офортов в самой различной манере. В пейзаже «Окраина» (сухая игла) — линии смягчены, сдержанны, при взгляде на тихую реку и дерево, склонившееся над ней, вас наполняет светлая радость бытия...

«Трубы мартенов» — монументальны, величавы — как ода. Эстамп был показан на Всесоюзной выставке, представлял наше искусство на Кубе.

После «суровых» заводских офортов монотипии неожиданны, как контраст. Художник любит второе, если можно так сказать, «издание» офорта. В «Городском пейзаже» — краски звучны, почти декоративны — мир ярок, как в первый день творенья. Второй же оттиск исполнен зыбкой акварельной прозаичности, все воздушно, словно расплылось в мареве, — тот же сюжет, но в нем другое настроение; если в первом случае чувства акцентированы, полногласны, то здесь они смягчены, едва уловимы, как беспричинно хорошее настроение.

Словно что-то толкнуло меня, когда я впервые увидел эстамп, извлеченный из антресольных «запасников». Я смотрел, а в памяти вставало:

«Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус... Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов»...

Автор дал офорту название из какой-то песни, но здесь больше подходит просто: «Алые паруса».

Словно вытесняя и раздвигающая границы рамы — границы «кадра» — надвинулись паруса. Они заняли все пространство, упруги, напряжены и наполнены не ветром, а словно светом — за реями угадывается начало дня, а здесь, по эту сторону восхода, еще осязаемы прохлада, влажная свежесть и бодрость матросов...

Художник добился выразительного эффекта: паруса темны, почти черны, но в вас входит ощущение яркого красного цвета — они алые, эти паруса, алые не в листе, а в той, действительной, фантастической реальности.

Можно досконально проштудировать Грина и тем не менее остаться глухим к зовущему эху его рассказов, и можно случайно коснуться слов «алые паруса» — и зазвучать в ответ заветной струной. Интересно, что художник, создавший этот быст-

рый, как выстрел, крылатый образ, никогда не был на море.

«Алые паруса» неожиданно открывает в авторе романтика. Но оказывается — и Свердловск, воспроизведенный в серии выставленных теперь в художественном салоне линогравюр, тоже окрашен в романтические тона.

И вот, наконец, они, эти новые миниатюры.

При первом знакомстве с ними на память приходит забытый сказочный мотив о зеркале, что разбилось на тысячи осколков, но в каждом сохранилась и общая картина мира, и свой, крохотный микромир, свой образ.

Потом вы обнаруживаете, что перед вами, в сущности, нескончаемый в вариациях рассказ о природе, живой, меняющейся, неисчерпаемой и поэтичной, даже в мимолетностях.

Может быть, самое распространённое чувство, которое испытываешь, когда видишь в музеях ту или иную картину, это ощущение своей причастности к миру земли: да, ты — часть этого мира, этих полей, этого леса, этого неба. Но есть пейзажи — и к ним относишь миниатюры В. Новиченко, — которые рождают в вас чувство обратное: словно не вы частица природы, а она, окружающая вас эта пестрая красочная гармония, — часть вашего мира; она жива не сама собой, но одухотворена вами, человеком, наполнена вашим настроением радости или печали, она — ваше продолжение.

Миниатюры — «подлинны», как произведения станковой живописи, только более интимны, более камерны. Экспериментирование? Как всякое явление искусства, они вызывают в вас эмоциональный отклик, сопереживание, раздвигают границы познания. Значит, «права гражданства» им дает самый искренний судья — чувство.

Осennie — с их интимной интонацией — лучшие в этой серии. Пепельные, опаловые, огненно-рыжие, то жаркие, то приглушенные — все эти такие несхожие краски по сути краски все одной и той же уральской осени. Описывать эти сюжеты, эти мотивы, их колорит все равно, что рассказывать о песнях вместо того, чтобы просто дать их послушать... Но если сравнение с песнями может показаться натяжкой, то сравнение с камнями напрашивается само собой: схожесть с самоцветами, с уральскими камнями, родственность их изобразительной палитры безусловны. Будто краски, которыми все это написано, сами сделаны из этих камней.

Есть десятки определений того, что такое искусство. Но, может

быть, искусство это и преодоление грани между неживой и живой природой?

Как рождается изобразительный образ?

В рабочей тетради художника — наброски, эскизы, заметки для памяти.

Как ускользающий и возвращающийся мотив повторяется настойчивая деталь, впечатление, чтобы зазвучать потом в развернутом изобразительном монологе.

...Карандашный набросок в тетради: печальный клин улетающих журавлей — это отзвук услышанной где-то пронзительной песни.

Другая страничка — облака, — тревожный беспокойный мир вольного неба.

Еще рисунок: обелиск в поле. Так трансформировалось в рисунке воспоминание о смерти близкого человека.

И вот он, много лет спустя возникший офорт: в осеннем разнотравье высится обелиск, а над ним, к крутому горизонту, тянутся журавли; одна из птиц обессилела, отстала, и промешуток в строю, пока еще такой малый, кажется, растет и растет...

Что было встречей, переживанием, частью жизни человека, людей, его окружавших, станвится тем, чем и должно стать у художника — обобщенным в художественном образе чувством. И если эта картина созвучна твоей душе, значит, она возвращает тебе твой же мир. Тот самый, куда, в суете, нам порой недосуг заглянуть.

Труден мир поиска, верности призванию.

И хочется отдать должное одержимости и внутреннему единству — оно всюду, где исповедуют то, что делают, и делают то, что исповедуют.

В столах у Новиченко, как и у любого художника, эскизы и этюды, рабочие тетради, наброски будущих серий, впечатления от поездок и замыслов. Сколько на них уйдет сил? Лет?

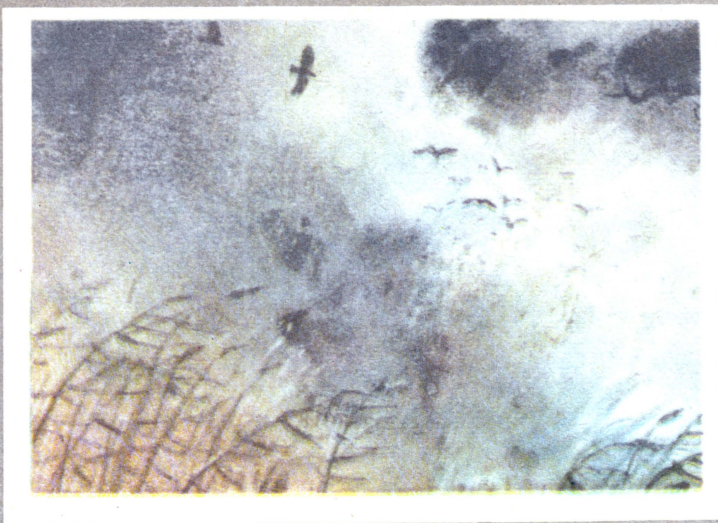
«Я дал себе большое обещанье. Какое? Расскажу, когда исполню. Для этого нужна вся жизнь...»

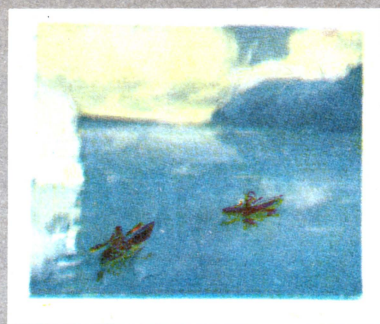
См. репродукции произведений В. Новиченко на 1, 2, 3-й страницах вкладки.

Плыви, раздувай паруса! Офорт

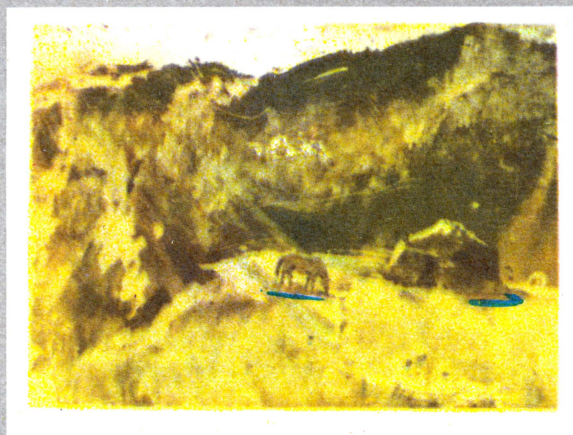
Перед бурей

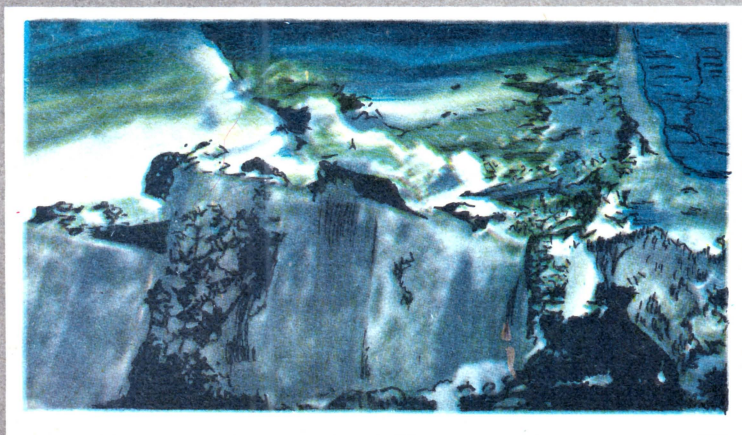
Аляска

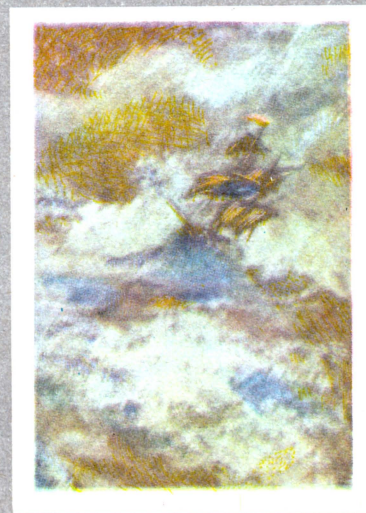
Лесной ручей

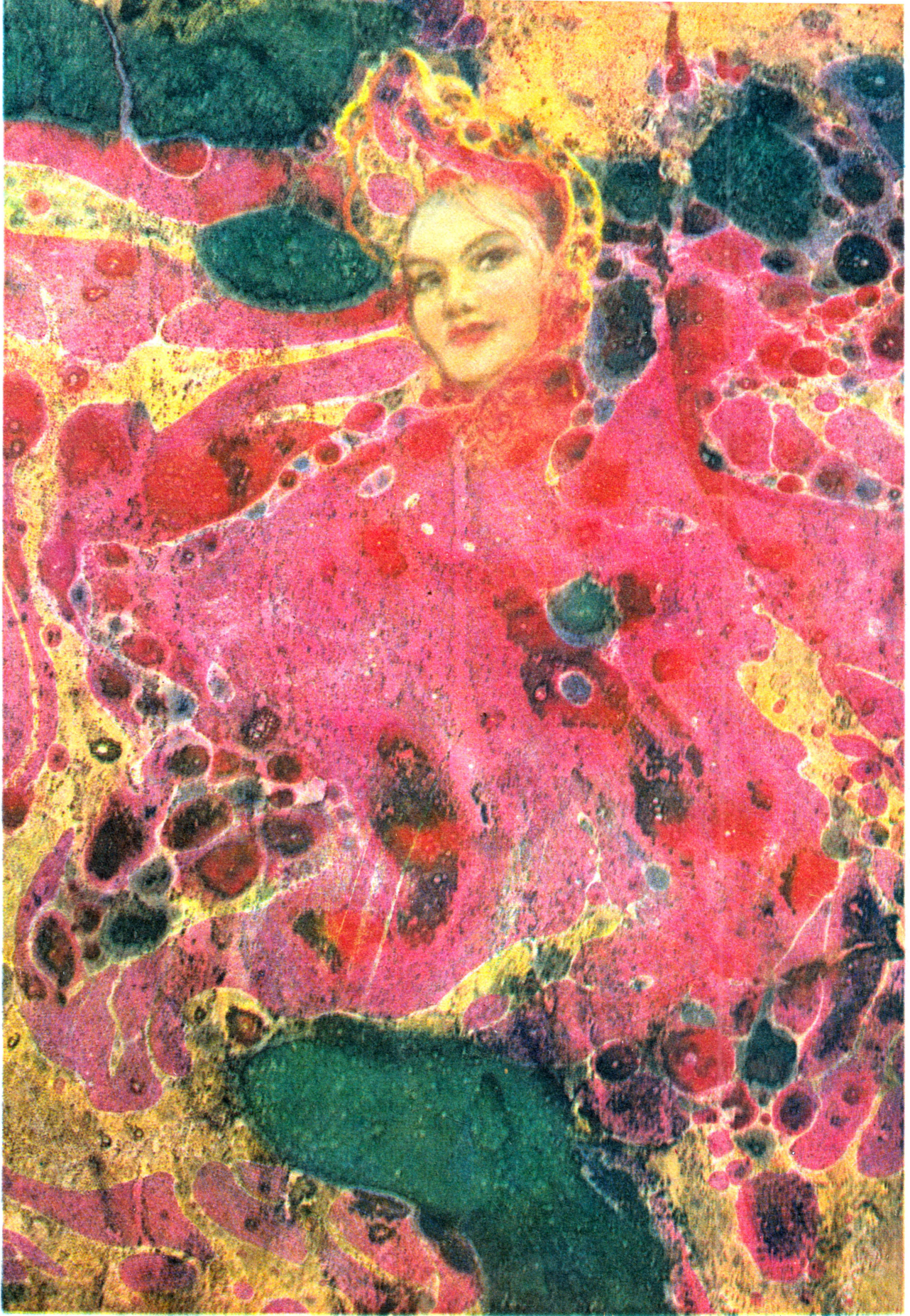
Казахстан

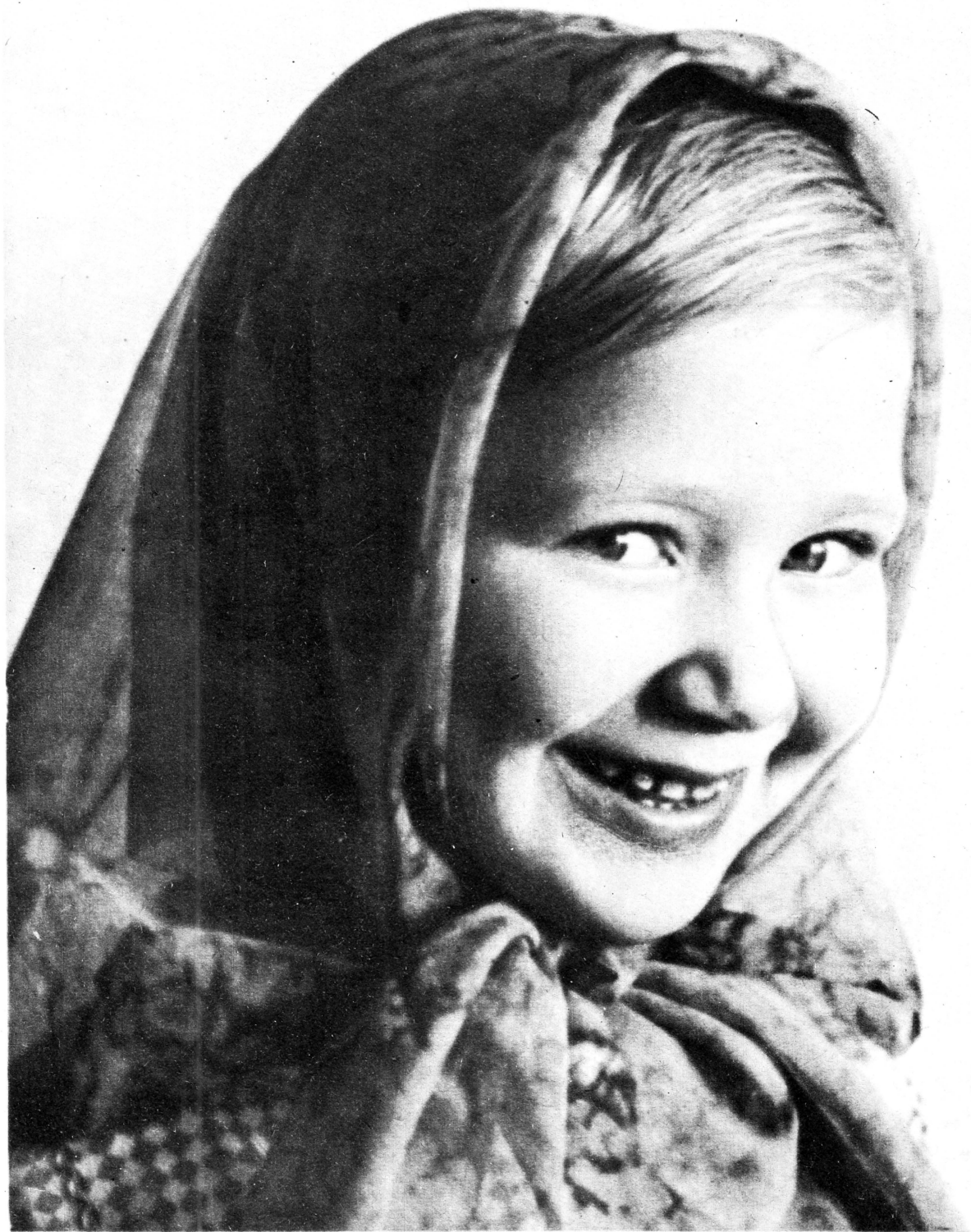

Торосы

Шторм

Проказница

Фото И. Большакова

ДИВНОГОРСКИЕ ЭТЮДЫ

**Борис
НИКОНОВ**

*Рисунки первокурсника
художественного училища
С. Павлова*

Верность

Он ждал женщину. Знал, что она уезжает, а все равно ждал. Семь лет прикован к постели, и эта женщина так много для него значила... Но, может, только в его воображении.

По комнате гуляло солнце, и за окном неверным маревом плыл и звенел весенний день. Женщина уезжала, и он ждал, что она придет проститься.

Лежал, ждал и вдруг вздрогнул: шторы затрепетали от сквозняка. Кто-то открыл дверь. Не спеша обернулся и разочарованно увидел в дверях рыжую соседскую девчонку Гельку. На Гельке было новое, белое платье; она несколько раз прошла по комнате, чтобы он увидел ее новое платье, и, независимо вздернув тоненький носик, уселась на диване.

— Хочешь конфет? — спросила Гелька и, не дожидаясь ответа, положила размокшую карамельку к нему на столик.

— Ешь сама! — поспешно ответил он. — И не мешай мне!

Гелька промолчала и стала внимательно разглядывать поцарапанное колено.

Он почувствовал себя виноватым. Все-таки Гелька была верным другом. Каждый день она приходила солидарно помолчать и — что из того, если, хозяйничая, она путала назначение пепельницы и сахарницы, потому что пепельница была красивее.

Гелька ревновала его к «той» женщине.

— Ты злой! — наконец сказала Гелька и пошевелила носиком.

Он посмотрел на ее колено и виновато спросил:

— Ушибла?

— Ты только ту любишь! — гневно продолжала Гелька. — А она самая распротивная и развредная!

— Нельзя так на старших, — растерянно сказал он и почувствовал себя глупым.

Гелька почесала носик ладошкой и покачала головой.

— «Та» не придет к тебе, — сказала она. — Зря ты ее целовал. Я же видела.

Окончание. Начало см. в № 2.

Он совсем растерялся и сунул гелькину карамельку в рот. Карамелька была кислой.

— Помолчала бы лучше, — сказал он.

Гелька вздрогнула и робко покосилась на него.

— Не сердись, — сказала она, — я хочу тебе что-то сказать.

— Говори, — он выплюнул карамельку в пепельницу. Карамелька была красной, с белой полоской.

Вытащил сигарету и закурил.

Гелька нерешительно пошевелила носиком и опять стала разглядывать колено.

— Дай мне бумагу, — тихо попросила она. — Я лучше напишу. Ага?

Он протянул ей лист бумаги и авторучку. Гелька села рядом, за столик и, высунув язык, старательно вывела: «Саня мой хороший»...

— Почему? — растерянно спросил он.

— Не дыми, — попросила Гелька.

Он положил сигарету. Гелька стеснительно одернула платье и вывела крупными буквами: «Я тебя люблю».

Он прочитал и взглянул в Гелькины глаза. Глаза были до грустного светлыми, обведенными коричневыми узкими ободками. В них было ожидание и в любую минуту они могли подернуться горьким дымком обиды.

— Почему? — снова спросил он.

«Потому што подравился» — написала Гелька. Тоненькая Гелькина фигурка напряглась и притихла.

— Только потому? — насмешливо спросил он, пряча внезапную улыбку. Гелька досадливо пошевелила носиком и звонко сказала:

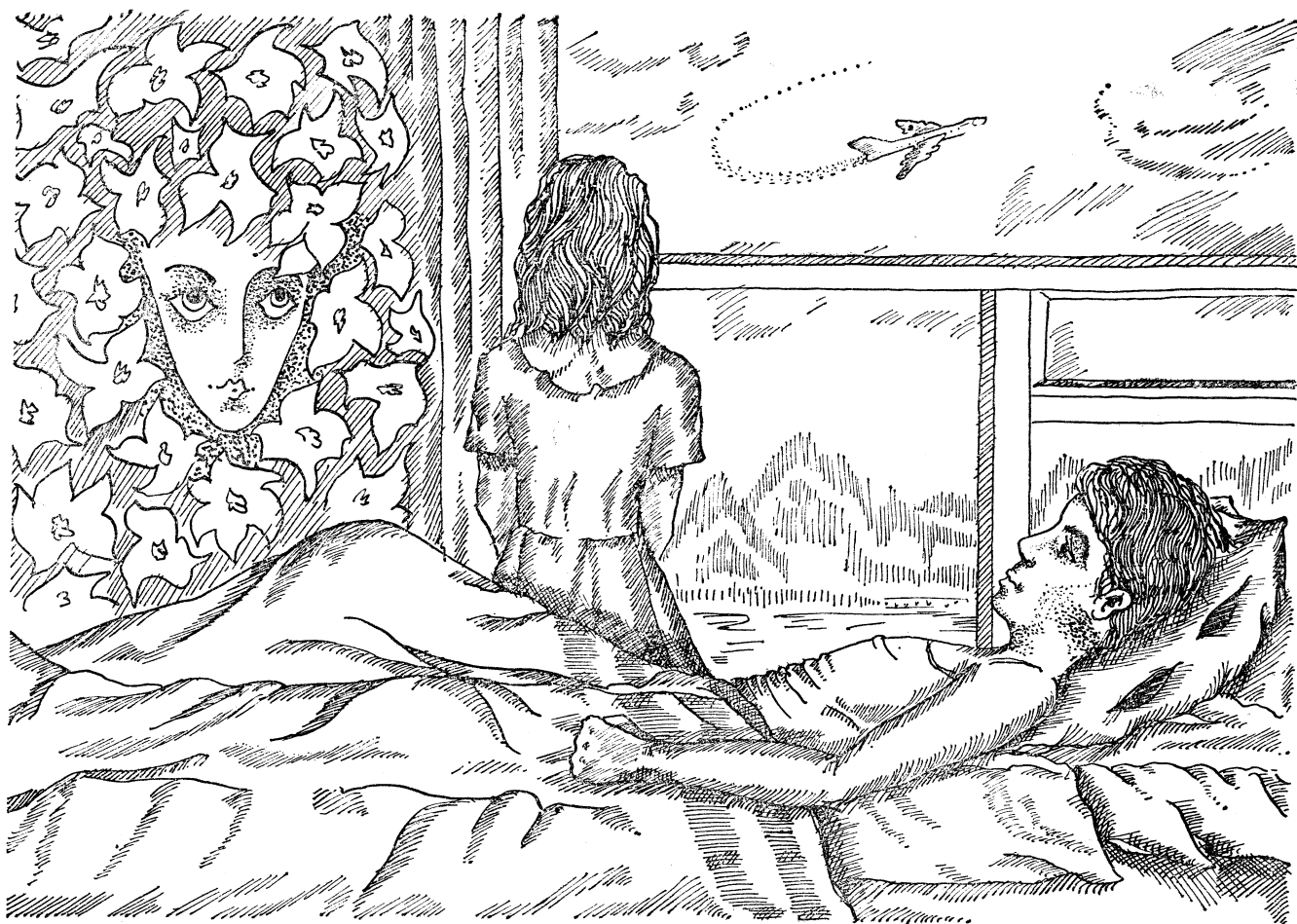
— Еще потому, што у меня такая кровь и она тебя любит.

Гелька отвернулась и стала смотреть в окно. Он видел ее худенькую спину, с выступающими, острыми лопатками.

— Гелька? — позвал он.

Она обернулась и искоса посмотрела на него. — Поцелуй меня, Гелька! — он подставил ей щеку.

Гелька вытянула руки по швам, нескладно

наклонилась и ткнулась ему в щеку холодным носиком.

— Спасибо.

Солнце упало Гельке в глаза. Гелька прищурилась и засмеялась.

— Я сяду на подоконник, — сказала она, — а то дымишь, как паровоз. Я совсем задохнулась.

Гелька вскарабкалась на подоконник и выглянула на улицу. Он видел, как Гелька неожиданно сникла и неловко сползла с подоконника. Остановилась перед ним и, гневно пошевелив носиком, объяснила:

— «Та» к тебе идет! Расфуфыренная!

Гелька взъерошилась, стала колючей, как ёж.

— Я пошла. А ты оставайся тут, с этой... выд-рой!

Выбежала из комнаты и хлопнула дверью.

Он молчал, и когда вошла «та», он не почувствовал прежнего волнения.

Она немного запыхалась и говорила быстро:

— Я на такси! Мельком... Через час вылетает самолет.

— Да, да, понимаю.

Она была красивой и самоуверенной.

Ему почему-то стало неловко, и он спросил:

— Через час, это — два часа дня?

Она кивнула и присела на край кровати. Он молчал, не зная, что сказать. Она погладила его волосы и спросила:

— Писать будешь?

Он кивнул. Он вдруг понял, что эта женщина мыслями уже где-то далеко, далеко. Неужели так просто приходит к нам отчуждение?

Она взглянула на часы, торопливо поцеловала его и поднялась.

— Пора! Пиши...

Он тоскливо посмотрел ей в глаза, ощущая жар в голове, и комната мягко закружилась, как гигантская патефонная пластинка.

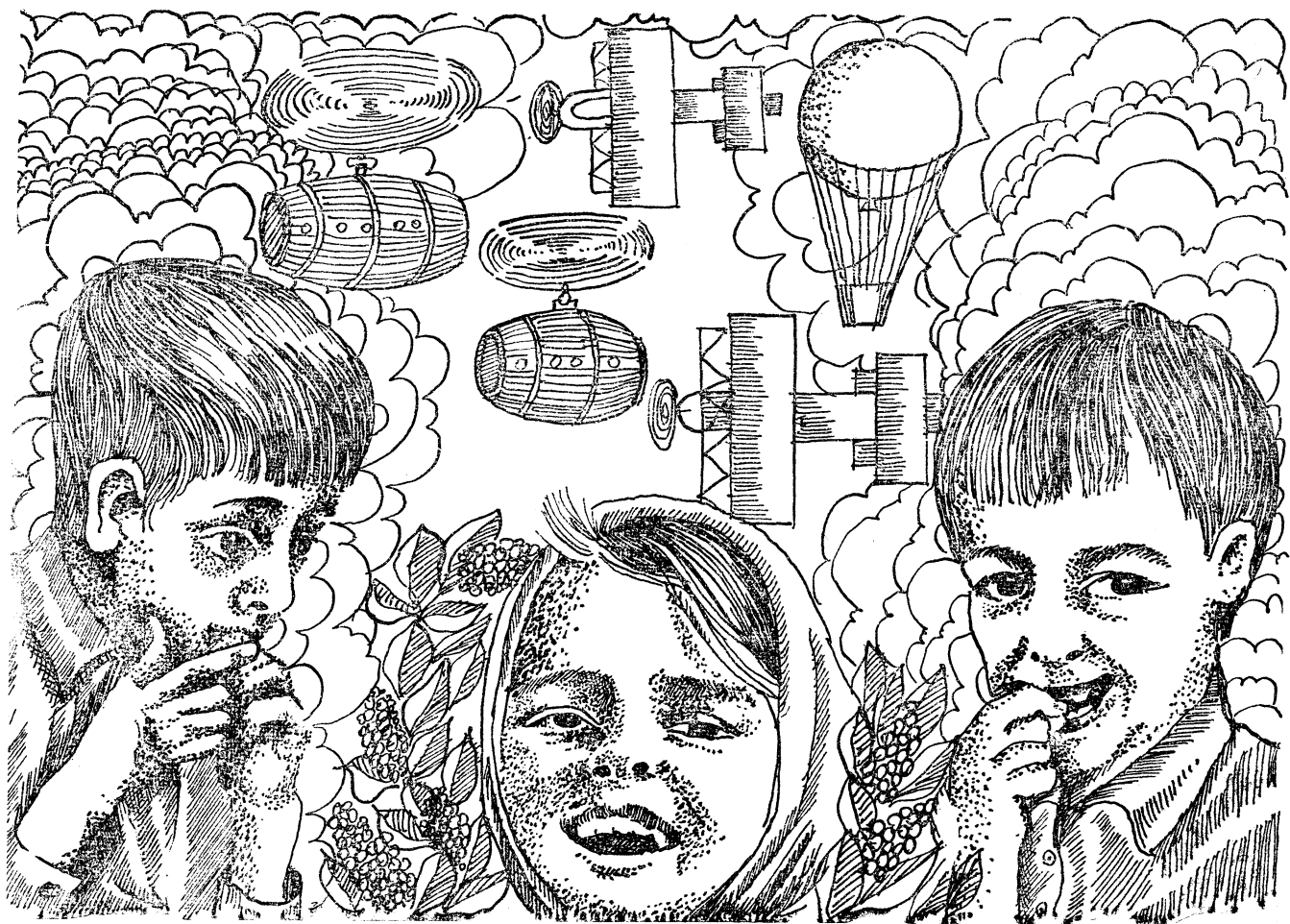
Хлопнула дверь. Под окном зажурчал мотор и уплыл куда-то. Он опять потянулся к сигаретам.

— Эй! — окликнул его кто-то.

Он поднял голову и увидел в окне Гельку.

— Уехала? — сочувственно спросила Гелька и, подумав, добавила: — Я ей язык показала.

— Ты что?— обиделся Коробок.
 — Ты первый!— ответил Митька.
 — Я по-дружески...

— Ничего себе, по-дружески— у меня аж мозги в противоположную сторону сгукнулись. Мне таких друзей не надо!— непримиримо сказал Митька,— я таких друзей брал за ухо и— в музей.

— Ну и фугуй по ветерку!— ловко сплюнул Коробок.

— А тебе завидно?— спросил Митька и, засунув руки в карманы морских штанов, вразвалочку пошел прочь.

...Поел Митька дома, залез на чердак, лег на солому. Лежал— думал: «Был бы у меня корабль. Подплыл бы я по Енисею к самой деревне и остановился бы напротив дома Коробка...»

«Эх, был бы у меня самолет,— думал в это время Коробок, сидя дома и глядя в окно,— ка-а-а-ак пронесся бы я над домом Митьки и колесом бы трубу своротил».

«Вышел бы Коробок,— думает Митька,— я бы из пушки ка-а-ак тра-а-хнул! И снаряд на воло-

сок от головы Коробка пролетел бы. Коробок брык—и в обморок. Правильно— не будешь рыпаться!»

«Выбежал бы Митька,— думал Коробок,— посмотреть, что случилось, а я бы ка-а-ак пронесся у него над головой, он бы и умер со страху. Ну, пожалуй, не умер бы, но в обморок от страха брякнулся бы».

...Долго думал Митька, но стало ему холодно. На чердаке нет солнца, а на улице еще толкко май. Подумал Митька напоследок про Лель и опять ему тоскливо стало... Митька даже пожалел, что не взял ее с собой на корабль, мстить Коробку. Хотя женщина на корабле— это верное кораблекрушение. Вспомнил, как назло, Митька, какие у Лельки глаза, и совсем ему плохо стало.

Митька пошел домой и еще раз поел. Ел, не стесняясь, потому что вычитал о том, что сильные страдания увеличивают аппетит. Митька ел и ему очень хотелось, чтобы кто-нибудь заметил его сильное страдание. Он чавкал, глотал непережеванные куски и, когда попросил третью тарелку супу, мать посмотрела на него расширен-

ными глазами и потрогала рукой его лоб. Митька грустно хрюкнул носом и сказал:

— Это весеннее, ма!..

Мать вначале остолбенела, потом обхватила голову руками, затряслась в беззвучном смехе. Отец, не сдержавшись, фыркнул и подавился. Митька обиженно вскочил, схватил шапку и убежал на улицу.

Он шел вниз по крутой улице и, что-то бормоча себе под нос, горячо размахивал руками. А когда, подходя к магазину, он встретил Лельку, его решение созрело полностью. Лелька несла красную сумку и показала Митьке язык. Он остановился и стал смотреть ей вслед. Лелька шла, перегнувшись под тяжестью сумки, и размахивала рукой.

— Лель-ка-а!— не выдержав, крикнул Митька.

Она зеленоглазо и растерянно оглянулась на Митьку.

— ...Сапожная стелька!— неожиданно для себя бухнул Митька и, чуть не заплакав, стал смотреть в небо. Он думал, что и она будет дразнить его, но Лелька молча повернулась и пошла. По худенькой, сгорбленной спине он понял, что Лелька обиделась. Это для Митьки было такой неожиданностью, что он догнал ее и остановился, загородив ей дорогу. Она посмотрела на него и робко улыбнулась.

— Я не хотел!— грубовато сказал Митька.— Честное пионерское...

Потом он безнадежно махнул рукой и быстро пошел прочь.

...Черемуха еще не цвела, но Митька знал замечательный солнцепек в горах — абсолютно закрытый от ветров и открытый для солнца. Когда, добравшись туда, он ломал ветки для букета, ему показалось, что здесь уже кто-то был. «Неужели, кроме нас с Коробком, кто-то это место знает?» — огорченно подумал Митька. Наломав большой букет черемухи и обложив его подснежниками, он торопливо пошел вниз по пологому ущелью.

...Вечером Митька стоял за углом Лелькиного дома и ожидал момента, когда на улице не будет прохожих. В руках у него был букет. Было уже совсем темно. Митька посмотрел на звезды и, вздохнув, выглянул из-за угла. Прохожих не было. Он вскочил и бросился к открытому Лелькиному окну, держа букет наготове. Он на ходу потянулся к подоконнику, но в этот момент о него ударилось что-то мягкое. В то же мгновение он почувствовал удар в лоб. От неожиданности Митька сел на землю. Мягкое тоже шмякнулось на землю и, чуть помолчав, нерешительно прошипело:

— Ух, Митька, я тебя сейчас и ударю, так ударю, что ты улетишь, как отсюда — так вон туда!

— Ты чего здесь?— спросил подозрительно

Митька, узнавая Коробка и пряча букет за спиной.

— Прогуливаюсь!— небрежно ответил Коробок, тоже пряча руку с букетом за спиной.

— А зачем ты мне в лоб?

— Ты у себя спроси...

— Ах ты, головастик!

— Да я тебе!..

— Ты?

— Не тыкай!

— Рыжая кикимора!— почти закричал Митька.

Коробок выронил свой букет, поплевал на ладони и стал засучивать рукава. Уж за «рыжую кикимору» он бы показал, но тут из Лелькиного окна высунулась кочерга и стала шарить в воздухе, а вслед сердитый старушечий голос:

— Лазают тут, бесенята. Женихи полуночные. Как оженю сию минуту кочергой по заднему месту...

Друзья брызнули в стороны. Убегая, Коробок заметил у Митьки за спиной букет. Вернулся, подобрал свой и с независимым видом удалился...

Коробок долго стоял за углом, где совсем недавно был Митька, и о чем-то думал. Он вспомнил Митькино лицо и, вздохнув, положил свой букет на крыльцо деда Лободы. Потом встал и, сунув руки в карманы, побрел по улице.

Выйдет Лободиха утром на крыльцо, увидит букет и присядет рядом с ним на ступень — удивленная и грустная. Долго будет Лободиха сидеть и гладить коричневой рукой привядший, одурманивающе пахнущий букет ранней черемухи.

*Зеленый дом, зеленое крылечко,
Кукушачий тоскливый пересчет,
Течет под солнцем золотая речка,
Скалы лаская серое плечо...*

Люди и деревья

Васька сидел на крыльце. Было по-утреннему зябко, и он, съежась, ждал, когда начнет греть солнце. Он думал о новом учителе. Три дня назад к ним пришли плотники и забили дверь в пустующую смежную комнату с отдельным входом. Потом пришел какой-то дядька в очках — очки были выпуклыми и внушительными. На нем были болотные сапоги и хрустящий плащ. Когда он улыбался, были видны металлические коронки на зубах. Васька глядел из своей квартиры в щелку между досок и с интересом думал: что, если эти зубы намагнитить? Вот здорово — он бы и рта не мог открыть!

Пока Васька так думал, незнакомец застелил солдатским одеялом койку и, вытащив из чемодана, положил на стол свертки.

— Что же, сосед?— хриловато сказал он.— Иди знакомиться, а подглядывать — нехорошо.

— У меня знакомых — полная деревня,— ворчливо отозвался Васька.— И откуда вы взяли, что я подглядываю? Вот еще...— Он помолчал и непримиримо добавил:— Плотники понаделали щелей, а я виноват остался.

— Вам сколько лет?

— Двенадцать,— строго ответил Васька.

— А я думал шестьдесят!— удивился незнакомец.

Ваське было смешно, что его зовут на «вы».

— Шестьдесят,— иронически протянул он,— вот загнули!

Они поговорили таким образом, и Васька ушел. Только на следующий день Васька узнал, что их жилец — новый учитель. И на следующий день уже вся деревня решила: Васькина мать вдова, да и учитель человек не семейный — чего тут неясного? Еще через день, после тщательной Васькиной работы, на заборе школы закрамовалась лошадиная голова с выпуклыми, внушительными очками. При удивительной схожести объяснительной надписи не требовалось...

Васька задумался и не заметил, как к их дому, чихая и отплевываясь, подкатил старенький грузовик. Из кабины вылез молодой чумазый шофер.

— Эй, шантрапа!— выкрикнул он Ваське.— Здесь очкастый поселился?

— Здесь,— нехотя ответил Васька и ловко сплюнул сквозь зубы.

— Жми на все лопатки за ним!

— Сам жми!

Васька приготовился на всякий случай дать стрекача, но окно учителя распахнулось, показавшись учитель и, близоруко щурясь, спросил:

— Вещи привезли?

— Притартал!— бодро ответил шофер.— И вашу технику тоже. Так что?

— Я сейчас,— сказал учитель.— Минуточку.

Шофер кивнул и открыл задний борт, насвистывая что-то. Потом он подмигнул Ваське и, ловко щелкнув портсигаром, закурил толстую папироску. Васька смотрел мимо него в кузов грузовика. Там лежал самый настоящий мотоцикл — на подстилке из сена.

— Техника!— весело сказал шофер, проследив за Васькиным взглядом.— Последний раз ее удалось завести три года назад. А так все ремонтируют... Ему все части сменили, он лучше нового, а ездить — черта с два!

Но мотоцикл был, и Васька чутко уловил вкусный запах смазки. Шофер, проникаясь симпатией, подсел к Ваське. Они поговорили на технические темы, потом вышел учитель и, под завороченным Васькиным взглядом, мотоцикл

свели по доскам с платформы кузова и откатали в сарай. Спицы весело блеснули под солнцем. Шофер на прощание сделал Ваське ручкой, и грузовичок, чихая и побряхывая, полез на крутую горку.

Васька целый день ходил, как потерянный. У учителя был мотоцикл и, если его ремонтируют три года подряд, то будут ремонтировать и теперь. Васькина техническая душа сладко ныла.

Ночью он спал беспокойно. Ему снился мотоцикл. Он мигал фарой и просил:

— Под-д-дайте газ-з-зку!

Васька поддавал, и мотоцикл, внезапно взлетев в небо, кричал оттуда:

— Я уж-же пять лет не ежж-жу!

Потом мотоцикл пропал, и показалась Надька — тайная любовь Васьки, которой он написал стих:

Я сын неласковой Земли!

Я испытал обиды горечь

своей поруганной любви!

Надька подпрыгивала на одной ножке и пела: — Васька, рыжий поросенок. Чух! Чух! Чух!..

Потом Васька очутился опять на мотоцикле и ехал по дороге, а сзади сидела Надька и замирала от страха.

Начался учебный год. С легкой Васькиной руки нового учителя мальчишки в школе стали звать «Очкариком». Но Васькина антипатия таяла и растаяла совсем, когда Максим Максимович вывел на песчаный пригорок перед домом мотоцикл и начал его ремонтировать. Васька долго ходил вокруг, засунув руки в карманы, и небрежно посвистывал. Ему хотелось, чтобы Максим Максимович обратил на него внимание. Но тот сидел на корточках и промывал керосином детали и ничего не хотел замечать.

Васька подошел поближе и громко кашлянул. Максим Максимович поднял голову и,правляя очки, сказал:

— А, это ты, Вася? Уроки выучил?

Васька мгновенно увял и всем видом дал понять, что вопрос неуместен.

— У тебя есть проволочка? — примиряюще спросил Максим Максимович.— Жиклер прочистить нужно.

Васька кивнул и сунул руку в карман. Сначала он вытащил из кармана красивый камень, потом лапу коршуна, затем последовали рогатка, кусок воска, комплект шурупов в банке из-под леденцов, складник, осколок красного стекла, муха в спичечном коробке, который приложишь к уху и он жужжит, и, наконец, моток медной проволоки.

Потом Васька стал подавать ключи, промывать детали и давать сногшибательные советы. Вскоре учитель и ученик увлеклись. Они ползали на коленках вокруг мотоцикла, блестя замазанными носами, горячо спорили, стучаясь

лбами. Когда мать позвала Ваську обедать, они ни за что не хотели идти.

С тех пор так и повелось. Как только кончались занятия, учитель и ученик шли ремонтировать мотоцикл. Теперь Максим Максимович столовался у Васькиной матери и часто заходил по вечерам. Время летело быстро.

Мотоцикл завелся весной. Это был сюрприз. Васька, еле сдерживая гордость, солидно вытер руки о ветошь и строго сказал:

— Ишь! Давно бы так!

Они торжественно уселись на мотоцикл и начали ездить на виду у деревни из конца в конец по центральной улице. Мотоцикл задорно чихал и разбрызгивал грязь. Они уже в третий раз выехали на край деревни, распугивая изумленных свиней, когда мотоцикл предательски чихнул и заглох. Васька удовлетворенно слез с сиденья и сказал:

— Здорово мы покатались! А сильный он, аж из-под тебя вырывается. А тот шофер-хмырь говорил, что этот мотоцикл уже три года не ездит...

Максим Максимович засмеялся, собирая в уголках глаз морщинки:

— Ну что, брат? Поехали ремонтировать!

Они взялись за мотоцикл с двух сторон и покатали домой...

Только одну странность замечал Васька за Максимом Максимовичем. Часто вечером Максим Максимович сидел дома один, поставив перед собой бутылку вина и немудреную закуску. Он сидел понуро на колченогом табурете, не зажигая света. От матери Васька узнал, что Максим Максимович, вернувшись с фронта, нашел в своем доме нового хозяина. Ему открыл маленький сынишка и, не узнав отца, крикнул в комнату:

— Папка, к тебе пришли!

Вышел рыхлый, рыжеватый мужчина и хмуро спросил Максима Максимовича:

— Вам кого?

Потом было объяснение с женой...

В общем Васька все это понял туманно, но подумал, что он-то бы в таком случае не стал объясняться. Он бы звякнул медалями и сказал:

— Лейтенант Григорин вернулся с фронта! Прошу всех проваливать из моего дома!

Сына бы, конечно, отобрал и выучил бы его на инженера. А Максим Максимович даже извинение попросил, сына поцеловал и ушел.

Занятия кончились, но в этот год Васька не бил в деревне баклуши, как было раньше. Мотоцикл, наконец, отремонтировали, и Васька часто ездил на рыбалку с Максимом Максимовичем. Они вставали рано утром, собирали удочки и сачки, садились на мотоцикл и, с треском проносясь по деревне, таяли в узкой Саянской долине.

Добравшись до Енисея, они делили снасти, выбирали себе каждый место по вкусу и соревновались «ктобольшепоймает». Васька всегда задумывался и зевал поклевки. Он смотрел в воду, в воде плыли золотистые облака, и небо качалось. У Васьки кружилась голова, и он почти забывал про поплавки. Максим Максимович всегда смотрел на чуткие, колыхающиеся поплавки, ничего другого не замечал и поэтому всегда ловил рыбы больше.

Васька, чтобы спасти авторитет завязанного рыбака, отчаянно врал. Он, как только мог, разводил руки и клялся «всеми святыми», что у него сорвалась во-от така-ая рыбина!

— Сижу на берегу,— говорил Васька, лукаво тараша глаза,— вдруг ка-ак клюнет! Я аж в воду чуть не спикировал. Схватил удочку двумя руками и изо всех сил к себе тащу. Потом она почему-то сорвалась, и я вверх тормашками на землю. Вытащил удочку, а на ней рыба губа болтается — килограмм, поди, будет. Я ее выбросил, а зачем она — одни кости, и до того старая, что мохом поросла.

Васька шмыгал носом и смотрел на Максима Максимовича правдивыми глазами.

— Здоров ты! — серьезно говорил Максим Максимович и, не выдержав, весело поблескивал металлическими зубами.

И про зубы Васька поинтересовался: что, если их намагнитить?.. Максим Максимович сказал, что намагнитить, конечно, можно, но лучше этого не делать.

Вечерами они пекли картошку на печке, сделанной во дворе дома. Картошка сладковато пахла, а под плитой плясал огонь.

— На Марсе растут деревья? — спрашивал Васька, заглядывая в небо. — Поди, высокие и розовые, и земля там розовая?

— Ученые думают, что нет, — ответил Максим Максимович. — Там растут лишайники и почти нет кислорода.

— Они плохо знают! — горячился Васька. — Там же снег есть!

Они подолгу спорили, потом мирно ели картошку и, когда расходились, Васька хмуро бубнил:

— Если на Марсе нет, то на Венере есть и люди, и деревья. А ваши лишайники еще не доказаны.

В августе Васькиной матери пришло письмо от старшего сына.

«Мама, — писал он, — приезжайте жить к нам. Мы возьмем денег, ссуду, и построим вам дом. Вам будет легче вместе с нами. Хозяйством и здесь обзаведемся...»

Мать долго колебалась, а Васька письму брата просто не придавал значения. Сначала ему

казалось немислимым, что он уедет из своей деревни. А в деревне уже все говорили, что Васькина мать стала женой новому учителю. Но и эти разговоры прошли как-то мимо Васьки. У него появилась новая странность. Он уходил в лес, ложился под деревья и о чем-нибудь думал. Закрывал глаза, и ему казалось, что он ощущает, как кружится земля. Он до странного изумления чувствовал ее выпуклость и добрую силу. А над Васькой шумели березы и что-то ему шептали. И от этого березового шепота к Васькиному горлу подкатывал ком, и он с трудом сдерживал слезы. И тогда, чтобы справиться с волнением, Васька вставал и бесцельно бродил по лесу, пил из родника воду и подолгу слушал журчливый говор ручья. В лесу Васька проводил весь день: уходил из дома росной ранью и возвращался только к вечеру.

В тот день он возвратился раньше. Вбежал по нагретым солнцем ступеням крыльца и, вздрогнув, застыл в сенях. Дверь в квартиру была открытой, и он увидел Максима Максимовича: учитель понуро стоял около его матери. Васька ступил осторожно назад. Максим Максимович тихо кашлянул, и Васька услышал его голос:

— Галя, ты прости меня...

Половицы заскрипели, и Васька услышал, как мать сказала:

— Уйди! Говорил, что будем жить мирно, а сам с замужней женщиной спутался...

Васька услышал это уже спускаясь с крыльца. Он заткнул уши пальцами и побежал по извилистой тропинке.

Лес был тот же. Лес шумел. В мягких сумерках ярко и зеленовато зажглась Венера. Земля летела ей навстречу, потому что по воле Васьки на Венере были люди и деревья. Васька лежал в траве и плакал...

Через тринадцать дней Васька уезжал к брату. Мать осталась приготавливаться к переезду. Васька шел по пыльной дороге, неся в одной руке маленький чемоданчик. Ему было жалко деревни и старой березовой рощи.

Васька вздрогнул, когда его окликнули, и обернулся. Максим Максимович... Учитель спешил и очень запыхался.

— До свидания,— тихо сказал он, беспомощно блеснув очками.

Васька кивнул и угрюмо отвернулся к старой березовой роще.

Над рощей клубилось голубое марево.

Максим Максимович не выдержал и, чувствуя себя униженно, спросил:

— Вася, останьтесь! Уговори мать. Мотоцикл будем ремонтировать. Ведь из-за пустяка все...

— Я все знаю,— строго ответил Васька.— Мать не хотела уезжать, а я хочу и уеду. Ремонтируйте сами.

Он говорил не зло, а как-то равнодушно. Над рощей вспыхнуло красное солнце, и Васька сказал:

— Я пошел, меня ждут.

Он протянул по-взрослому руку, и Максим Максимович покорно пожал ее.

— Ты пиши,— хрипло попросил он.— Может, я к вам приеду... Теперь мне картошку не с кем печь...

Он поцеловал Ваську в макушку, и Васька, по-взрослому сутулясь, пошел по желтой дороге.

А Максим Максимович долго смотрел ему вслед.

Кузнец

Его привезли в больницу днем, и из палаты было слышно, как в перевязочной стонал человек, громко шипел сквозь зубы и говорил: «Ой-ой!» И по этому восклицанию можно было догадаться, что больной попался нетерпеливый.

Потом из перевязочной его вывезли на каталке, завезли в палату и долго сгружали на постель. Несколько раз его приподнимали, чтобы переложить на постель, но он громко стонал, требовал, чтобы сейчас же опустили на коляску, его укладывали опять на коляску, он, закрыв глаза, лежал и говорил: «Сейчас, сейчас, ну, давайте!» — но, когда его поднимали, опять стонал.

Молоденьким санитаркам было смешно, они откровенно прыскали, и по щекам больного разливался укоризненный, стыдливый румянец. Наконец его сгрузили, уложили сломанную ногу на «комбайн», подвесили гири, чтобы была растяжка и кости срослись правильно. Гири его испугали, и он вступил с врачом в длительные переговоры, доказывая, что гирь слишком много и они его стащат на пол или испортят совсем ногу. Гирь пришлось убавить.

Через десять минут все в палате знали, что вновь прибывший — кузнец, ему сорок пять лет, женат, ногу сломало бревном. Он шел по берегу реки, а вверху на откосе раскатился штабель бревен, бревна поскакали вниз, и одно ударило его по ногам.

— А как здесь кормят?— расспрашивал кузнец очень домовито и хозяйственно.— Умереть не дадут?

— Ну, как...— объяснял ему круглолицый и круглоголовый Славка.— Суп, каша, макароны... Жить можно.

— А ты что?

— Как, что?

— Что лежишь?

— Упал я. Со второго этажа, на ноги спрыгнул, отбил. Вот как парашютисты...

— Ишь, — с уважением сказал кузнец. — А я вот... Да сейчас мне в перевязочной пятку на-

сквозь просверлили. Вот мясники!— Он говорил это возбужденно.— И еще говорят: не стони, мол, не больно! А я: вас бы, мол, просверлить...

— Они правы,— сказал дядя Петя, лежащий у окна.— Мне точно так же сверлили. Терпеть можно, вот только очень неприятно: в голову отдает, всеми мозгами слышишь, как они сверлят.

— Во-во!

Все время до обеда кузнец говорил, расспрашивал, и ничего такого не было, на что бы он не дал свою категорическую оценку. Он мог не подозревать о каком-то обстоятельстве, но, когда через минуту оно становилось известно ему, он тут же оценивал.

— Бабам в хирургии нельзя идти. Доверия к ним не чувствуешь. Да. А вот санитарками — это бабы должны быть. Я первый раз в больницу попал. Никогда раньше не лежал. Молодость — она сила. Только глупости много, а глупость самому человеку вредит. Да, самому... Сам обманулся на бабе — себя вини. Бабы, они, брат, в любви хитрее всегда. А любовь ихняя проще, чем наша, мужчинская.

И через пять минут он уже рассказывал, как его сосед съел радиоактивную селедку.

С того дня атмосфера палаты приобрела особый колорит: тяжеловатый, неизменный, как кухонный чад. На улице стояла жара; в палате, как песок во взбаламученной воде, плавала в густом воздухе пыль, всё потели... А кузнец лежал в белой рубашке, черноволосый, смуглый, с оспой на щеках, цепкий, как клещ.

От жары, тяжелой болезнью молодой Славка совсем упал духом, ныл. Кузнец попросил зеркало, навел его на Славку, долго с любопытством разглядывал, потом удивился.

— Ох, какой толстый! Залежался, поди...

— Ну да,— угрюмо сказал Славка.— Ходить-то не могу, ноги слабые.

Кузнец помолчал, разглядывая в зеркале Славку, щурился.

— Залежался. Значит, упал ты на ноги. Эге... Ну-ка! Пощупай под коленками. Есть бугорки?

— Есть.

— Жилы не щупаются?

— А черт их знает!

— Ну-ка, сядь на койке.

Славка лениво сел, почесал косматую голову.

— Вставай.

— Да идите вы! — обиделся Славка, снова норовя лечь.— Человек ногой порядочно пошевелить не может, а вы!..

— Вот-вот... Ты слушай! Я вот что думаю. Когда ты упал на ноги, у тебя коленки подвихнулись, а когда встали на место, то зажали в суставах жилы. А теперь этот сустав зарос жиром. Понимаешь?

— Да ну! — сказал Славка нерешительно.— Чепуха. Дело в нервах, а вы мне жилы советуете лечить...

— Жилы и есть нервы...

— Ну да!

— Да ты встань! Я знаю, что говорю.

— Встань, попробуй,— сказал молчаливый дядя Петя.— Тебе это полезно.

Славка взялся за козырек, попробовал подняться, но ничего у него не получилось.

— Видишь, зажаты жилы,— сказал кузнец и больше ничего об этом не говорил, этот предмет теперь уже не интересовал его.

В субботу у кузнеца начался приступ ревматизма. Его правую ногу сильно дергало, сгибалось в колене. Сломанная нога лежала спокойно. Кузнец вызвал сестру, по его настоянию сестра привязала уросившую ногу бинтом к козырьку, и теперь, когда ногу трясло, дергало и всего кузнеца вместе с кроватью. Кровать погромыхивала до отбоя, а потом еще немного в темноте. Утром кузнецу хотели отвязать ногу, но он запротестовал.

— На днях все равно приступ будет,— сказал он.— Пусть привязанной будет. Я же никуда не поднимаюсь, не хожу, пусть.

А после обеда в палату начали приходиться посетители, и к кузнецу пришла жена. Жена у него была молодая, светловолосая. Кузнец целовал ее, когда она пришла и когда уходила. А она его стеснялась, ни о чем с ним не могла говорить.

— Чего ты? — удивлялся кузнец.— К мужу пришла и стесняешься.

— Я ничего,— говорила она, стараясь быть приветливой.

Когда все посетители ушли, в палате некоторое время стояла тишина, потом кузнец сказал довольноно:

— А как у меня жена, а?

— Молодая,— откликнулся дядя Петя.

— Молодая,— так же довольноно согласился кузнец.— Красивая... Для меня. Только вот уши большие, и она, дуреха, этого стесняется! Брось, говорю. Волосы у нее красивые, верно?

— Что ж... Есть.

— Она на двадцать лет моложе меня. Стесняется. Вот случилось со мной горе, боюсь, убежит. Бабы, они народ неизвестный... Да и люди все: стар он для тебя! И чего лезут в чужую жизнь? Вот умру, она еще и молодого найдет...

Кузнец совсем расстроился, непривычно долго молчал. Потом попросил у сестры ватку со спиртом, стал протирать какой-то прыщик на груди, а потом долго расспрашивал у всех, не очень ли опасен перелом ноги и как он вообще влияет на здоровье.

Обсуждение это прервали ребята — здоровые, сильные — из дяди-Петиной бригады, которые пришли проведать своего бригадира. Начался общий разговор, в который втянули и Славку. Про кузнеца все забыли, а он вел себя тихо и

даже с сестрой разговаривал шепотом. Силу, по-видимому, он уважал.

В понедельник кузнеца перевели в другую палату.

Простокиша

Дед Федор жил со старухой, на которой женился лет десять назад, в маленькой, обмазанной белой глиной, избушке.

Старуха Наталья была тучной и не в меру крикливой, с большим носом-картошиной. Занималась она по хозяйству, кормила поросенка и как-то по-чуждому звала куриц: «Курицы, курицы, курицы?» — как будто спрашивала их о чем-то. Курицы мчались к ней, помогая себе на ходу крыльями.

Дед Федор тош и кривоног. Неизвестно почему, мальчишки да и взрослые прозвали его Простокишей.

У деда, когда его так называли, от обиды округлялись глаза, он хватал, что попадалось под руку и кидался за мальчишками.

Дед был кузнецом. Когда он работал, любил подпевать молотку:

— Шипка и Керченск не страшны теперь...

Замолкал и стучал молотком, показывая Юрке-молотобойцу, куда бить. Юрка, крякая, бил по раскаленному железу, дед тоже крякал — за компанию.

— Дебрю не тронул прожорливый зверь, — тянул дед трескучим голосом, снова стучал молотком, и снова Юрка бил кувалдой, рассыпая вокруг искры.

У деда Федора не было детей, может, потому он и любил Юрку — легкомысленного и разбитного парня.

В тот вечер, как всегда бывало, у кузницы собрались мужики, толковали о разных разностях.

Дед вытер о фартук руки, скинул его, присел рядом с мужиками.

— Смотри, мужики, — сказал кто-то, — Простокишиха идет! — и тут же смущенно осекся под взглядом деда, но на этот раз дед Федор не взбесился. Что-то тревожное почудилось ему в облике старухи.

Она подошла, таинственно поманила деда пальцем — подальше.

— Федя, — бабка помигала глазами, глядя в сторону, — сын мой приехал, с женой и дитенком — в отпуск. Что же делать-то будем?

— Фу, старая! — ожесточенно сплюнул дед, сапогом растер плевков. — Примем по-людски, вот и все!

У калитки их с равнодушным любопытством встретил белобрый молодой мужчина. Рядом с ним стоял малыш, с восхищением глядя на деда молоток с чудной ручкой, и на самого чума-

зого деда. Дед подошел к мужчине, крепко пожал ему руку. Потом, наклонившись к малышу, спросил:

— Как тебя звать?

— Колей, — ответил мужчина за мальчика и, взглянув на черные дедовы руки, незаметно вытер свою ладонь о штаны...

Ходил дед празднично обновленный, останавливая каждого прохожего:

— Слышал, кто ко мне приехал? — и весело попыхивал трубкой. — Александр приехал, с женой и внуком. Внук-то меня дедушкой кличет! Все как полагается! — И горделиво шел по улице, кривоногой загребая рыжую, сыпучую пыль.

Однажды он взял пятилетнего Колю с собой в кузню. Объяснил ему, где кувалда, где раздувать огонь, какой уголь лучше горит и как действуют меха.

Через полчаса внука было не узнать. Лыняной чубчик стал серым, лицо чумазо от угля, праздничная белая рубаха почернела.

Дед и внук сидели на куче угля грязные и счастливые. Тут их и застала бабка. Всплеснув руками, она зашумела, заругалась на деда Федора.

— Что ж ты, ирод старый, делаешь?! Эк устряпал ребенка! Совсем из ума выжил!

Дед насупился упрямо и неодобрительно:

— Пускай учится. Родителей под старость кормить будет.

Бабка аж подпрыгнула:

— Он не твоих простокишиных кровей, чтоб молотом по железу бить.

Дед обиженно молчал, уставившись в рыхлую кучу угольев. Хлопнула дверь, он вскинулся было, но снова удержал себя на месте, понуро глядя все в ту же кучу угля.

Возвращаясь домой, он услышал в проулке голоса, приостановился.

— Все уладится, мама, нечего тебе тут... — басил сын бабки.

— А дедушку мы тоже увезем? — прозвенел звоночком Колькин голос. — А, папка?

Непонятный разговор. Дед покрутил головой, кашлянул предупредительно, и разговор прекратился.

В избушке помалкивали гости, только старуха, чем-то недовольная, гремела заслонкой печи. Сын, невестка и внук сидели за столом — хлеба-ли ши.

— А вот и я! Здорово ночевали! — бодро приветствовал всех дед Федор.

В ответ никакого разговора не последовало, только ложки вперевой стучали по алюминиевым мискам.

— Плесни-ка и мне щец, старуха! — потребовал дед. — Шибко я проголодался.

...В субботу была получка. Дед зашел в магазин, купил, как всегда с полочки, четушку водки, мятных конфет старухе и ситцу на фартук. По-

топтался; прикинул что-то в уме и нерешительно обратился к продавцу:

— Мне бы игрушку какую-нибудь, для ребяг-генка?

— Большой?

— Нет,— ответил дед и приподнял над полом руку,— вот такой будет.

— Матрешка подойдет,— решил продавец и равнодушно подсунил деду Федору пузатую деревянную куклу.— Рупь двадцать.

Еще издали дед заметил, что на окнах нет занавесок, и покрутил головой: «Опять старуха стирку развела — будто не знает, что сегодня получка!»

По пыльному двору лениво бродили желтые куры.

В распахнутой избушке гулял ветерок, шевелил рваные бумаги, стружки, перья, всюду валялось барахло, будто бежал кто из жилья поспешно, без оглядки. Часы-ходики на стене остановились — гиря достигла скамьи, зависла. Было тихо и совсем пусто.

— Старуха, а, старуха?— на что-то еще надеясь, позвал дед Федор. Тоскливая тишина была ему ответом.— Старуха! Наташа!.. Эх, старуха, старуха!..— руки деда затряслись, из кулька посыпались конфеты, упала на пол матрешка, стукнув, раскрылась, из нее выкатилась другая куколка, поменьше, но такая же кругленькая, румяньенькая, и дед Федор догадался, что это не все, что еще есть кукла в кукле, может быть, и не одна...

Завей горе веревочкой

Если вам встретится сухощавый, хитроглазый человек в хромовых сапогах и немодной фуражке — это и будет дядя Вася.

Работает дядя Вася в ГЭМе, электромонтажником. То на плотине, то в город пошлют, но если сложная срочная работа — сразу к дяде Васе. Послушайте-ка лучше, что об этом говорит сам дядя Вася.

— Мы здесь на стройке, ГЭМ наш, вроде бы как аристократы. Без нас никуда! Все электрооборудование на нас лежит. А трест наш в Ленинграде. Сам видел. Огромное здание!..

О себе дядя Вася не любит говорить. Не от нелюдимости, просто потому, что вроде бы и нечего сказать. Даже родственников нет, только где-то в приамурских лесах, в маленькой деревушке живет его старшая, овдовевшая сестра — уже совсем старуха.

Обитает дядя Вася в общежитии с молодыми ребятами. Приехал он сюда в пятьдесят девятом, годика на два, но прилип к Дивногорску и прожил восемь лет. Здесь ему за полвека перевалило.

В общежитии хорошо знают дядю Васю. Как

зашумят в коридоре, все ясно — дядя Вася выпивший пришел. Ввалится дядя Вася в комнату, оглядит всех браво, бросит о койку свою немодную фуражку и, махнув рукой, скажет:

— Эх, завей горе веревочкой!

И все ребята тотчас догадываются, что дядя Вася здорово-таки выпил и ему попало от коменданта. Ему нужно лечь, но он не может снять сапоги. Ребята стаскивают с него сапоги, укладывают в постель, и дядя Вася ведет себя при этом послушно, как напроказничавший ребенок, но долго, порой, не засыпает — фантазирует: его космический корабль попал под притяжение солнца, температура в салонах поднимается, а корабль все убыстряет полет... Дядя Вася заблудился в тайге, ослабел от голода, упал, медленно умирает на мху у ручья...

На утро дядя Вася вставал хмурым, неуверенно заговаривал с ребятами, но уже из душа приходил прежним, его переполняла жизнь, он толкал кого-нибудь плечом, смеялся, ерошил волосы, глаза его становились маленькими, сияющими, на лице грубоватая нежность.

Почти в каждый праздник на работе делали дяде Васе подарок, объявляли благодарность или вручали Почетную грамоту. Дядя Вася приносил подарки в общежитие, никому не показывая, укладывал их в свой чемодан и, кажется, чувствовал от этого облегчение.

Отпуск дядя Вася брал обычно осенью, когда по всему Дивногорску пахло арбузами, алые пласти которых пламенели на прилавках, а поза ними робко светились желтые бананы, румянились застенчивые персики, пламенели крикливо-красные яблоки.

Набегавшись по работе да еще с оформлением отпуска, дядя Вася приходил усталый, но сразу же начинал складывать в чемодан купленные сестре подарки. Затем задвигал чемодан под койку, садился и вслух размышлял, как внезапно придет к сестре и как та обрадуется. В прошлые годы он тоже целился ее навестить, но добирался только до Хабаровска и обнаруживал, что в кармане пусто, денег едва-едва на обратный путь. Теперь хватит,— заверял он и с удовольствием вещал, как сестра его будет бранить за то, что он еще не женился и болтается по свету, как перекати-поле. «Завяз ты в любви к Машеньке,— скажет сестра и припомнит, как он из армии пришел, а она — замужем.— Ох и бушевал! — скажет сестра, — а чего бушевать? Мало нашего брата на свете? Взял да и женился на другой...»

Представляя все это, дядя Вася чувствовал, как у него теплеет в груди, хотелось ехать быстрее...

Он лег в постель, чтобы скорее дожидаться утра. Уже засыпая, вспомнил свой позапрошлый годний отпуск. Он остановился тогда в Иркутске, чтобы посмотреть озеро Байкал, там позна-

чувство неприютности гоняло дядю Васю по всей стране уже третий десяток лет, он нигде не жил больше двух годов, пока не попал в Дивногорск, но и поныне, как только он оказывался в дороге, опять это, вроде бы навсегда утерянное чувство воскресало в нем.

Вслед за парнем он прошел мимо рядов кресел, выбрал из салона, спустился на мокрый от дождика бетон, и они пошли рядом, перебрываясь ничем не значащими фразами, словно давние знакомые.

Светились разноцветные огни аэродрома, вдали вспыхнули фары приземляющегося самолета, пронеслись влево, и огромная металлическая птица, обманчиво складывая узкие крылья, прикоснулась к земле. Дяде Васе снова стало грустно. Ему хотелось прилететь именно с тем самолетом, который только что приземлился, и вообще прилетать с каждым самолетом.

Поблазнилось вдруг: женщина приближает к его лицу свое лицо, и он видит пересохшие от поцелуев губы, морщинки на веках, лукавые глаза за густыми ресницами, и все это как наяву. Он все еще помнил ее, но дело-то, может быть, во все и не в этом. Дело в том, чтобы не потерять и того, что было и чего вновь невозможно найти.

Чем ближе становилось Приморье и родное село, в котором жили и родная сестра, и замужняя Машенька, тем больше нервничал дядя Вася — ему хотелось, до боли в сердце хотелось повидать родные края, сестру повидать, однако...

...Парень недоуменно оглянулся — дядя Вася поспешил за ним.

— Хорошо мы долетели? Верно? — дядя Вася говорил, а взгляд его был рассеянным, отдаленным. — Верно ведь?

— Не знаю, — сказал парень, ежась от ночной свежести.

Утром дядя Вася улетел с рыжим парнем на Сахалин — он не видел еще, как растет бамбук.

В стороне от дороги

Мальчик пришел утром. Осторожно открыл заскрипевшую калитку, озираясь, пошел через двор к крыльцу. Он, видимо, боялся потревожить людей в такую рань — люди взрослые да еще не деревенские — приехали на отдых из города, расседятся.

Голов наблюдал, как мальчик, осторожно переступая грязными босыми ногами по песчаной дорожке, шел к нему, неся перед грудью коричневые, поцарапанные руки. Голов видел уже где-то этого мальчика, белокурого, хмурого и немного глуповатого на вид.

Но, в общем, мальчик был кстати, и Голов немного обрадовался ему. Деревня ошеломила Голова скукой. За тридцать лет он впервые по-настоящему выбрался на лоно природы и не ожи-

данно для себя безбожно заскучал, как может заскучать исконно городской житель в маленькой деревеньке с большими кучами навоза у домов, с вольно отпущенными свиньями и курицами на улицах. Лес тоже казался неинтересным: пахнет березовой листвой, как в бане, мошка, обобранные ягодные места.

Мальчик остановился у белого бревна, поднял голову, посмотрел на высокие окна. Голов разглядел круглое лицо, светлые глаза, неровные широкие зубы, губы оттопыренные, раскрытые.

Голов толкнул створку окна, нагнулся через подоконник. Мальчик исподлобья светил глазами, мялся, видимо, не решаясь что-то сказать.

— Ты к кому? — наконец спросил Голов. — К хозяевам?..

— Не-е.

— А к кому?

— К вам я.

— Ко мне? Ну, что ж, брат, рад услужить. Выкладывай.

— Не мне-то услужить. Там... Надо... Вы же этот... доктор. Лечить требуется.

— Что ж ты говоришь, как старик? Говори побыстрее! — Голов ободряюще улыбнулся мальчику.

Мальчик робко улыбнулся в ответ, но губы его судорожно скривились, уголки глаз поплыли вниз, и в них замерцали слезы. Мальчик стыдливо отвернулся, отер нос подолом майки.

— Степану плохо! — сказал он, не глядя на Голова. — Вчерась еще кушал нормально, ведро воды выпил, а сейчас упал...

Весь интерес к мальчику сразу пропал. Опять больные. В больнице, в поликлинике, домой телефонные звонки... И здесь, в отпуске — тоже! Пойти? Да, надо. Никуда не денешься. Мальчика Голов слушал плохо, не обратил внимания на ведро воды, выпитое больным, и только услышав, что Степан и овес не ест, он понял, что мальчик говорит о лошади. А, поняв это, покраснел и засмеялся, весело взблескивая зубами.

— Так ты о лошади что ли?

— Да, — ответил мальчик, глуповато моргнув светлыми глазами.

— Значит, Степан — это лошадь, конь?

— Не-е, — засмутился мальчик и пояснил: — Мерин он, зовут Степаном. Да вы сами увидите...

— Он сожалению, я не могу, — помолчав, уже серьезно сказал Голов и услышал свой голос — чужой голос! Мальчик притих, утер губы, стал ковырять ногою землю. — А что с лошадьё?

— Больная она, — голос мальчика звучал тихо и отчужденно. — Она во-он за той горкой лежит...

— А-а, — протянул Голов. — Я, брат, человеческий доктор, лечить умею только людей. Понимаешь? Так что тебе придется просить кого-нибудь другого.

Лицо мальчика дрогнуло. Горошины слез катнулись по щекам. Он протянул вперед руку, как за подающим, и сознательно идя на унижение, попросил:

— Дяденька, пойдем, а! Ну, пойдем, дяденька-а!..

Было понятно — плачет и трезво оценивает: просьба со слезами лучше примет, на жалость давил мальчик, и, понимая все это, Голов все равно ощутил непривычное чувство растерянности, испугался, что сейчас войдет жена, увидит мальчика, узнает все и засмеется. Она очень красиво смеется. Женственно. Но он знает, как равнодушна эта женщина ко всему на свете: к умирающим, к детям, к самому Голову.

— Ладно, веди! — Голов сдернул со спинки стула пиджак. — Я сейчас.

Жена все еще лежала в постели, и когда он вошел к ней, читала книгу. Он остановился в изголовье кровати. Жена, глядя в книгу, сделала вопросительное лицо.

— Я пошел.

— Куда?

— В одно место. Я вернусь быстро.

— Ступай.

Вот и все.

Между ними существовало молчаливое соглашение: уважать друг друга. Они были нужны друг другу и жили мирно, в общем-то хорошие, неглупые люди.

— Там... лошадь умирает, — неожиданно для себя сообщил он.

— Что так?

— Не знаю.

— Ты ее посмотреть будешь?

— Нужно же хоть раз руками лошадь потрогать.

И она, все так же глядя в книгу, блекло улыбнулась губами.

Мальчик нетерпеливо ждал Голова у калитки. Подпустив доктора шага на три, мальчик повернулся и быстро пошел впереди, то и дело оглядываясь. Ему было, видать, неприятно чувствовать за спиной незнакомого, чужого человека, но он торопился.

— Я ездил на Степане за травой, — объяснял мальчик, оборачиваясь к Голову, забегая то с одного бока, то с другого. — Степан к нам прикреплен, на нем пищу для свиней возим. Старый да еще крепкий. Утром я его запряг, только вон в ту горку начали подниматься, он и упал на колени. Я его распряг, а он все равно не поднимается.

— Сколько тебе лет и как тебя звать?

— Сашка я. А лет мне семь.

— Что же тебе лошадей доверяют?

— Что же не доверять-то? Степан же смиренный. — Мальчик посмотрел в лицо доктора, добавил со вздохом: — Но такой еще крепкий! Честно! Вон какой воз прет. А вы из города?

— Из города.

— А тетенька — ваша жена?

— Да.

— Красивая. — Радуюсь чему-то и немного заискивая перед Головым, восхитился мальчик.

— Чего это у вас в колхозе старых лошадей держат?

— Пусть, — сказал мальчик, давая понять, что у него и у колхоза на этот счет свое мнение. — Машин у нас полно, сена накосить легче, да и колхоз у нас богатый. Не объедят.

Голов засмеялся, мотая головой. Мальчишка обернулся, покраснел и снова поспешил впереди, трогал большие уши руками и прислушивался к шагам Голова за своей спиной...

Они вышли из деревни, направились по дороге, пятная тяжелую утреннюю пыль ногами. Никто не попался навстречу. И, слава богу, люди не увидят, как городской холеный хирург возится с лошадью. Нет, в деревню он больше не ездун... не ездец.. — как это там шутят современные остряки?..

Мальчик свернул на слабо наезженную, травянистую дорогу, заспешил. Начался березняк. Внезапно Голов увидел задранные оглобли и железные, блестящие ободья колес телеги. Щурясь, отводя рукою паутину, он пошел к телеге напрямик через заросли, сторняясь кустов и высоко поднимая ноги.

Телега стояла в высокой траве, на ней лежала сбруя. Голов уловил терпкий запах кожи и дегтя, больше он ничего не увидел. Мальчика тоже не было. Чертыхнувшись и содрав с лица липкую паутину, Голов направился к телеге.

— Э-эй!

Голов оглянулся на оклик и увидел мальчика. Тот сидел на корточках возле коричневой, похожей на старый навоз кучи. Понадобилось подойти, чтобы понять, что эта куча и есть павшая лошадь. Она лежала на боку, по-собачьи вытянув вперед ноги. Живот ее сильно вздулся. Из раздувшихся боков, костлявых плеч жалко вытягивалась очень плоская шея, на которой чудом держалась большая, горбоносая и костлявая голова.

— Живой, — тихо известил мальчик.

Голов наклонился и близко увидел большой, тусклый, равнодушно мигающий глаз в ямке под костлявым надбровным бугром. В глазу медленно погасала жизнь.

Странное чувство пронзило Голова. Он врач и видел много смертей, но только сейчас понастоящему почувствовал страх перед нею. Сильная судорога встряхнула тело лошади, пробежала по бокам, по шее, и от этого шея плеснула плоской рыбой, а голова тяжело стукнула о лесную почву.

Мальчик сделал движение придержать лошадь, но боязно зажмурился, услышав, как стукнулась о землю тяжелая голова.

— Видишь вот,— сказал он.

Что-то удерживало Голова от того, чтобы равнодушно сообщить, что животному уже ничего не надобно, оно поддыхает.

— Тебе попадет за эту лошадь?— спросил Голов у мальчика, чтоб оттянуть время и хоть что-нибудь говорить.— Она ведь казенная.

— Не-е,— отозвался мальчик,— не попадет.

— Ты точно знаешь?

— Ага. Ты ему помоги.

Голов наклонился над лошадью, стал коленями в сырую росистую траву. Его руки легли на горячую шею лошади, ловко ощупали ее, и пальцы почувствовали твердые веревки жил под шкурой. Не зная, что еще делать, доктор остановил руку на лошадиной морде, погладил ее по горбатуму носу. Было неловко, как на сцене, хотя никто кроме мальчика его не видел и вообще он чувствовал себя глупо, потому что раньше видел лошадей только в кино и на ипподроме. Зачем пошел?

Лошадь тяжелодохнула ему в лицо душным запахом пережеванной травы.

— Ну что ты,— укоризненно произнес мальчик лошади и несмело посоветовал доктору.— Ты живот ей посмотри. Живот...

Голов поднял лицо, строго посмотрел на мальчика.

— Ни к чему. Поддыхает.

Мальчик ему не верил. Ему, доктору «человеческому», не верил, и все тут! Чертыхнувшись про себя, Голов снова начал ползать на коленях около лошади, шупать руками ее вздувшийся живот, в пахах, подвластный силе и вере мальчика.

— Нет, не помочь уже ничем,— вздохнул Голов, поднимаясь с колен и обтирая пучками травы руки.— Старый твой Степан, отжил свое.

Мальчик недоверчиво набычился, помолчал и начал березовой веточкой отгонять мошкарку с морды лошади.

— Ну-с, что будем делать?— спросил Голов.— Пойдем, пожалуй, скажем конюху.

Мальчик насупился еще больше:

— Иди!

— Пойдем вместе.

— Иди сам!— грубо сказал мальчик и подбородок его задрожал.

Лошадь неожиданно сильно ударила ногами, забилась по земле, Голов испуганно отскочил в сторону. Ноги лошади рыли землю. Мальчик тоже испугался, отпрянул было, но тут же схватил лошадь за голову. Немного успокоившись, лошадь застонала.

— Отойди от нее! Она не в себе. Убить может.

— Не убьет!— твердо сказал мальчик.

Лошадь плакала от боли, и слезы прочертили на ее морде мокрые дорожки. Она еще раз затрепетала, и из ее ноздрей ударила слабой стру-

ей кровь, оросила траву, и руки мальчика стали красными. Он испуганно сжался, но, помедлив, зажал ладонью ноздри лошади, и кровь тонкими струйками текла меж его пальцев. Голов видел потрясенное лицо мальчика и ужас в его светлых глазах.

Лошадь дернулась и затихла.

— Все!— сказал Голов как-то чересчур уж громко.

И тогда мальчик заплакал. Посмотрел на руки, поднялся с колен и заплакал так, как плачут все дети: громко и очищающе.

Голов взял пучок травы, принялся вытирать ему руки. Мальчик не сопротивлялся.

— Все умирают,— говорил Голов.— Твой Степан был стариком. Не огорчайся, не плачь. Не будешь?

— Не-е,— говорил мальчик, а сам все плакал и плакал о близком своем друге — Степане.

Голов взял мальчика за руку, повел из леса, и он, как большой, послушно шел за ним, не видя ничего из-за слез и запинаясь. Голов был расстроен и удивлен. Чем? Он не смог бы и себе ответить. Может, смертью лошади, может, горем мальчика, а может быть, и чем-то другим, о чем прежде не задумывался и не хотел задумываться.

Публикацию подготовил
Ю. Яровой

Самородок

Виктор Астафьев о творчестве Бориса Никонова

Загадка таланта! Существует ли она?

Да, существует. Еще раз, с еще большей уверенностью подумал я, прочитав рукопись «Дивногорских этюдов».

Ну разве это не загадка: такой же, как многие миллионы мальчишек, из такого же села, как тысячи других русских сел, со странным, враз запоминающимся названием — Аспагаш — он с детства видит все вокруг обостренней других, жадно впитывает душой радости и боли человеческие, с ранних лет умеет страдать всему живому, и творчеством своим (первый рассказ он написал еще мальчишкой) — призывает к этому всех нас, живущих на земле.

В сущности, все произведения Бори Никонова — рассказы, зарисовки, прозаические и стихотворные этюды — как раз об этом: человек, помогающий человеку добром, сам становится добрее душой и ему открывается прекрасный мир, полный добрых людей, яркого солнца, дивной поэзии, чудесной природы. Мне многое понравилось в рукописи покойного юноши, но особенно близки те рассказы, где действуют ребята, — умение писать для ребят и о ребятах с любовью — есть первый и верный признак даровитости литератора. По-особому как-то тронул меня рассказ: «В стороне от дороги», где «мальчик» (какое было дано юному автору чувство меры и умение обобщать! Везде, во всех рассказах у него герои поименованы, а тут вдруг просто «мальчик») зовет человека, одна фамилия которого дает почти полное представление о нем — Голов! — спасти умирающую клячу. «Портрет» этой лошади, ее мучительный уход из жизни, поведение двух героев — мальчика и врача Голова, — их отношение к смерти лошади написаны так точно, с такой пронзительной болью, что невольно закрадывается мысль: «Да полно! Не может быть, чтоб неопытный автор этяко написал?!»

Из всех «биографических» рассказов Бори Никонова рассказ про умирающую лошадь мне кажется самым «биографичным» — это он сам, обреченный автор, зовет людей на помощь. Все знают, что смерть

неизбежна, а он, «мальчик», просит «что-нибудь сделать» и горько, безутешно плачет, когда видит, что смерть не побороть. Такие слезы не бесследны, даже человека с убийственной фамилией — Голов — они проняли, и если не повернули в нем все, так хоть что-то «с места стронули»...

Даже по одной книжке, по любовно собранному и отредактированному «Дивногорским этюдам» можно заключить: много отпущено было природой Боре Никонову или, старинно говоря, создателю щедро метнул в сибирское село Аспагаш золотых зерен и они обернулись самородком, да судьба распорядилась так, что самородок лишь блеснул яркой гранью и погас безвозвратно.

Какое-то горькое чувство, не только сожаления, но и вины остается в душе, когда узнаешь о короткой жизни Бори Никонова. Знаешь, ведаешь — всегда так бывает, если прежде времени гибнет талант, — но ничего с собой поделаться не можешь, и еще горше на сердце, если талант этот, как мартовский сибирский первоцвет — только-только серебряным мохнатым птенцом вылез на солнцепек из камней, чуть приоткрыл чистые кремловые губы, и вдруг случайным порывом ветра его сломало, унесло, не давши ему ни расцвести, ни рассеять семя по земле.

Дивногорск, где жил с девяти лет и кончил свой короткий путь Боря Никонов, всего в полчаса езды от моего родного села Овсянки. Я бывал в те годы, когда Боря уже лежал прикованный к постели, в Сибири, в родном селе и на строительстве Красноярской ГЭС, но ничего не знал о том, что в соседстве живет и мужественно работает больной человек, а ведь так много приходится читать бесполезного, так часто приходится заниматься пустыми и неблагодарными людьми! Думается, удалось бы поддержать, ободрить даровитого юношу, да что теперь об этом толковать?! Просто постараться надо любовно сберечь то, что оставил нам этот многострадальный и мятежный сибиряк.

Загадка таланта. И загадка смерти... Почему эти слова, понятия эти встали вдруг в моих мыслях в один ряд — они же несовместимы,

как «гений и злодейство»? Да, вот почему. Сотни раз и я, и мои деревенские корешки бывали в лесу, лазили по деревьям, хаживали по тем самым местам, где подстерегала Боря беда. Однажды я тоже свернулся там с кедра, но угодил в грязную болотину. Почему же ловкий деревенский парнишка, который мог «на ходу подметки рвать», ничего и никого не боялся, был верным другом, любимым сыном и, быть может, надеждой нашей литературы, — подвергся такой напасти, таким испытаниям и такой мучительной смерти?..

Тут же выстраиваются в памяти нелепые смерти на войне и невероятные спасения от них, и все кажется — вот был бы в лесу тогда, вместе с ними, с шишкарями этими, мальчишками, глядишь, и уберег бы Боря от беды...

Почти каждое лето я езжу на родину, в Сибирь, — тянут туда не только воспоминания детства, но и печальная память о тех, кто был и жил когда-то с тобой и кого не стало на земле. К этой неизбежной и вечной печали добавилась еще одна капля, и теперь, глядя на горы и перевалы, темнеющие в поднебесье, буду знать — там, за стыком двух рек — Маны и Енисея, за старым Знаменским скитом, за Дивными горами, одетыми в густую шубу кедровых, — витает дух юного поэта, в каждом листке, веточке, хвоинке и цветке присутствует его светлый взор, его доброе и теплое дыхание и, согретая этим дыханием, светлой его памятью и словом, родная моя природа, край мой отзовутся в душе людей и тихой печалью, и благородной любовью.

Виктор
АСТАФЬЕВ

ПО СЛЕДАМ «бешеных собак»

Странички истории освободительной борьбы
в Сибири и на Урале

**Виталий
ПАВЛОВ**

10 июля 1888 года читателей газеты «Екатеринбургская неделя» глубоко взволновала небольшая информация из Тобольска. «За последнее время,— говорилось в ней,— у нас в городе появилось, вероятно, вследствие сильной жары, очень много бешеных собак, которые положительно терроризировали жителей, забегая во дворы и бросаясь на людей; 25 июня несколько таких собак, с черным мопсом во главе, забежали во дворы: Марининской женской школы, дома члена управы И. И. Суханова и публичной библиотеки; из последнего двора их могли выгнать только на 3-й день. Число всех укушенных пока неизвестно, по слухам, таких более 15 человек. Сильно изранены и взяты на испытание: писарь воинского присутствия В. И. Бармин, брат содержателя библиотеки П. А. Суханов, член городской управы И. И. Суханов. Несмотря на усилия полиции, опасность и сейчас не уничтожена. Публика думает сама предпринять какие-либо меры для ограждения себя от подобных «набегов».

Пока читатели «Екатеринбургской недели» на разные лады толковали о небывалой напасти, выражая сочувствие несчастным тоболякам, информация стала известна в далеком Санкт-Петербурге и вызвала особый интерес у самого директора департамента полиции П. Дурново, который немедленно распорядился через Главное управление по делам печати «принять меры». Можно было подумать, что шефа полиции озаботила судьба жителей Тобольска, подвергшихся нападению взбесившейся своры, однако Главное управление по делам печати стало выяснять не причину появления массового бешенства четвероногих, а... имя автора заметки. Выяснили: редакция получила информацию, подписанную «канцелярским служителем Марком Андреевым Резановым». Был указан и его тобольский адрес. Полиция тотчас бросилась на розыски корреспондента, но, увы, ни указанного домашнего адреса, ни самого канцеляриста в Тобольске никогда не было.

В то время как «блестители порядка» вели поиски и učinяли до-

просы, 18 сентября новый круг читателей—на этот раз иркутской газеты «Восточное обозрение»—поразило сообщение из Ялutorовска о массовых кражах в Тобольске. Причем опять-таки 25 июня и у тех же самых лиц, которые в «Екатеринбургской неделе» были представлены как жертвы бешеных собак.

Набег взбесившихся животных, налет грабителей на одних и тех же тоболяков, в одно и то же время? Что же на самом деле произошло в губернском городе и заставило полицию принять столь энергичные меры? Почему после того, как в «Екатеринбургской неделе» была напечатана информация, зашевелилась полиция?

...14 марта 1888 года в Омске полиция арестовала приезжего, назвавшегося тобольским чиновником И. Е. Давконтом, у которого обнаружили нелегальную литературу. Началось следствие.

Успеху жандармерии способствовало не только то, что в их руках оказался малодушный человек, но и одно непредвиденное обстоятельство. В один из июньских дней того же года во время переправы через реку в Иркутской губернии перевозчики повредили несколько почтовых ящиков и посылок. Почтовым чиновникам пришлось заниматься переупаковкой. Когда дошла очередь до посылок, отправленной из Туринска Константином Егоровичем Стери в село Тунку на имя Вильфрида Войнич, чиновников взяла оторопь: в ней находилось семь одинаковых книжек, отпечатанных на гектографе,— «Журнал политической ссылки» № 1, а в каждую книжку была вложена, тоже гектографированная, «Программа собрания сведений о политической ссылке».

Посылку Войнич не получил: она легла на стол иркутской жандармерии. Не составило труда установить, что Вильфрид (он же Михаил Леонардович) Войнич— «государственный преступник», арестованный еще осенью 1885 года по делу польской партии «Пролетариат» и после полуторагодичного заключения в Александровской цитадели в Варшаве по «высочайшему указу» отправленный

на пять лет ссылки в Иркутскую губернию¹.

Иркутские жандармы срочно дали знать об удачной находке своим собратьям по ремеслу в Тобольск.

24 июня на очередном допросе в Омске чиновник Давконт не выдержал. Он показал, что в Тобольске существует тайная организация «Русская молодая интеллигенция», что один из ее главарей, учитель мореходных классов Иван Иванов Суханов, дал ему, Давконту, нелегальную литературу для Омска...

В ночь с 25 на 26 июня одновременно в Тобольске и Туринске начались обыски и аресты.

10 июля об этих арестах через «Екатеринбургскую неделю» «канцелярский служитель Резанов» и оповестил Урал.

«Бешеные собаки» арестовали тогда студента П. А. Суханова, члена городской управы учителя И. И. Суханова, писаря воинского присутствия, бывшего семинариста В. И. Бармина, Н. П. Газова и многих других. У Василия Бармина были найдены гектограф, гектографированные прокламации «Протест русской политической ссылки» и «Братья-товарищи». Он показал, что еще в июне около 40 этих прокламаций ему передал политический ссыльный С. И. Мельников.

По мере допросов арестованных выяснилось, что под воздействием ссыльных в Тобольске еще в 1885 году возникла подпольная народническая организация. Ее душой был народоволец, участник знаменитого «процесса 193-х» Сергей Александрович Жебунев, живший одно время в Тобольске. Группа связалась с народническими кружками ряда городов Сибири и Урала, получала отсюда запрещенную литературу, а затем и сама приступила к ее размножению. Недавно удалось установить, что в феврале 1887 года И. И. Суханов ездил в Туринск. В этом же году при его участии были напечатаны на гектографе несколько брошюр: «Идеи на штыки не улавливаются», «Политический террор», «Письма из тюрьмы и ссылки» и другие. И. И. Суханову с помощью сына владельца местной типографии М. Калинина и наборщика В. Молчанова удалось издать книгу А. Н. Баха «Царь-Голод» и книгу Тарасова «Банкротство буржуазной науки», перепечатанную из

¹ Михаил Вильфрид Войнич в июне 1890 года бежал за границу. В Лондоне на квартире известного русского революционера и писателя С. М. Степняка-Кравчинского, он познакомился с молодой англичанкой, своей будущей женой Этель Лилиан Войнич, автором знаменитого романа «Овод».

«Вестника Народной Воли». Эта литература распространялась в Тобольске, Омске, Туринске и в других городах.

Ночной налет жандармов и полицейских в Туринске обрушился на живших там политических ссыльных: бывшего поручика В. Я. Яковлева (Богучарского), бывшего студента Петровской сельскохозяйственной академии Н. Н. Баранова, бывшего подпоручика Е. П. Дзбановского, осужденного по делу Г. А. Лопатина, и, конечно же, на отправителя посылки М. Л. Войничу — К. Е. Стери.

Добыча налетчиков была значительной. У Стери обнаружили восемь экземпляров «Журнала политической ссылки», у Дзбановского, кроме «вредной» переписки, — много нелегальной литературы, в том числе один экземпляр «Журнала», четыре — «Программы для собирания сведений о политической ссылке», «Протест русской политической ссылки» и воззвание «Братья-товарищи», уже знакомые жандармам.

Защитники трона установили, что в июне «Журнал» отправили из Туринска не только Войничу, но также в Тобольск — И. И. Суханову, в Ялуторовск — Арсению Сименскому, в Челябинск — Максиму Гофману. Позже стало известно, что «Журнал» был и у Мельникова, и у ссыльного народовольца Якова Сидорова (Ивана Александровича Меримкина), жившего в селе Кондинском Березовского округа, и в других местах.

Жандармов особенно интересовал вопрос: кто и где издал «Журнал». Дело в том, что 144 страницы «Журнала» давали широкую — от Шлиссельбурга до Сахалина — и жуткую картину положения революционеров, находящихся в тюрьмах, на каторге и в ссылке, вскрывали вопиющие бесчинства властей и были грозным обвинением царского самодержавия.

Последовала целая серия обысков на Урале и в Сибири. В ноябре, например, в Челябинске обыскали квартиру ссыльного народовольца М. Ю. Гофмана, осужденного, как и Дзбановский, по делу Г. А. Лопатина. Обыск, однако, ничего не дал. Жандармы так и не смогли определенно назвать ни авторов, ни места выпуска «Журнала» и прокламаций.

Между тем «Журнал» подготовили и напечатали туринские ссыльные. Переписан он для гектографирования рукой Стери. Среди бумаг, отобранных у Дзбановского, хранились рукописи «Якутская область» и «Список каторжан на Каре». При внимательном рассмотрении содержания «Журнала» нетрудно заметить в нем разделы «Кара» и «Якутская область».

Отсюда, из Туринска, издание рассылалось по ближним и дальним адресам Сибири и Урала.

Откуда же издатели «Журнала» получали информацию, да еще такую широкую? Ведь как ссыльные они не имели права переступать за порог Туринска, переписывались только с вехом и под присмотром полиции.

Думается, на этот вопрос можно ответить, если вспомнить о челябинской народнической группе, организованной политическими ссыльными М. Ю. Гофманом и М. Н. Поповым в 1887—1888 гг. По свидетельству историка В. Е. Четина, члены этой группы имели переписку с ссыльными революционерами в Сибири. «Вместе с тем... группа наладила сбор сведений о положении и передвижениях политических ссыльных к востоку от Урала и оперативно сообщала их товарищам по революционному подполью и за границу. Летом 1888 года были получены три письма, в которых подробно рассказывалось о жизни и столкновениях с администрацией политических ссыльных на о. Сахалин»¹.

Не эти ли письма, пересланные в Туринск, послужили материалом для раздела «Сахалин»?

Анализ работы челябинской группы привел В. Е. Четина к выводу, что «М. Ю. Гофману и его товарищам удалось создать... один из значительных опорных пунктов возникшего во второй половине восьмидесятых годов межпартийного «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным», преемника народовольческого «Общества Красного креста» (1881—1884)»².

Из предисловия к туринскому «Журналу» видно, что издатели рассматривали его как справочник о политической ссылке, из которого читатель мог бы почерпнуть информацию не только об отдельных ссыльных, но и положении ссылки в целом. Кроме того, «Журнал» преследовал цель обратить внимание «свободных граждан» России на тяжелейшую нужду сосланных революционеров и оказать им помощь.

Сопоставление деятельности челябинского кружка и туринских издателей невольно заставляет сделать вывод о единстве их целей. По-видимому, и «Журнал» следует рассматривать как один из рупоров «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным».

Туринские издатели в «Послесловии» обещали и впредь выпускать журнал. С этой целью они и рассылали «Программу собирания сведений о политической ссылке». Но судьба распорядилась иначе. Все участники издания были арестованы. «По высочайшему повелению» в ноябре 1889 го-

¹ В. Е. Четин. Из предисловия «Уральского рабочего Союза». В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. III, Челябинск. 1969, стр. 12, 13.

² В. Е. Четин. Указ. соч., стр. 13.

да Е. П. Дзбановскому к пяти годам ссылки, определенным ранее, добавили еще четыре и отправили в Якутскую область. Туда же, в далекой Олекминск, выслали С. А. Жебунева, предварительно удлинив (уже вторично!) срок его ссылки на пять лет. Члена тобольской организации, содержателя частной библиотеки Н. И. Березницкого (со двора которого «бешеные собаки» убралась «только на 3-й день») выслали в Восточную Сибирь. В Якутию должны были выпроводить Стери, но он сочинил покаянное письмо в департамент полиции и фактически был освобожден досрочно. Позднее Стери «завершил свою скрытую измену открытой»¹. Что касается Давконта, Бармина, Газова и других бывших семинаристов, то их отдали под гласный надзор полиции.

Народническая организация в Тобольске перестала существовать. На первом номере оборвалась и жизнь «Журнала политической ссылки».

Остается ответить на такой любопытный вопрос: как тобольская информация о бешеной споре попала на страницы либерально-буржуазной «Екатеринбургской недели»? Несомненно, важную роль при этом сыграл «эзоповский» характер заметки. В калейдоскопе сообщений о различных происшествиях, обильно представленных на газетных полосах, она казалась «вполне благонадежной». Но, думается, было и более основательное обстоятельство. В то время одним из служащих редакции «Екатеринбургской недели» был сосланный земледелец И. И. Годлевский. Недавно нам удалось обнаружить, что за криптонимами «И. И. С.», «И. И. С-въ» и псевдонимом «Иван Дятлов», которыми подписаны материалы из Тобольска, Туринска и Обдорска, скрывался И. И. Суханов, корреспондировавший в «Екатеринбургскую неделю» в 1887 году. Вполне возможно, что именно связи И. И. Суханова с газетой и кружка тоболяков с революционерами Екатеринбург и сделали возможной публикацию замечательной в своем роде заметки.

¹ «Каторга и ссылка», 1932, № 3, стр. 159.

О наказанной реке

Владимир
АЛЬТОВ

Юбилей реки... Такое встретишь не часто. Возникли реки в незапамятные времена и установить их точную родословную очень трудно. Но именно в январе 1975 года исполнилось ровно 200 лет с того дня, когда крупнейшая из уральских рек обрела имя, которое известно ныне всему миру.

...Под колокольный звон встречала пугачевская вольница новый 1774 год. В Бердской слободе под Оренбургом, где была столица Пугачева, всю ночь потешалось народное войско.

Искрилось веселье и в Санкт-Петербурге. По велению императрицы Екатерины II вся столичная знать собралась на новогодний бал в изумительно красивом Тронцком зале Зимнего дворца. Ничто не омрачало торжества, даже то, что далеко в оренбургских степях, на берегах Яика все жарче разгорался пожар крестьянской войны. Но утром во дворце случилось чрезвычайное происшествие. У самых царичных покоев фрейлина обнаружила пакет, на котором было написано, что его надлежит вручить «в собственные руки ее величества».

Пакет передали императрице. И чем дальше читала Екатерина это новогоднее послание, тем злее становилось ее лицо. В пакете был манифест Пугачева, доставленный кем-то из его сторонников из далекого оренбургского села Берды и обещавший ее поданным вольную жизнь:

«...и чего вы ни пожелаете, во всех выгодах и жалованиях отказано вам не будет, и слава ваша не

истечет до веку; и как вы, так и потомки ваши первыми при мне, великом государе, учинитесь».

Императрица рассвирепела. Давно уже не видели придворные ее в таком гневе. Отшвырнув бумагу, неведомо кем и как пронесенную в Зимний дворец, она приказала Тайной канцелярии разыскать и жестоко наказать злоумышленника. Но тот человек так и остался неизвестным.

Новогодний подарок Пугачева был публично сожжен на Дворцовой площади.

Годом спустя жестокая расправа была учинена и над самим Емельяном Пугачевым. Крестьянский вождь был казнен 10 января 1775 года на Болотной площади в Москве. А спустя несколько дней императрица распорядилась наказать и... реку, на берегах которой особенно широко полыхало пламя крестьянской войны.

200 лет назад, в январе 1775 года, Екатерина II своим указом повелела переименовать реку Яик в реку Урал, а Яицкий городок — в город Уральск. А объяснялось это так: «для совершенного забвения неустойства на реке Яик и известного замешательства». Так по воле царичи сейдой Яик стал Уралом.

Новое название приживалось трудно и долго. Простой люд еще многие десятилетия хранил память о мятежных временах и упрямо называл свою реку Яиком-батюшкой

ИМЧИН- СКИЙ АРСЕ- НАЛ

Археологическая экспедиция Южно-Сахалинского краеведческого музея, которой руководила научный сотрудник Валентина Васильевна Вязовская, обнаружила на севере острова Сахалина, на берегу реки Имчин неподалеку от поселка Ноглики, стоянку древних людей.

Под землей найден целый арсенал времен раннего неолита — каменные клинки, ножи и копья, ножи и лезвия для деревянных или костяных кинжалов.

Открытие сахалинских археологов комментирует директор Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР академик Алексей Павлович Окладников:

— Имчинский арсенал — интереснейшая находка. Она интересна тем, что свидетельствует о культурных связях древних жителей Сахалина и других районов северо-восточной Азии. Я видел ножевидные пластины — клинки из имчинского раскопа. Они очень похожи на те, что были найдены в Приморье и низовьях Амура. Возраст всего этого комплекса находок — 6—8 тысяч лет. Вот к каким старинным временам уходят культурные контакты между сахалинцами и их западными соседями!

Исследователей из разных стран издревле привлекает таинственная история заселения Сахалина и Курильских островов. И этот интерес понятен — ведь мы до сих пор строим лишь гипотезы о том, кто были первожители островов, откуда они пришли, с кем дружили, а с кем — враждовали...

Одна из гипотез была высказана еще в прошлом веке русским академиком Л. И. Шренком. Он утверждал, что нивхи были хозяевами обширных пространств азиатского материка задолго до появления на севере тунгусо-маньчжурских племен. При этом Л. И. Шренк обращал внимание на своеобразный язык нивхов, не имеющий ничего общего с языками других народов.

Археологические находки на реке Имчин убеждают, что именно нивхи были аборигенами Сахали-

на и всего Нижнего Амура. Их предки оставили нам и замечательные памятники так называемой сусуйской культуры с ее превосходной резной костью, оригинальными гарпунами.

Не могу не сказать и об аборигенах Курил. Мне самому посчастливилось побывать там вместе с группой археологов, которой руководил преподаватель Южно-Сахалинского педагогического института Валерий Голубев. На острове Итуруп мы имели возможность изучить четыре древних поселения.

Время и ветер многое разрушили, развеяли. Но под толстым слоем земли хорошо сохранилась посуда характерной формы — глиняные высокие вазы с узким дном. Стенки этих сосудов покрыты оригинальным веревочным узором, пластическими выступами. Найдено много разнообразных каменных изделий. И что любопытно? Наряду с довольно грубыми скребками найдены изделия из камня, покрытые изумительной ювелирной, как говорят археологи, ретушью — мельчайшими сколами.

И уж совершенно потрясающее открытие было сделано Валерием Голубевым и его группой сравнительно недавно. На том же Итурупе обнаружены четыре захоронения неолитического облика. Погребенные были посыпаны минеральной краской — охрой.

Древние обитатели Итурупа верили, что для хорошей загробной жизни мертвым нужна кровь усопших — охра и посыпали ею покойников. Точно такой же обычай существовал и у первожителей Прибайкалья! На берегу Ангары, у поселка Китой, мы раскопали погребение, которое тоже датируется ранним неолитом. И в этих могилах тоже была охра. И так же, как на Итурупе, рядом с покойниками в захоронениях лежали орудия их труда — скребки, ножи, клинки из камня.

Новые археологические находки на Сахалине и Курилах поднимают важные историко-этнографические проблемы. Они не оставляют сомнений что здесь веками развивались разное

своеобразные самобытные культуры. Исследователям предстоит теперь проследить их связи с теми племенами, которых 300 лет назад встретили на этих землях мужественные русские землепроходцы.

Мы знаем, что «бородатые айны», «мохнатые курильцы», которые встретились русским казакам на островах Курильской гряды, говорили им, что они дотоле были никому неподвластны.

Мы знаем теперь и кто были северными соседями нивхов и айнов — коряки. Их доисторической культуре посвящена монография Руслана Василевского. Она издана в Новосибирске. Автор использовал в качестве доказательств не только собственные археологические работы, но и труды русских, американских и японских археологов и этнографов.

Столь же определенно можно сказать об эскимосах, предки которых обитали на побережье Чукотского моря и Северного Ледовитого океана, на Колыме. Нам удалось раскопать самое западное поселение древних эскимосов на Барановом мысу. Об этом рассказано в изданной в Новосибирске монографии, которую я написал вместе с Н. А. Береговой.

...Хочу поделиться своей заветной мечтой: хочу впервые в истории археологии организовать разведочную экспедицию по следам русских первооткрывателей Курильских островов. Хочу пройти вдоль всего «жемчужного ожерелья» и собрать материал о том времени, когда русские люди впервые встретились с айнами, приобрели их к цивилизации. О том времени, когда эти племена добровольно вступили в состав Российского государства.

Интервью у академика
А. П. Окладникова взял
Карл РЕНДЕЛЬ

Это было с бойцами
 или страной,
 или в сердце
 было в моем

БОЙ У РАЗВИЛКИ

Петр
ШВЕЦ

Рисунки Н. Мооса

Было это под Ленинградом, в августе сорок первого.

Давно не езженная дорога, которой я вел группу бойцов, петляла и уводила все глубже в лес. Густо, до одури, пахло хвоей, под ногами мягко шелестела начавшая блекнуть трава. Изредка слышался треск ветки, и снова наступала тишина. Можно было подумать, что до переднего края не полтора-два, а по крайней мере несколько десятков километров.

Группу заграждения, во главе которой поставили меня, сформировали утром из солдат взвода. Едва я познакомился с людьми, комбат приказал нам выйти на развилку дорог, занять оборону и удерживать ее до последнего.

Звание замполитрука мне присвоили перед самой войной, командовать кем-либо мне еще не доводилось. К тому же и мои подчиненные не были еще по-настоящему обстрелянными бойцами. Исключение составлял разве что Фома Брынза, пожилой, с казацкими усами, украинец, который до этого на лошадке подвозил к передовой боеприпасы. Однако я мысленно подбадривал себя и настраивал на решительный лад.

Деревья поредели, отодвинулись от дороги. Мы прибавили шаг и, выйдя из леса, оказались как раз у развилки. Расположив бойцов в тени толстой, с двумя вершинами березы, я стал соображать, где выбрать позицию для обороны. Взглядом обшарил видневшуюся невдалеке деревню Порожки. Ни души. А где же вторая рота, которая должна быть впереди деревни?

В разведку добровольно отправился Фома Брынза. Вскоре он вернулся и доложил: в Порожках остался один древний дед, остальное население подалось в сторону Ленинграда. Вторая рота на месте, за деревней. Правда, народу в ней — раз-два и обчелся, но дух у людей боевой. Мы стали отрывать окопы...

Ночь прошла сравнительно спокойно. На рассвете все тот же Фома Брынза разложил костер и напек картошки. Обжигаясь ею, бойцы на все лады расхваливали Фому, а он улыбался в усы и говорил: «То я по старой привычке. До войны робыв у киевском ресторане шеф-поваром. Люблю годовать людей...»

За Порожками громыхнули пушечные выстрелы. И тут же на позициях второй роты зача-

стили гулкие разрывы, взметнулись столбы дыма и земли. Только что вставшее солнце потонуло в черном сумраке.

Я распорядился углубить ячейки, соединить их общим ходом сообщения и прорыть отводку в лес. Но не успели мы сделать и третьей части намеченного, как из второй роты прибежал боец Дружков и передал приказание комбата группе выдвигаться на ротные позиции.

Прямая дорога обстреливалась артиллерией, потому я повел группу опушкой леса. Обогнув с левой стороны Порожки, мы гуськом устремились к позициям второй роты. Я в уме считал ее бойцов: один... три... шесть... девять — не густо.

Перед ротой стлалась равнина с редким безрзовым лесом вдаль. В нем и прятались немцы. Слева, за лесом, должна быть река. Вторые сутки батальон срывал переправу противника, оттуда доносился отдаленный гул боя. А вторая рота не давала врагу хода через Порожки.

Я спрыгнул в окоп. Там сидел бледный, с расстегнутым воротом гимнастерки, сержант. Опираясь спиной о заднюю стенку траншеи, он заговорил хрипло, с присвистом:

— Я сержант Кондииков. Ты вовремя подошел... наших полегло, а тех втрое больше... Сейчас тварюги упрятались в лес... Перегруппируются, снова полезут. Хотят батальону в тыл... Ты хозяйничай... Я тут был за командира...

Заросшее щетиной лицо Кондиикова покрылось испариной. Прижав руки к животу, он закрыл глаза.

— Вы ранены? Я помогу...

— Не надо, политрук. Я не ранен... Я убит... Все внутренности перемешало...

Тут только я заметил, что из-под ладоней Кондиикова течет по подолу гимнастерки алая струйка. Он запрокинул голову, грузно осел на дно траншеи...

В полуразваленной ячейке оказался исправный «максим». Стану к нему сам, решил я. Мне уже приходилось стрелять из этого умного орудия.

Издали снова открыла огонь вражеская артиллерия. Вскоре из леса стала выдвигаться немецкая пехота. Белокурый белорус Бараболя и Саня Щучкин, шустрый боец, бывший детдомовец, приникли к ручному пулемету. Фома Брынза попыхивал трубкой, должно быть, это успокаивало старого бойца. Казах Бахтияров устроился рядом с ним, напряженно глядя перед собой.

— Политрук, разреши огонь?— крикнул Бахтияров.

— Подождем еще немного...

Когда стали заметны лица гитлеровцев, я решил, что теперь в самый раз, и подал команду. Длинной очередью прошелся по правому флангу наступающих, Бараболя прострочил левый. Захлопали винтовочные выстрелы... Вражеская цепь дрогнула, рассыпалась.

Саня Щучкин доложил о гибели Бараболи. Я приказал Щучкину сменить позицию. Едва он перетащил пулемет на новое место, на левом фланге немцы поднялись вновь и бегом устремились вперед. Зашевелился и правый фланг. Мы снова начали поливать врага свинцом. Потеряв с десяток убитыми, гитлеровцы отошли назад, в лес.

Ко мне подошел Фома Брынза.

— Я так думаю, товарищ командир, шо раз пидут танки. Чуете, як гуркотят моторы?— И, помолчав, добавил:— Треба собрать в окопах гранаты и поделать вязки. И бутылки с горючкой подобрать...

«Ему бы командовать, а не мне»,— подумал я о бывалом бойце.

— Так я пиду и накажу хлопцам...

Набралось с полсотни гранат, двадцать шесть бутылок с горючей смесью. Бахтияров потряс в воздухе гранатой: хороша штучка, на стрельбище такую бросал! Саня Щучкин, потный, перепачканной глиной, спросил, как обращаться с «горючкой». Я взял бутылку, зажег и швырнул за бруствер окопа.

— Вот так!

— Я понятливый, дважды объяснять не требуется,— поблескивая глазами, сказал боец.

Из Порожек, припадая на левую ногу, вышел человек. Брынза взгляделся в него и узнал: тот самый старик, которого он вчера видел в деревне. Подойдя к окопам, старик поставил передо мной ведро с водой и бутылку самогона, из холщовой сумки извлек краюху ржаного хлеба и кусок сала. Как с давнишним знакомым, за руку поздоровался с Фомой:

— Жив еще, хохля?

— Я, дидко, заколдованный,— усмехнулся в усы Фома.— Як обмундировався во фронтową зброю, жинка трижды обошла вокруг мене и щось нашептала.

Шутка Брынзы развеселила всех. Старик предложил подкрепиться, чем бог послал.

— Случайно, не найдется у вас пулеметика?— он подмигнул помолодевшими глазами.— Я у самого Григория Ивановича Котовского первым номером числился. Награду имею!

— Дедусь,— вопросительно взглянув на меня, Саня Щучкин потянул бывшего котовца за рукав,— айда в мое распоряжение? Мне как раз второй номер требуется...

Пообедать не успели: из леса выкатились четыре танка. Бойцы рассредоточились и повели огонь по смотровым щелям. Пули цокали по броне, но танки, как ни в чем не бывало, продолжали вызванивать гусеницами, оставляя за собой длинные шлейфы пыли. За танками таилась пехота. Мы перенесли огонь на нее.

Когда танки подошли настолько близко, что не могли уже стрелять из орудий, Брынза крикнул бойцам: пидпалюйте ворога! Поплевав на

ладони, он бросил в ближайшую от него машину бутылку с горючей смесью. Ударившись о борт, она разбилась, огненные струйки растеклись по броне. Фома тут же отпрянул в сторону. Обдав его смядом и дымом, через траншею перевалилась горящая машина. Усач схватил связку гранат и швырнул вдогонку. Сверкнуло пламя, танк крутнулся на месте и замер. Из верхнего люка выглянул танкист, Бахтияров тут же сразил его.

— Один отстрекотався!— крикнул Фома и поднес к губам висевшую на шнурке трубку.— Хлопцы, не паниковать!

Второй танк подбил Бахтияров.

— Политрук, во как я его! Смотри, волчком завертелся!

Третья машина прямехонько устремилась на окоп Сани Щучкина. Его наставлял дец:

— Ты, Сань, не суетись, спокойствие тут главный козырь. Я бы сам, внучек, да руки трясутся... Когда-то в гражданскую встречали мы этих стальных дьяволов, от одного страха чуть не очумели. А комиссар вылез из окопа, отцепил от пояса пару «лимонок» и подсунул под гусеницу... У него ведь где самое уязвимое место? Гусеницы да днище. Сзади еще, где баки с горючим...

Видимо, парнишка сильно волновался и потому при замахе зацепил бутылкой за пулемет. На наших глазах боец превратился в горящий факел. Котовец сорвал с себя пиджачишко, пытается сбить с него пламя. Саня стал кататься по земле, но пламя не угасало, подбиралось к голове. И тогда он поднялся и, защищая ладонью лицо, держа в правой руке бутылку с горючей смесью, пошел прямо на бронированного врага. Заметив надвигающуюся беду, танкист затормозил машину, однако не успел дать задний ход. Саня ударил бутылкой по танку, разлившуюся по броне жидкость поджег пламенем своего тела. Наехавший на него танк окутался черным дымом.

Старик котовец плакал: поступок молодого бойца, почти мальчика, потряс его. Последний танк повернулся и потарахтел к лесу. Пехота тоже стала отступать: видимо, и гитлеровцев поразила героическая смерть Сани Щучкина.

А за развилку взялась вражеская артиллерия. Стало ясно: противник намерен обойти нашу группу и, миновав никем не обороняемые Порожки, двинуться по дороге.

Нас осталось четверо: Брынза, Бахтияров, Дружков из второй роты и я. Котовец ушел за родниковой водой и не вернулся. На развилке вздымались фонтаны дыма и земли. Чтобы подойти туда скрытно, мы молча поползли по картофельному полю. Тем временем из Порожек вышла колонна немцев. Бахтияров открыл огонь из «ручника». Пользуясь его прикрытием, мы достигли развилки и прыгнули в окопы.

Бахтияровские очереди, видать, нагнали на гитлеровцев страху. Они попрятались в кюветах и выслали вперед разведку. Видя, что мы не подаем никаких признаков жизни, разведчики осмелели. Вскоре они, видимо, дали сигнал своим: немцы вывалили на дорогу. Офицер подровнял строй и пошел впереди колонны. Фома Брынза взял его на мушку, выстрелил, одновременно открыли огонь Бахтияров, Дружков и я. Немцы бросились врассыпную и вновь залегли, беспорядочно, но яростно стреляя.

Брынза схватился за висок. Через несколько минут сник Дружков. Потом что-то горячее ударило мне в предплечье левой руки. В то же мгновение перед глазами плеснулся взрыв, и все померкло.

...Звук капель становился все явственнее, будто где-то неплотно закрыт кран. Очнувшись, я открыл глаза. Прямо в зрачки больно ударили дождевые капли. Дождь, видно, только начался. Рывком поднялся и огляделся вокруг. Бой отошел вперед, значит, наши пришли нам на смену.

Кружилась голова, рука висела плетью, пальцы жгла невыразимая боль. Расстегнув рукав, осторожно закатал его выше локтя, с трудом перевязал рану. Из остатков бинта сделал подобие косынки, вложил в нее руку.

Боль немного улеглась, дождь освежил голову. Еще раз огляделся. Дружков и Брынза не подавали признаков жизни. Поискал глазами Бахтиярова. Казах лежал лицом на пулеметном диске. Когда я дотронулся до него, он застонал. Жив Сабир!

— Политрук? А, политрук?!— громко и отчетливо позвал он.— Уйдет фюрер, зараза... Бей его!.. Пить, пить...

Бахтияров бредил, но мне все равно хотелось разговаривать с ним:

— Мы с тобой еще повоюем, друг!.. Мы еще повоюем...

НОЧНОЙ ПОИСК

**Анатолий
ЩЕРБАНЬ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Разведчики на войне — глаза и уши пехоты. Летом они в пятнистых, зимой — в белых масках-халатах, автомат — на груди, нож — на поясе, гранаты — в глубоких карманах, пистолет — в кобуре или за пазухой. Молчаливые, поджарые, легкие на ногу. Неуловимые и бесшумные, как тени.

Наступают войска, свернулись в походные колонны стрелковые батальоны, преследуя быстро отходящего врага, а разведчики — впереди колонн. Они первые встречают противника, предупреждают своих об опасности. И в обороне они ближе других к противнику. Нейтральная полоса — основной район их действия. Круглосуточно наблюдают, что-то высматривают, что-то вынюхивают, рассчитывают — готовятся к поиску.

Из всех видов разведки это самый трудный — поиск. Попробуй пройди через минные поля и колючую проволоку, проникни незамеченным во вражеские боевые порядки. Отыщи, захвати и доставь в свою траншею «языка»!

А ведь противник — далеко не глуп. И достаточно одному разведчику сделать неосторожное движение — могут полететь прахом все расчеты, многодневная подготовка поиска: к всполошенному и напуганному противнику не подступиться.

И снова наблюдай, разведчик! Снова высматривай, запоминай, сопоставляй и рассчитывай! Предусмотри все, до самой мелочи, чтобы в следующий раз наверняка перехитрить врага.

Февральский метельный рассвет застал их далеко за Вислой. Передовые батальоны дивизии, форсировав широкую реку по искромсанному взрывами льду, сначала расширили плацдарм, а затем, когда подтянулась артиллерия, единым рывком прорвали наспех организованные немцами оборонительные линии. Дивизия устремилась в прорыв, преследуя по пятам отходившего на запад противника. Стараясь по возможности не отставать от танков, пехота прибавила шаг, повеселела. Не было у солдата на войне друзей любимее и вернее, чем родимые «тридцатьчетверки»!

Проходили по сорок — пятьдесят километров в сутки. Организовать надежную оборону, зацепиться на каком-нибудь рубеже немцам не удавалось, и полки почти без боев проходили через обезлюдившие за оккупацию небольшие польские городки, разграбленные гитлеровцами села, полусожженные хутора. Остались позади города и покрупнее — Модлин, Сохачев, Плонск, Влоцлавек. В последних числах января дивизия пересекла старую польско-германскую границу.

Погода резко изменилась. Сырой западный ветер потащил по верхушкам холмов походные на овчину клочья туч. По утрам над землей нависал густой туман, временами пускался моросить нудный холодный дождь. Задубели на ветру, стали железными от влаги плащ-накидки. Глухо чавкал под ногами перемешанный с грязью снег. Вперед, вперед!

Войска шли на запад...

Дивизионные разведчики двигались в общей колонне вместе с оперативной группой дивизионного штаба, радиостанциями и подразделениями батальона связи. Разведроты была разделена на мелкие группы: передовая, с командиром капитаном Грининым, находилась при комдиве и двигалась где-то в голове, другие группы на марше охраняли рации, носились взад-вперед вдоль идущих войсковых колонн, передавая частям распоряжения и выполняя разные поручения штабных работников.

Утром колонны вышли на прямую, как стрела, бетонированную дорогу. По ней уже прошло на запад множество наших танков. Еще совсем свежие следы гусениц выделялись на грязной снежной наледи — ночью подморозило. Гул моторов уплыл за горизонт и как бы унес с собой шумы недавних боев.

Сержант Панкин, командир отделения из дивизионной разведроты, ехал в крытом грузовике, переоборудованном под передвижную радиостанцию, — приказано было ее охранять. Он сидел в раскрытых дверях, свесив ноги, с автоматом на коленях и смотрел на уползающую назад ленту дороги, на затянутое серыми тучами чужое

небо, на тянувшиеся по обочинам нескончаемые цепочки пехотинцев. Навалились воспоминания, одно другого тяжелей.

...После госпиталя в сорок третьем он приехал на побывку в родные места, только что освобожденные от оккупации. Деревни, где оставалась его семья, словно и не было. Пепелища да обугленные печные трубы. Много труб... Сожгли гитлеровцы деревню, а жителей расстреляли. Ни жены теперь не было у Панкина, ни сына Васятки.

Затем Панкин вспомнил Колю Русанова, своего боевого дружка, может, единственного настоящего друга за всю войну. Надежный, душевный он был, Колька Русанов. Был... Похоронили его в рощице на самой окраине Яблонной, под Варшавой. Сколько раз лазили они с Колей в немецкий тыл, сколько вместе горя хлебнули — не счесть. Три ордена было у Коли и четыре медали и ни одного ранения. А вот поди ж ты, перед самым концом войны напоролся на мину.

Как-то под Ковелем, в слякоть и распутицу, они двое суток пролежали в копне соломы, поджидая подходящего «языка». Хлеб и консервы были съедены. Грязищи вокруг — хоть залейся, а воды не было. Николай предложил перерезать немецкий телефонный кабель, проходивший неподалеку от копны. Так и сделали. Немцы появились через час — целое отделение, десять фрицев. Быстро отыскали и исправили обрыв, погалдели что-то по-своему и направились дальше вдоль линии. А двое отстали от остальных — присели под копной по нужде.

О такой удаче разведчики и не мечтали! Выждав, пока основная группа гитлеровцев уйдет подальше, они набросились на немцев. Запихнули в рот кляпы, ремнями стянули руки за спиной. Обоих фрицев благополучно привели в штаб дивизии. Панкина и Колю Русанова тогда представили к награде. Свои ордена они получили уже в Польше, когда дивизия ненадолго остановилась под Бялой Подляской.

Или еще...

— Сто-о-ой!..

Грузовик дернулся и резко затормозил, и Панкин едва не вывалился в раскрытую дверь. Закинув автомат за спину, он пошел к стоявшему неподалеку открытому «виллису». Шофера машины, длинного как жердь ефрейтора, Панкин немного знал и решил спросить у него, в чем дело, почему задержка. Они, шоферы легковушек, всегда при начальстве и всегда все знают.

Шофер крутнул в сторону начальства головой, выпустил дым, доверительно сказал:

— Назад заворачивают. К Шнайдемюлю, значит. Группировка там окруженная осталась, несколько тысяч фрицев, в основном — эсэсовцы. Доколачивать будем, значит.

Панкин понимающе кивнул и пошел к своему грузовику.

Капитан Гринин вернул трубку телефонисту, набросил на плечи шинель и вышел из комнаты. Роте было приказано оставаться на месте, быть в готовности и ждать распоряжений. Серые промерзшие стены гулко отдавали его шаги. Пройдя в конец коридора, он быстро поднялся по широкой, заваленной щебнем и битым кирпичом лестнице и с силой толкнул высокую массивную дверь.

Разведрота, вернее то, что теперь от нее оставалось — двадцать шесть разведчиков, — расположилась здесь, в просторной комнате на втором этаже помещичьего дома. В камине сухо потрескивали поленья. Неяркий дрожащий свет выхватывал из темноты серые шинели, ватники, белые маскхалаты, ремни и черные кожаные автоматов. В окна, кое-как заложённые фанерой, стучался холодный февральский ветер. В комнате стояли крутые запахи курева, портянок и сырой одежды.

Расположившиеся возле камина кто на чем разведчики при появлении Гринина стали было подниматься с мест, но капитан отмахнулся:

— Сидите, орлы. Грейтесь.

Гринину уступили место у огня, кто-то заботливо придвинул мягкое кресло, и он сел, с удовольствием протянув к поленьям ноги в начищенных хромовых сапогах. Оглядел бронзовые от пламени, усталые, хмурые лица разведчиков, сказал высокому плечистому старшине в меховой безрукавке:

— Звонцов, сверни-ка мне сигарку, — и добавил, растирая кисти рук и глядя в метавшиеся языки пламени: — Не в службу, а в дружбу. Руки совсем задубели.

Старшина скрутил сигарку, прикурил ее от голловешки и бережно передал капитану.

— Ну вот, друзья, — капитан выдохнул едучий дым, откашлялся. — Мы с вами и до Германии дотопали.

Разведчики оживились, задвигались:

— Добрались до логова...

— Как теперь им, фашистам...

— Теперь получают свое, сволочи! — раздался из угла сильный хрипловатый голос. — Сполна! Гринин повернулся на голос, нахмурился:

— Бузить начнешь, Панкин? Пленных не брать, да?

Плотный, коренастый Панкин вскочил с полу, выкрикнул злобно, задыхаясь:

— А что я, целоваться сюда с ними пришел, товарищ капитан? Они семьёю мою угробили, хату спалили... И за сына, два годика ему было... И за Колю Русанова...

Панкин заскрипел зубами, голос его понизился до шепота и пропал, будто ему не хватило воздуха.

Гринин тяжело вздохнул, швырнул окурки в огонь.

— Знаю, Семен. Все знаю. А только расправу

чинить не позволю. Это приказ, понял? За нарушение пойдешь в трибунал.

— А имею я право мстить или нет? — снова распаяясь, выкрикнул Панкин. — Я же буду распоследний подлец, если не отомщу за свою семью. Фашист, гадина, измывался над ними, как хотел! Пусть теперь от меня получит то же! Разве не справедливо это?

Гринин тяжело поднялся с кресла, сунул руки в карманы, еще больше нахмурился:

— Я сказал, Семен. Все. Запомни.

Потом капитан спросил у Звонцова, кто с полуночи сменяет наружных часовых. Тот ответил, что сменят их Пантюхов и Ромейко. Гринин утвердительно кивнул, надел шинель в рукава и направился к выходу. Подойдя к двери и уже взявшись за ручку, он еще постоял с минуту, раздумывая. Потом оглянулся, хмуро посмотрел на Панкина и быстро вышел, громко хлопнув дверью.

В наступившей тишине стало слышно, как шипят догорающие дрова да хлопает от ветра фанера в окнах.

Панкин как был, в шинели и сапогах, свернулся калачиком на стоявшей в углу кушетке и затих.

Кушетка была куца, неудобная. «Тоже мне помещики!... — со злостью подумал Панкин и с трудом перевернулся на другой бок. — «Пленных не тронь»... Капитану хорошо говорить. Сам он из Омска, и семья его там. Все целые, здоровые. А посмотрел бы он...»

Панкин вспомнил, как немецкие самолеты зимой разбомбили медсанбат под Корсунем, на Украине. Все вокруг горело, рушилось. Девчонки в одних гимнастерках и белых халатах плача вытаскивали из горящих развалин изуродованных людей, закутывали их, окровавленных, в одеяла и оставляли на лютom морозе, спеша за другими. А немецкие летчики сделали еще один заход и с каким-то видимым удовольствием постреляли по девчонкам и по носилкам с ранеными из крупнокалиберных пулеметов, в которых каждая пуля — как снаряд, потому что предназначена для брони. Они стреляли с бреющего полета, так что хорошо видели, по кому стреляют. А на земле — огонь, крики. Кровь на носилках и на белых халатах.

Не хочется вспоминать об этом. Да мало ли о чем не хочется вспоминать, а вот вспоминается же...

Когда Панкин проснулся, в камине снова ярко пылали дрова. Белобрысый, большеголовый солдат Михеев остроганной палочкой помешивал в большой эмалированной кастрюле кашу.

— Сам сообразил? — спросил его Панкин.

— Да нет. Старшина Звонцов разбудили, сказали сварить.

Михеев в разведроте недавно, из ноябрьского

пополнения. Таких на фронте старички называют «салагой», как на флоте. Без злобы, снисходительно, с усмешкой.

— «Разбудили, сказали...» — буркнул Панкин. — Вроде, сразу три старшины тебя будили.

— Панкин, — донесся до него голос капитана, — поднимай ребят!

Семен туже затянул ремень, вышел на середину комнаты, громче, чем обычно, крикнул:

— Подъем!

Бояркин, который уже не спал, притворно-обидчиво сказал:

— И куда торопятся?

Это была старая шутка, но она всегда вызывала смех и означала, что настроение у старшего сержанта самое преотличное.

Когда разведчики покончили с завтраком, капитан Гринин позвал всех ближе к столу.

— Обстановка такая, товарищи. Наша дивизия вместе со сто восемьдесят пятой сменила здесь части шестьдесят первой армии, чтобы завершить разгром окруженной в Шнайдемюле группировки гитлеровцев. Собственных разведданных у нас, как вы знаете, пока нет. Предполагается, что в городе осталось не меньше двенадцати-тринадцати тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Сила, как видите, немалая. И сопротивляться фашисты будут отчаянно, до последнего, в этом нет сомнения. В их распоряжении пока еще остается аэродром для переброски сюда боеприпасов и продовольствия.

Гринин наклонился к сидевшему за столом майору, что-то спросил. Тот снял очки, близоруко оглядел сгрудившихся у стола разведчиков, утвердительно кивнул. Гринин продолжал:

— Разведроту ставится задача: уточнить имеющиеся сведения о противнике и выявить немецкие войсковые части, укрепившиеся в Шнайдемюле. Выявить их номера, численность, вооружение, боеспособность, — он помолчал, потом развел руками: — Как вы сами понимаете, требуются «языки». И не простые рядовые перепуганные фрицы, которые сами ни черта не знают и нам не скажут, а «языки» подлиннее — офицеры. Чем выше чин, тем лучше. — Гринин снова наклонился к майору, тихо переговорил с ним. Потом продолжал: — На подготовку поиска нам отпущено двое суток. Разведку будем вести двумя группами. Старшими групп назначаю старшину Звонцова и старшего сержанта Бояркина...

Бояркин и Панкин для наблюдательного пункта избрали чердак дома. Это был даже не чердак, а мансарда. Оштукатуренные стены, окна на две стороны. Отсюда, как на ладони, видны были немецкие окопы, отрытые прямо посреди улицы, уходящей куда-то к центру, в ту сторону, где на фоне серого неба над громадой домов торчал острый шпиль городской кирхи.

Брустверы окопов были плотно выложены из разобранных булыжников мостовой.

Выставив над подоконником перископ, Бояркин метр за метром осматривал немецкие окопы, подвальные окна ближайших домов, уходившую вдаль широкую улицу. Нигде ни малейшего движения. Только из окна дома на правой стороне, сразу за окопами, кверху медленно уползал дымок. Немцы что-то срочно сжигали.

Позади окопов Бояркин рассмотрел несколько дотов — «панцерверке», — расположенных по всей ширине улицы в шахматном порядке. Дальше был виден перекресток, посреди которого тоже горбился дот. Перед немецкими позициями раскинулась полуприсыпанная потемневшим снегом спираль Бруно из колочки. И, конечно, повсюду мины. Эти фрицы — великие мастера начинать ими землю! Нелегко будет пехоте прорывать такую оборону.

Бояркин опустил перископ — устали руки.

— Долго же спят немцы. И наши их не будут...

Панкин сидел на полу, широко раскинув ноги, и перебирал пальцами тонкие ремешки полевого бинокля.

— Может, они и не спят. Попрытались по квартирам от собачьей погоды.

— Да ну! — дернул головой Бояркин. — Разве это стужа?

— По их понятиям — дикая холодина.

Слева донесся какой-то гул. Панкин, пригнувшись, подошел к окну и осторожно приоткрыл створки. Острые струи дождя ударили в лицо. «Тоже мне Европа, — подумал он. — То дождь и грязь, то крупа сверху...» Гул неожиданно прервался и тут же снова пополз над землей. Но теперь уже правее, ближе к кирхе. Танки! Что немцы задумали? Может, будут прорываться?

— Витек, смотри, танки! Один, два, три...

Далеко за сеткой дождя с тяжелым гулом танки один за другим миновали перекресток.

— Сколько? — спросил Бояркин.

— Шестнадцать.

— Докладывай капитану.

Панкин выбрался на лестничную площадку, где у них установлен полевой телефон. С другого конца провода донесся спокойный голос Гринина.

— Все понял, Сеня, понял! Сейчас сообщим нашим «богам войны», пусть накроют. А вы продолжайте наблюдать. Завтра будем действовать.

Понаблюдав за немецкими позициями до второй половины дня, и Панкин, и Бояркин пришли к выводу, что вести поиск на этом участке нет никакого смысла. Даже если поисковой группе удастся проникнуть за линию немецких укреплений, вернуться назад она уже не сможет.

Они позвонили Гринину, попросили разрешения сменить наблюдательный пункт и переместиться вдоль передовой правее, к видневшемуся отсюда небольшому парку, за оголенными де-

ревьями которого белели какие-то скульптуры. До парка было метров четыреста, и из стоявших неподалеку домов он должен хорошо просматриваться. Гринин, выслушав разведчиков, долго молчал, потом согласился с их доводами.

— Только связь сразу давайте, орлы!

Немецкий блиндаж посреди парка у заполненной водой чаши фонтана они обнаружили перед вечером. Из густого кустарника в дальнем конце парка дважды появлялся немецкий солдат в черной каске и пятнистом маскхалате. Оба раза он тащил охапки дров. Крадучись приближался к фонтану, затем неожиданно исчезал, словно проваливался сквозь землю. Раз сюда доставлялись дрова, значит, в блиндаже печь-временка. Но дыма от горевшей печки нигде не было видно, сколько разведчики ни наблюдали. Поэтому они решили, что дым отводится дымоходом куда-то за темную стену кустарника.

— Ну и черти, — криво усмехнулся Бояркин. — Для блиндажа здесь лучшего места и не придумать. — Он опустил бинокль, передал его товарищу. — Точка. Можно идти домой.

Рассвет еще не наступил, когда они снова пришли на свой наблюдательный пункт.

Ждать долго не пришлось. Едва стало развиднаться, как они снова увидели немца в желто-зеленом маскхалате.

Панкин обрадовался немцу, как старому знакомому:

— Умница ты моя! Без опоздания принес герру офицеру дровец и утренний кофе.

Немецкий блиндаж уже не интересовал разведчиков. С ним все было ясно. Теперь все внимание было сосредоточено на путях подхода к фонтану.

Со стороны передовой парк был огражден высокой металлической оградой из длинных, поперечно связанных между собой заостренных прутьев. («Ломиком гнуть нельзя, будет шум. Лучше сделать подкоп...») Сразу за оградой, параллельно ей, шла неширокая аллея, обсаженная ровно остриженными декоративными кустами. («Будет где укрыться, когда пройдем ограду...») Дальше тянулась открытая поляна. («Придется ползти...») Правее фонтана снова начинались кусты. («По ним обойдем фонтан, и мы — у входа в блиндаж. А там...»)

Словно после только что выполненной тяжелой работы они отошли от окна и присели на полу у холодной, оклеенной цветастыми обоями стены. Закурили и тихонько сидели рядом, понимающе переглядываясь, довольные друг другом. Теперь оба думали о предстоявшем поиске — второй половине своего задания, которая — они знали это — будет трудной и опасной.

С вечера подморозило, и с неба густо посыпала мелкая снежная крупа. Все вокруг побелело. Пришлось разведчикам надеть белые маскхалаты. Было уже около одиннадцати.

—Тронули! — тихо сказал Бояркин.

Обогнув угол дома, разведчики шли согнувшись, мягким, пружинящим шагом, готовые в любое мгновение прильнуть к земле. Над ними нависло низкое, сумрачное небо. Без единой звезды, но светлое, будто отражение забеленной снежной крупой земли.

Не останавливаясь, Панкин бросает через плечо короткий взгляд. Следом за ним идет Пантюхин. Потом Михеев, Савченко, Ромейко. За ними — белая пустота. Панкин знает, что там, позади, еще три разведчика из группы прикрытия. Их делают незаметными маскхалаты. Бояркин идет впереди.

Панкин вглядывается в мглу: где-то неподалеку наши окопы. Снежная крупа едва слышно шуршит под ногами.

В окопе нашего боевого охранения их встречают два сапера. Один из них сразу же поднимается и идет с разведчиками дальше.

Теперь они идут медленней. Идущий впереди группы сапер часто останавливается, наклоняется к земле, словно охотник, читающий следы.

В туманной мгле вспыхивает ракета. Свет неяркий, молочный. Но разведчики сразу же бросаются на землю. Потом они снова идут, молчаливые, похожие друг на друга, подобно теням. В свете следующей ракеты Панкин успевает рассмотреть металлическую ограду. Еще несколько шагов. Дальше уже ползут по-пластунски.

Между редкими выстрелами ночной перестрелки слышатся глухие удары и тяжелое, частое дыхание. Это сапер и Пантюхин, вдвоем, роют подкоп под парковую ограду. Остальные недвижимо распластались на заснеженной земле, напряженно вслушиваются в окружающую мглу.

Лежащий рядом с Панкиным Бояркин принимает к самому его уху. Панкин чувствует горячее дыхание товарища: «Проход есть. Сапера оставляем здесь. Пусть на всякий случай расширит проход...»

Теперь надо затаиться, еще раз осмотреться. Пулеметы потрескивают то справа, то слева. В полосе поиска стрельбы почти никакой. Может, это случайно? А если немцы что-то пронюхали и приготовили ловушку? Панкин вспомнил многие часы, проведенные на наблюдательном пункте. Нет, вроде особой стрельбы здесь и не было. Пока все нормально.

Длинная огненная трасса проносится над их головами раньше, чем они улавливают клекот пулемета. Стреляют из дома за парком. Разведчики затаились, затихли. «Неужели обнаружили?..» Но после второй очереди, пущенной немцем куда-то в сторону, разведчики успокоились и быстро поползли к ограде.

Бояркин тихо толкает Панкина. Протиснувшись через подкоп, тот сворачивает вправо и долго ползет вдоль ограды. Надо отсчитать около двадцати метров.

Теперь их шестеро. Трое из группы прикрытия с сапером остались у прохода.

Панкин ползет. Кажется, двадцать метров уже позади. Он оглядывает стоящий отдельно куст. Здесь останется Ромейко с пулеметом. Он будет держать под прицелом окна дома, из которого временами постреливает немец.

А теперь под прямым углом — к фонтану. Ползут почти рядом, локоть к локтю. Молча. Все оговорено заранее. Главное, взять «языка» без шума. Иначе отсюда не выбраться...

Кажется, они лежат уже целый час. Панкин подтягивает правую руку, губами отворачивает край рукавицы. Циферблат белеет пятном — ни цифр, ни стрелок. Надо еще ближе, и на минуту закрыть глаза — снег ослепляет. Теперь стрелки видны отчетливо. Прошло всего-навсего тридцать две минуты!

Так всегда. В расположении немцев, вдали от своих, время как бы замедляется. Каждая минута растягивается в целую вечность. И ты сам как бы заморожен и затерян в зыбком враждебном воздухе. Но это до тех пор, пока не увидишь врага.

Когда они стали обходить фонтан и уже вошли в редкие кусты, то наткнулись на немецкий сторожевой пост. Фашист сам себя обнаружил. Видимо, замерз и, чтобы согреться, подпрыгивал и даже тихонько насвистывал.

Бояркин тронул Панкина за плечо. Тот быстро пополз к окопчику. Фашист даже не вскрикнул. Панкин махнул рукой: все в порядке.

Бояркин с Михеевым спустились в окопчик. Здесь было довольно просторно. Стоящий на бруствере пулемет, заряженный длинной лентой, смотрел в сторону наших позиций.

Бояркин снял с убитого немца каску и напялил Михееву на голову. Тот все понял, сам стащил с немца накидку и набросил себе на плечи.

К блиндажу подошли без шума и приключений. Спустились по деревянным ступеням, постояли, прислушались. Тишина. Панкин осторожно потянул дверь на себя, и она сразу подалась, едва слышно скрипнув петлями. Держа наготове автоматы, Панкин, а за ним Бояркин и Савченко нырнули в темноту. Панкин остался у входа.

В нос шибануло спертым духом чужого жилья. Пахло прелыми бревнами, дешевым немецким одеколоном и водочным перегаром. Низко над головой нависал бревенчатый потолок, местами обтянутый белыми простынями. В углу, возле круглой железной печки, висел большой керосиновый фонарь. Огонь был повернут, в остальных углах блиндажа притаились густые тени.

Посреди блиндажа стоял добротный двухтумбовый письменный стол с остатками закуски: пустая бутылка с яркой этикеткой, раскрытые банки консервов, куски хлеба. Здесь же стоял полевой телефонный аппарат в деревянном футляре. У стены — широкая кровать, на которой кто-то спал, с головой накрывшись периной.

Панкин взглянул на Бояркина, и тот кивнул ему. Семен, ступая на носках, осторожно подошел к кровати и, оглянувшись на товарищей, выждал немного. Потом сильным рывком сбросил перину на пол и набросился на спящего немца. На помощь ему кинулся Савченко, и они вдвоем быстро скрутили немцу за спиной руки. Панкин оторвал от простыни большой лоскут и засунул кляп немцу в рот.

Все произошло в считанные секунды. Здоровый багровилицый немец с тронутыми сединой висками не оказал разведчикам никакого сопротивления, только тарасил на них светлые, широко раскрытые от страха глаза. Бояркин подскочил к висевшей на спинке стула одежде и из карманов мундира и брюк вынул бумажник с документами, фотографии, какие-то бумаги. Все это он быстро распахал по своим карманам. Панкин пошарил под подушкой и вытащил оттуда офицерский планшет и никелированный «вальтер».

Когда все было кончено, Бояркин махнул рукой, и они направились к выходу. Панкин решил на минуту задержаться в блиндаже и стал прилаживать к порогу гранату, шнур от взрывателя которой он хотел подвязать к ручке входной двери. Дернуть ручку — и к богу в рай! Такие сюрпризы у разведчиков и саперов назывались «Здравия желаем!»

...И тут он ясно услышал детский плач, который хлестнул его по ушам, кольнул в самое сердце, заставил замереть на месте.

Он окинул быстрым взглядом внутренность блиндажа и только тут заметил в стене за печкой узкую дверь. Взяв наизготовку автомат, готовый ко всему, Панкин подошел к двери и шагнул через порог.

В узком углублении блиндажа на застеленной одеялом железной койке, тесно прижавшись друг к другу, сидели в ряд три мальчика и девочка, по ранжиру, свесив ноги и положив руки на колени. Самому старшему было лет шесть, младшему — года три.

Увидев белую фигуру разведчика с автоматом, дети разом вскочили с кровати и подняли вверх ручки. Грязные ладошки заметно дрожали. Четыре пары глаз испуганно и покорно смотрели на Панкина. Самый маленький, белобрысый мальчишка, стоявший ближе всех к Панкину, вдруг напомнил ему Васятку. Такой же соломенный непослушный вихор, голубенькие как незабудки глазенки, тонкая шейка!.. Откуда

они тут? Чьи? Э, да некогда сейчас разбираться... Но и оставлять их тут нельзя! Не раздумывая, Панкин стал торопливо одевать детей, успокаивал их, как мог, знакомыми ему немецкими словами: «фатер», «муттер». И дети тихо, безропотно ему подчинялись.

Подведя всех четверых к выходу из блиндажа, Панкин обернулся. Нахмурившись, многозначительно приложил палец к губам. Потом повесил автомат на грудь, поднял на руку самого маленького мальчугана. Другую руку протянул девочке. Кивнув старшим мальчишкам, чтобы они тихо следовали за ним, вышел из блиндажа. Уходить отсюда с «детским садом» было труднее. Ребятишки пугались темноты, не дай бог начнут плакать!

Когда уже миновали окоп, в котором сняли пулеметчика, Панкин услышал из кустов сердитый шепот Бояркина:

— Семен! Черт... Ну чего там копаешься?..

— Здесь я! — так же тихо ответил ему Панкин и ускорил шаг. Девочка и мальчишки едва поспевали за разведчиком.

Вынырнувший из кустов Бояркин при виде детей от неожиданности застыл на месте.

— Ну чего смотришь, детишек не видел? — так же сердито зашептал ему Панкин. — Бери девочку на руки!

Бояркин послушно подхватил на руки девочку, и они, пригнувшись, побежали к парковой ограде.

У расширенного за это время подкопа под оградой их встретили Ромейко и сапер.

Немцы всполошились только тогда, когда разведчики уже приближались к своему расположению. Длинными очередями залились пулеметы, яростно застрекотали автоматы. В свете ракет — они вспыхивали по всей линии передовой — сверкал снег и его отблески были такими же острыми, как прошивающие зыбкий воздух пунктирные пулевые трассы.

...Вдалеке, в самом городе, кипел бой. Февральский воздух был серый, словно окрапленный жидкой грязью. Он вздрагивал и метался от огня и выстрелов сотен орудий и тяжких артиллерийских разрывов. Бешено заливались автоматы. Пулеметы клочкотали глухо, словно долбили землю.

Окруженный советскими войсками гитлеровский гарнизон в Шнайдемюле доживал последние часы...

Каждый камень

**Валентин
ЛИТВИНОВ**

*Рисунки
В. Меринова*

По горизонту — трубы, трубы...
Их голоса хриплы и грубы,
В их голосах — сплошной аврал.
Идет голодный сорок третий.
Война. Война по всей планете.
Святая кузница — Урал.

Живем надеждою и верой.
Повсюду — горе полной мерой,
Над каждым домом виснет зло,
Над каждым — небо грозное...
А в сквере — немцы под конвоем.
Гляди, куда их занесло!

А мимо них идут, суровы,
Уже — и будущие вдовы,
Старушки — в черном, как асфальт,
Идут детишки-иждивенцы...
А где-то Моабит, Освенцим
И Бабий Яр, и Бухенвальд.

Равняют пленные газоны
Согласно западным фасонам...
Как будто век несли добро, —
Так аккуратно и безгрешно,
Солидно, истово, неспешно
Кирпичик ставят на ребро.

Но что им видится и снится?
Все эти трубы, эти лица?
А может — зимние бои?
А может — русская баланда?
А может — кирхи фатерланда?
И те, что всё еще «свои»?..

Чужая речь, чужая форма...
Тихи, обмануты, покорны,
Но правду — все ли знать хотят?..
Голодный, злой, полураздетый,
Урал кует, кует Победу,
А немцы — клумбы городят!

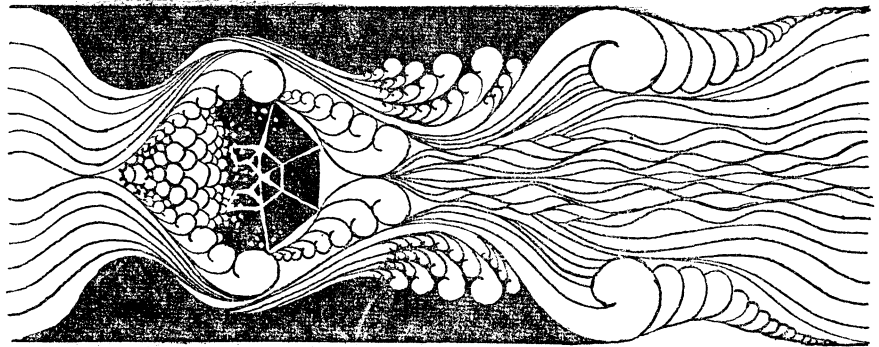

Парни из разведки

Мы день за днем, навстречу лету,
Как косари на сенокос,
Уходим в льдистости рассветов
И самоцветы терпких рос.
Уходим в зной, в тумана вату,
Но не патроны в рюкзаках,
И молотки — не автоматы —
Несем в обветренных руках.

И ноют ноги, ломит плечи,
И утираем сто потов,
На специфическом наречьи
Кляня мошку и паутов,
Себя не балуем привалом
И скоротечным шалашом...
И тем горды, что сыты малым
И ненасытные в большом.

Как братья солнцу, мы воспеты,
Нас в ранг бродяжий возвели,
А мы всего лишь терапевты,
Мы диагностики Земли.

● Герои гор

● Путь
земляков

● Гирлянда
с Урала

● Проход —
всюду

● Во саду ли,
в огороде...

В Приэльбрусье, в ущельях, где гремели бои с фашистами, стоят ныне в глубокой тишине памятники советским воинам. Их установили школьники из Нальчика.

Ребята отыскали на перевале Донгуз-Орун останки двух неизвестных бойцов. А затем было торжественное захоронение — около гостиницы «Иткол» в горно-туристском лагере «Юность».

Кроме Донгуз-Оруна, следопыты совершили походы на перевалы Бечо и Азау, а следующий их поход — на Марухский перевал, там шли особенно ожесточенные бои с немецкими захватчиками.

Следопыты ГПТУ № 85 Свердловска совершили поход по местам боев 3-й гвардейской ордена Суворова дивизии, сформированной на Урале. Более двух с половиной тысяч километров прошли с боями воины-уральцы и за героизм в сражениях у Днепра и Дона, за оборону Ленинграда и Волгограда пятнадцати гвардейцам присвоено звание Героя.

В течение года ребята готовились к походу. Право участвовать в патриотической экспедиции завоевали двенадцать комсомольцев. В районе Синявских высот, названных так в

честь свердловчанина, командира пулеметной роты Героя Советского Союза Ф. Ф. Синявина, следопыты разрыли блиндажи и окопы. С волнением они извлекли находки; винтовки, каски, обоймы, котелки. Все это — будущие экспонаты музея боевой славы 3-й гвардейской дивизии, который откроется в училище накануне 30-летия Победы.

Следопыты Дома пионеров и школьников г. Далматово Курганской области создают летопись героического Николаевского десанта, участником которого был их земляк Герой Советского Союза М. В. Коновалов. В прошлом году ребята были на праздновании 30-летия освобождения Николаева от фашистских захватчиков. Они прошли на катере по реке Южный Буг, где сражался десант, а на торжественном открытии мемориала возложили к памятнику морякам гирлянду славы, сплетенную из веток уральской сосны.

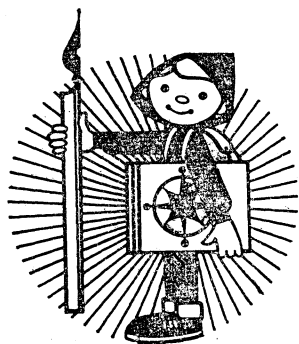

Ребята школы № 42 Барнаула ведут поиск старых чекистов. Следопыты завязали переписку с уроженцем Алтая, старейшим работником чека Куприяном Григорьевичем Масловым. Он охранял кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле, Государственную Оружейную палату. Маслов — обладатель пожизненного пропуска «Проход всюду». Ребята были в гостях у чекиста, слушали его рассказ о революции.

Облепиху, ее колючие кусты с серебристой листвой и оранжевыми ягодами можно увидеть в саду школы № 1 г. Артемовска Свердловской области. Ребячий сад — для лечебных плодово-ягодных культур. Потому здесь растут и черноплодная рябина, и смородина «лира», и другие «оздоровительные» растения. Школьники заложили такой сад по рекомендации ученых Уральского лесотехнического института.

Новые сеянцы картофеля, «артемовский ранний» и «юнкаш», — другая ценная работа артемовских школьников, выполненная по заданию селекционеров.

следопытская

ХРОНИКА

РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Бегемот хотел переплыть Конго. К нему подполз скорпион:

— Перевезешь меня на ту сторону?

— Нет, ты меня укусишь...

— Чепуха! — возразил скорпион. — Я ведь тогда и сам утону.

Бегемот согласился.

До середины реки все шло благополучно, но на стремнине скорпион не удержался. Ужаснувшись, огромное животное воскликнуло:

— Ты все-таки укусил меня!!

— Так уж водится у нас в Конго, — ответил скорпион.

КОНГОЛЕЗСКАЯ ПРИТЧА.

Глава первая

Белые великаны

Таких, как я, можно встретить в любом недорогом баре Солсбери, Стокгольма, Парижа, Брюсселя, Лондона... Среди нас есть французы, бельгийцы, немцы, славяне. У нас есть прошлое и большой опыт обращения с холодным и огнестрельным оружием. Говорят, у нас нет будущего. Это не так! Пока в газетах появляются сообщения о военных переворотах, пока существуют спокойные и неспокойные колонии, мы нужны тем, в чьих интересах совершаются эти перевороты и чьими руками захватываются колонии. Специальные комитеты или новоиспеченные правительства снабжают нас оружием, и мы летим во Вьетнам, в Мозамбик, в Анголу... Это наша работа. Мы — иностранный легион, люди без прошлого (для нас) и без будущего (для обывателей).

В Конго я попал с легионом.

Американский «Боинг-707» принадлежал бельгийской авиакомпании «Сабена» и пилотировался английскими летчиками... Эта путаница меня не трогала. Мне наплевать, чья машина и чьи летчики, — я летел работать, а не решать ребусы. Тем более, на моей работе никто не стремится знать больше того, что ему положено.

Катанга... Бросовые жаркие земли с термитниками, возвышающимися, как дзоты, над мертвой сухой травой. Непривычно высокие, с толстыми деревьями на верхушках, то оранжевые, то мертвенно-серые, то красные, то фиолетовые, термитники громоздятся друг на друга и, как надолбы, тянутся через всю провинцию от озера Танганьика до самой Родезии. Племен в Катанге не перечить. Я пытался первое время узнать о них что-нибудь, но в голове, как строки непонятных заклинаний, остались одни названия — лунда, чокве, лвена, санга, табва, бвиле, тембо, зела, нвенши, лемба... Были еще какие-то, но я их не запомнил. Да и эти остались в голове лишь потому, что с одними, поддерживающими партизан-симбу, мы боролись, с другими, верными премьер-министру, поддерживали контакт. На премьера мы, собственно, и работали. Он платил нам.

Выслеживать партизан-симбу было не так уж опасно — оружием они владели निकудышным, сохранившимся чуть ли не со времен Ливингстона и Стэнли, а кроме того, были очень разобщены. Были симбу Пьера Мулеле, симбу Кристофа Гбенье, симбу Николаса Оленга, симбу Гастона Сумиала и просто разные симбу... Их разобщенность была нам на руку и помогала брать большие призы: премьер платил поштучно за каждого мертвого симбу, независимо от того, принадлежал он к отряду Гастона Сумиала или

к отряду Кристофа Гбенье... Были, конечно, у этого дела и темные стороны. Например, отравленные стрелы... Пуля вас может крепко зацепить и все-таки почти всегда оставляет шанс выжить, а вот отравленные стрелы действуют наверняка. От этого к симбу у нас не было никаких симпатий, хотя в принципе я, например, не из тех, кто вообще относится к черным плохо. Но... порученную работу всегда следует выполнять тщательно. Этому правилу я следую с уроковых, когда в Независимом государстве Хорватия работал с немцами в одном из отделений СС. Немцы были в высшей степени аккуратны, и опыт, перенятый у них, сгодился мне здесь, в Катанге, где я обучал таких новичков, как Шлесс, убирать на всякий случай любого черного: ведь на лице его не написано — враг он тебе или просто вышел в неудачное время посмотреть, где там его зубная щетка... Наш шеф, майор Мюллер, относился к таким вещам доброжелательно, и ему можно было верить — с 1939 года, кажется, не было ни одной войны, в которой бы он не участвовал. И это именно он учил нас прежде всего отстреливать в занятых деревьях кузнецов и знахарей, поскольку первые ковали для симбу наконечники к отравленным стрелам, а вторые — варили яды... Сами видите, работа не из простых, и мы были от души рады услышать однажды от майора Мюллера, что всю нашу команду посылают на патрулирование в один из очищенных от симбу районов, то есть почти на отдых...

Капрал у нас был неразговорчив (болтуны за нашу работу, как правило, не берутся), но никто кроме него не мог при нужде так легко объясниться с местными жителями на суахили и лингала.

— Усташ, — говорил, например, капрал. — Скажи команды: «стой», «пошел», «вперед», «сидеть», «не глядеть по сторонам».

— Телема. Кенда. Токси. Ванда. Котала на пенбени те.

— А как ты поймешь просьбу друга: «Бета не локоло на либуму»?

— Бей его по животу! — вмешался француз Буассар.

— А если черный спросит тебя: «Мо на нини бозали кобета?», то есть — за что бьете?

Буассар опять вмешался:

— Я скажу ему: «Экоки та набакиса лису-су?», то есть — хочешь еще? — И Буассар весело заржал. Он любил посмеяться.

Пылица на дорогах Катанги невероятная, но как только «джип» ввалился в заросли, пыль исчезла, и нас оглушила влажная горячая духота, сквозь которую не могли пробиться даже звуки. Конечно, где-то сверху верещали обезьяны и орли птицы носороги, но их вопли сливались с шелестом, с гулом мотора и не воспринимались как крики живых существ. Так... Общий

шум, не больше. И полусваренные, мы дремали, пока «джип» ломился по слоновьей тропе, кем-то превращенной в плохую дорогу.

Я еще ни разу не забирался так глубоко в тропический лес, и мне было не по себе. Думаю, что все чувствовали то же, исключая капрала. У него была своя слабость — он не терпел темноты. Это я хорошо знал, потому что не раз посещал с ним кинотеатрики Браззавиля. Могу поклясться, что в темном зале капрала интересовало не происходящее на экране, а происходящее в углах. Я его ни о чем не спрашивал, но, видимо, у него были основания не доверять темноте и закрытым помещениям без запасного выхода...

Для лагеря выбрали очень удобное место. Толстенные деревья уютно прикрывали небольшую поляну, которую мы окопали и очистили от кустов и неровностей. Француз сразу завалился в траву, заметив, что время всегда следует использовать с толком. Дым сигареты приятно щекотал ноздри, и я тоже присел, вытащив свою пачку. Малиновый берет и темно-зеленую маскировочную рубашку я скинул... Француз, как я заметил, еще не был пьян, но несколько жестянок из-под пива были им уже опорожнены. Дотянувшись до неоткрытой, я пробил крышку ножом.

— Ба боле, а... Ба пи... Ба боле, а... — тянул Буассар.

В этой нехитрой песенке речь шла о том, как хорошо, когда нас двое и ночь темна... Типичная песенка француза, хотя слова были взяты из лексики черных. Впрочем, когда нас двое и когда темно, о словах можно не думать...

— Ба боле, а... — подмигнул я Буассару. Несмотря на его болтливость и еще кое-какие недостатки, я всегда старался держаться ближе к нему. При нашей работе важно иметь рядом человека более или менее надежного, ибо стопроцентно надежных людей в нашем деле нет.

Мы курили и смотрели, как негрить бабинга, давным-давно работавший в нашей команде, возился в котлах кухни, а голландец ван Деерт что-то ему внушал. Не знаю что, но примерно я мог догадываться. Голландец не жаловал черных и даже к премьеру, нашему работодателю, никаких симпатий не питал. Но это его дело. У каждого свои странности... Наверное, ван Деерт убеждал бабингу держать котлы в чистоте.

Стол поставили под невысоким, но невероятно пышным деревом, не пропускавшим ни единого луча сквозь плотную белесоватую листву. Мы собрались, наконец, вместе.

Буассар сел рядом со мной. Он ходил у нас под кличкой Долихоцефал, поскольку любил утверждать, что все богатые люди в большинстве своем относятся к длинноголовым. Голландцу, например, такие разговоры не нравились. Еще бы! Его низколобая голова была короче любой самой короткой, и, конечно, ему было больно

узнать, что по законам природы он должен всю жизнь оставаться нищим.

— Если бы я жрал, Буассар, как ты, голова у меня выросла бы подлиннее твоей! — только так голландец и мог защититься от умных речей француза.

Буассар ухмылялся. Он вовсе не настаивал на классификации, почерпнутой из случайной книжки, читать которые он мог только в минуты кафара, беспричинной тоски, одолевающей человека в жарком климате. Он и не пытался, собственно, утверждать свою теорию, не в пример ван Деерту, твердо убежденному в прирожденной лени и злости африканцев. Не хочу судить ни того, ни другого. Это был и х опыт. Такие, как Буассар и ван Деерт, проделали в свое время поход на Чад, были на Гваделупе, умирляли Алжир и Марокко и, на мой взгляд, завоевали право шутить по-своему... Француз, например, любил садиться у кухни и подолгу беседовать с негром о возможном побеге его, негра, к симбу:

— Тогда я продам твой череп, бабинга, американским пилотам с «бананов Сикорского», как они называют свои вертолеты. Они дают за череп негра кучу долларов.

Потом показывал «вальтер»:

— Эта штука и поможет мне добыть доллары, бабинга, если ты не окажешься скромным и сдержанным.

— Оставь его, Буассар, — вмешивался я, зная, что француз это приятно. Он любил, когда его шутки вызывали внимание. И он, правда, прятал пистолет и шел в палатку, улыбаясь так, что по сияющим на его лице багровым и синеватым шрамам можно было прочесть добрую часть его биографии.

Напротив меня восседали ван Деерт, капрал и немец Шлесс. Голландца я не любил, он даже для легионера был слишком жесток и жаден. На что такие способны, он доказал еще в Индокитае. А к нам его занесло после увиденного им как-то в шведской «Дагенс нюхетер» газетного объявления: «Каждого, кто интересуется сельскохозяйственными работами в Конго и умеет стрелять, просят позвонить по телефону 033-91-388...» Он позвонил. Он не мог не позвонить, потому что зарабатывал в те дни на случайных делах и тщательно обходил полицейских инспекторов...

Его сосед, немец Шлесс, обласканный в аккуратно подогнанную форму, был единственным новичком в нашем деле, но его рекомендовал капралу сам майор Мюллер, питавший страсть к своим соотечественникам, и хотя Шлесс еще ничем не проявил себя, капрал в него верил.

А вот пятый член нашей команды странный был парень. Иногда мне хотелось с ним поболтать, но объяснялся он только по-итальянски, хотя пари могу держать, итальянцем он не был. Я могу утверждать это, хотя и не заглядывал в его документы... Станный он был парень,

боялся дождей и грома, но мы его уважали. Если он брался за пулемет, то мы могли на глазах у противника открыто курить и выкидывать любые шутки. Иногда его умение владеть пулеметом прямо пугало. Казалось, пулемет — продолжение его, как у всех нас продолжением являются руки и ноги. Впрочем, на нашей работе люди иногда становятся спецами в самых неожиданных вещах. Жаль, что Ящик, так почему-то все звали этого унылого тихого парня, не мог объясняться на тех языках, которые я усвоил.

Перед капралом лежала газета. Он таскал ее с собой очень давно, чуть ли не с тех пор, как подобрал ее в каком-то баре. Но я не видел, чтобы он ее читал. Может, и читал, но в палатке, наедине, — мы его за этим занятием не замечали. Наверное, в газете было что-то такое, чего не увидишь и в самых странных журнальчиках, а может быть, там было что-нибудь о самом капрале, не знаю... Спрашивать у нас не заведено. А вот что капрал обожал монету, знал каждый. Думаю, география и история в его представлении сводились к чисто экономическим понятиям: район работ, оплата работ и так далее. И еще он боялся темноты, особенно в закрытых помещениях без запасного выхода. Но об этом я говорил...

После обеда француз пристроился к негрилю, и я несколько раз думал, что тот вырвет у него пистолет и понадобится мне за французом вступить. Но этого не произошло. А раз так, я не вмешивался. Француз знал, что делает. Хотя надбавка за риск предполагает нечто иное, он имел право заниматься и такими играми.

Прихватив пару жестянок пива, я лег на разостланный плащ. Из-за веточки глянула на меня круглыми тупыми глазами крошечная древесная лягушка, и я вдруг вспомнил слова одного чудака о том, что лягушки в спокойном состоянии будто бы ничего не видят. Мир для них — сплошная голубизна, потому что лягушкам и не надо знать ничего лишнего. Они, как легионеры, довольствуются самым необходимым. Ведь даже в плохую погоду, когда все вокруг становится серым, вода все же сохраняет голубоватый оттенок. Вот почему при появлении врага лягушка и прыгает прямо на голубое и оказывается в воде. Конечно, есть во всем этом крупное неудобство — лягушка может сдохнуть от голода среди только что убитых, но не шевелящихся насекомых... Но стоит в поле ее зрения шевельнуться любой небольшой по величине и округлой по очертаниям штучке, как она попытается ее проглотить. Действительно, ухмыльнулся я, как легионер. Деньги — вот для нас голубое. Деньги — вот на что мы инстинктивно прыгаем...

Хитро посмеиваясь, подошел француз.

— Усташ, ты знаешь, какого цвета зебра?

Я знал, что он скажет какую-нибудь гадость, и предложил:

— Обсуди это с бабингой, Буассар.

Но он был расположен поговорить со мной и вдруг сразу выпалил то, ради чего, видимо, и подкатился:

— Усташ, ты, правда, был в Каркахенте?

О таких вещах не спрашивают. Он об этом знал. Но мы в последнее время близко сошлись, и он, наверное, думал, что я уже в той стадии, когда лопочут обо всем не задумываясь.

— Не злись, — сказал он. — Я просто вспомнил одного итальянца. Длинный и усатый, он работал на какую-то газету. А может, и на Интерпол. Он все время попадал в разные истории и в конце концов влип. Никак не мог понять, что Браззавиль не Венеция, а легионеры не гондольеры. Он выяснял биографии таких, как мы, Усташ, и сумел даже взять интервью у майора Мюллера.

— Зачем? — удивился я.

— Чтобы рассказать в Европе, что мы не легион, а банда. Это он и сказал мне, что в его списке есть некий хорват по кличке Усташ, следы которого ведут из Хорватии в Аргентину, потом в Испанию, потом в Конго... Недурно? Я, конечно, притворился, что ни о чем таком не слышал, и он много напел мне, пока мы с ним осушали браззавильские бары. Он якобы следит за твоей судьбой с тех пор, как ты был с теми хорватами, которые тренировались в Каркахенте.

— Чего он еще хотел?

— Узнать, как ты докатился до легиона. Это его слова. Несколько лет назад ему удалось в Испании добраться до поселка Бенингингем, недалеко от Каркахенте, в котором, как он выяснил, есть военные лагеря усташей, готовящие спецов для террористических актов против Югославии. Я потому и спрашиваю, Усташ, что мне непонятно — если нет такого государства Хорватия, которое исчезло с третьим рейхом, то каким образом существуют в Испании военные лагеря хорватов?

— Эти ребята — иммигранты, — нехотя пояснил я. — Их немного, и они занимаются только спортом.

Он захохотал уже откровенно:

— Конечно, спортом! Я тоже им занимался, а однажды упал и разбил лицо. Только это было в другом спортивном лагере и там развлекались не хорваты, проворонившие свою страну, а свободные французы. Впрочем, француз, хорват... Какая разница? Разве что в том лишь, что я могу вернуться во Францию, а для тебя возвращение в Югославию — петля...

Я внимательно посмотрел на его расписанное шрамами лицо и терпеливо повторил:

— Буассар, поболтай с негром. Меня от таких разговоров тошнит.

Но в принципе француз был прав. Мне некуда возвращаться. Разве что в тот же Брюссель, чтобы на террасе кафе дожидаться новых ангажементов...

— Брось, — утешил меня француз. — Я не собираюсь копаться в твоей биографии. У каждого из нас за спиной следы. А об итальянце забудь. Он утонул в озере Альберта. Несчастный случай, а детали тебе может рассказать ван Деерт. Он за это премию получил, и майор Мюллер потрепал его по комбинезону... А если так говорить, Усташ, то итальянец мне много интересного рассказал. Жаль, что тебя тогда с нами не было, сам бы послушал, о себе и усташах...

— Если бы Гитлер не проиграл войну, — сказал я хмуро, — я бы не шлялся по Бельгийскому Конго. Проиграли все, кто поставил на Гитлера. Но я хочу всплыть, Буассар, вот почему я здесь, и не тебе это надо объяснять, правда? И забудь, что я усташ. Я усташ сейчас только по кличке. Я знаю, что мой последний шанс — Конго. Я хочу заработать и немного пожить человеком, Буассар!

Я, правда, так думал. В мои годы не тешат себя иллюзиями.

— Бабинга! — заорал я. — Пива!

Буассар молча вскрыл принесенные жестянки, и мы выпили. А потом стали говорить о работе, без патетики, как Шлесс, не упирая на то, что мы — малиновые береты, рейнджеры и — как там еще? — ах, да, белые великаны! И совсем было успокоились, как вдруг в невидимом, закрытом непроницаемыми и душными зарослями небе раздался рокот, перешедший в свист. Мы привстали, пытаюсь понять, чей самолет выпевает свою лебединую песню... Свист перешел в рев, близкий, давящий, страшный. Отдалился. А потом где-то грохнуло, и эхо догало, рывками, раскатами, пробивалось к нам сквозь одеяло леса.

— Это кто-то из верхних, — сказал Буассар, — я им не завидую.

Я его не слушал. Я увидел, что из палатки выглянул Ящик. Такой ужас был написан на его плоском измученном лице, что я повернулся, чтобы увидеть, что его напугало... Ничего. Я опять взглянул на легионера, но он уже пришел в себя и медленно шагал к палатке капрала. Неврастеник и трус, решил я. Это ничего, что он хорошо владеет пулеметом. Все равно трус. Но обдумывать было некогда...

Капрал вылез на свет божий, заспанный и злой, и крикнул:

— В машину!

Торопливость — это тоже один из недостатков нашей работы. Но тут никто не стал возражать. Через несколько минут все, кроме Ящика, оставшегося с бабингой в лагере, попрыгали в «джип».

Мы ехали и гадали — получим что-нибудь от вылазки или нет? Спасти пилота — за это полагалась премия.

Ну, а если там только трупы, всегда можно найти что-нибудь в их карманах...

Глава вторая

Оборотень

«Джип» с воем полз через выступающие из земли плоские корни. Капрал спросил:

— Зачем тебе малокалиберка, ван Деерт?

— Пригодится, — погладив бороду широкой мощной ладонью, ответил голландец. Когда он щурил глаза, щеки его, неестественно красные, яблочками выпирали над растительностью, почти скрывающей губы. Я не знал, сколько голландцу лет, но всегда относился к нему как к самому старшему.

Милях в шести от лагеря дорогу преградило зависшее на лианах и ветвях огромное дерево. Проехать под ним было невозможно, столько растительного дерьма низвергало оно при падении. И думаю, у всех мелькнула мысль — симбу...

Сквозь сплошной полог леса пробился странный отсвет и сразу погас, будто над нами шла бесшумная сухая гроза. Мы выжидающе сгрудились у машины.

— Я что-то вижу, — сказал немец.

Взяв автомат наперевес, он раздвинул кусты и скрылся в зарослях. Закурив, мы молча ожидали Шлесса. Было страшно представить, с какой силой врубились в землю те, сверху, и как яростно раскурил горизонт дюралевую сигару самолета... Впрочем, у тех, сверху, все кончается сразу, а вот легионер Андерсон, попавший в капкан, поставленный симбу, часов пять на что-то надеялся... Из зарослей донесся голос немца:

— Капрал, тут негр!

— Убей его, Шлесс!

— Подожди, — крикнул голландец и шумно полез в заросли. Мы слышали, как он сказал: — Я сделаю это сам... — и добавил что-то неразборчивое.

Через минуту мы услышали выстрел из малокалиберки, но ни немец, ни ван Деерт из кустов не явились. Капрал сел за руль и попросил меня:

— Поторопи их, Усташ.

Я осторожно раздвинул листву и замер.

Во-первых, я увидел негра. Это был маленький, очень худой и очень черный мальчишка. Он стоял на коленях, спрятав лицо в ладонях, но это не было выражением почтения к ван Деерту, который возвышался над ним, как чугунная башня... Во-вторых, я увидел странное существо, похожее на один из тех уродливых выростов, что иногда возникают на стволах поврежденных деревьев. Именно перед этой шероховатой бугристой почкой и стоял на коленях негр, а сама она производила странное впечатление, будто что-то в ней бесшумно бурлило и переливалось, хотя я на библии могу поклясться, что ничто в ней ни разу не дрогнуло. Она была мертва, как дерево.

— Что ты хочешь сделать, ван Деерт?

Он поднял малокалиберку и выстрелил в удивившее меня существо.

— Уверен, что я попал!

— Я не слышал.

Он перезарядил ружье и опять выстрелил. Но мы опять не заметили, чтобы эта тварь, в первом приближении — уродливая жаба без глаз и без рта, как-то на это отреагировала. И потом, когда с такого расстояния пуля попадает в плоть, всегда слышен некий чавкающий звук, — все охотники это знают. Удивленный, я приблизился и присел на корточки, стараясь хорошенько рассмотреть нашу находку. Это существо внушало не страх, скорее безгильность. Что-то в нем действительно происходило. Под полупрозрачной, шелковистой, но упругой на вид шкурой расплывались и смешивались серые пятна, и от этого казалось, что неведомая тварь прямо на глазах меняет форму.

— Оборотень, — сказал ван Деерт.

— Нам повезло...

— За такого зверя любой музей может отвалить нам кучу денег в настоящей валюте. Ты видел что-нибудь подобное?

— Я всякое видел, — неопределенно заметил голландец.

— Я заберу оборотня, а ты кончай дела и дуй к «джипу».

— О'кей! — сказал ван Деерт. И вдруг зарорал: — Где негр?

Пока мы были заняты оборотнем, негр смылся. Искать его не имело смысла, и, переглянувшись, мы пошли к машине. Вес оборотня явно не соответствовал размерам. Любой груз подобной формы, но нормального веса, в этом положении я бы не удержал. Но этот не дергался, свисал себе, как мешок, и я легко бросил его в багажник «джипа».

— Он мягкий, — ткнув оборотня пальцем, сказал Буассар. — И у него нет ни рта, ни ушей. Что это?

— Я три раза в упор расстрелял эту штуку, — недоуменно заметил голландец. — А оборотню хоть бы что. Он будто глотает пули. Усташ подтвердит.

Я кивнул.

— Пора, — сказал капрал и захлопнул крышку багажника. Мы полезли в «джип», и вдруг Буассар спросил:

— А где немец?

Мы переглянулись.

— Буассар, ван Деерт, Усташ! — приказал капрал. — Прочесать местность!

Вот теперь я не чувствовал беспокойства. Вялость, одолевавшая меня, ушла. Раздвигая листов автоматом, крикнул:

— Шлесс!

— Шлесс! — раздался в стороне крик Буассара, а потом зычный голос голландца:

— Шлесс!

Неожиданно я пробился на тесную полянку, окруженную тугими стволами, перевитыми, как маскировочной сетью, петлями зеленых лиан. Уже сделав шаг, я инстинктивно почувствовал опасность и бросился в траву. Пули, пущенные из автомата, стригли и осыпали на меня жесткие листья. По звуку я определил, что стреляющий не остановится, пока не выпустит всю обойму. Так и произошло, а потом в плечо мне ткнулся подползший голландец.

— Вот сволочь! — выругался он. — Все симбу из окрестных лесов сбегутся на шум.

— О чем ты? — спросил, выглянув из зарослей, Буассар.

— Это немец, — пояснил голландец. — Спятил он, что ли? Шлесс!

Ответ поразил нас. Шлесс плакал. Это был самый настоящий плач, в голос, навзрыд... Но когда я хотел пересечь полянку, пистолетная пуля мягко шлепнула в дерево прямо над моей головой.

— Он спятил, — сказал Буассар. — Я видел такое в Индокитае. Когда человек плачет и пытается кого-то убить, это и значит — спятил.

Голландец откатился в сторону и подтянул к себе автомат.

— Ты его убьешь!? — возмутился француз.

— Зачем нам сумасшедший?

— Оставь. Мы не знаем, в чем там дело.

Пока они препирались, я ползком добрался до огромного морщинистого дерева, как ковром покрытого эпифитами, и, выпрямившись во весь рост, глянул туда, где по моим расчетам должен был находиться немец.

Неестественно бледный, упершись спиной в дерево и вытянув перед собой длинные ноги в тяжелых армейских башмаках, он сидел шагах в семи от меня, и я видел, как по его бледным худым щекам, покрытым редкой щетиной, скатывались слезы. Иногда он проводил по лицу ладонью, будто паутину с лица снимал, и это было особенно страшно и непонятно.

— Шлесс! — позвал я негромко.

Ответ был неожидан — он повернулся, слишком быстро для плачущего человека, и выстрелил. Щепка, отлетевшая от ствола дерева, разрезала мне щеку... Но странно, я мог поклясться, что Шлесс стрелял скорее на звук. Он не видел меня!

— Ты видишь меня, Шлесс? — спросил я, не выходя из-за дерева.

Три выстрела были ответом. Но теперь я знал, что Шлесс расстрелял обойму, и, бросившись к нему, отнял у него оружие. Он опустил голову и, как бы смирившись со сломавшей его судьбой, горько заплакал. Сломав ветку, я помахал ею перед его глазами. Он не обратил на это никакого внимания, но как только подошли француз и голландец, поднял голову. Глаза его были широко раскрыты и безумно поблескивали.

— Я говорил, следовало его пристрелить, — сказал ван Деерт. — Зачем нам возня с сумасшедшим?

Буассар помог немцу подняться. Вдвоем мы вывели Шлесса к машине и усадили на заднее сиденье. Голландец опять заворчал:

— Разве у нас госпиталь?

Скотина, думал Буассар о голландце. Можно делать все — резать, насиловать, воровать... Это только так говорят, что абсолютная свобода недостижима. Достижима! Я знаю. Надо только организовать прикрытие. Однажды в Индокитае я остался один в лагере Тана. За колючей проволокой лагеря все еще шла перестрелка, у входа дымил танк, но я был уже один, если не считать сержанта Лоренса, который и заметил, как снайпер взял меня на мушку. У Лоренса хватило сил выстрелить. Собственно, на это у него ушли все силы. Он, Лоренс, никогда не питал ко мне добрых чувств, бывало, что мы грызлись из-за лишнего доллара. Но увидев снайпера, Лоренс выстрелил. Именно это я и называю прикрытием, и в данном случае голландец не захотел прикрыть Шлесса... Это надо запомнить. Запомнить и не торчать рядом с голландцем. Он не прикроет, если я влипну... Следует держаться ближе к Усташу. Он не такая скотина, он может кое-что сделать для любого из нас. Он может послужить прикрытием.

Ну что ж, подбил итоги Буассар, что бы ни случилось со Шлессом, для меня это оказалось полезным. Теперь я постараюсь держаться рядом с Усташом, но не с голландцем... У Буассара вдруг потеплело на сердце. Еще раз за долгую и полную неожиданных приключений жизнь неведомое обошло его и всей тяжестью обрушилось на новичка Шлесса. Если это должно было случиться, подумал Буассар, это справедливо. Я заработал право пожить еще... Ему стало весело, и, не глядя на пускающего слезливые пузыри и что-то лопочущего немца, он толкнул локтем сидящего рядом Усташа.

Когда капрал вывел «джип» на дорогу, Буассар вдруг толкнул меня локтем и тихо сказал:

— Если немец выживет, считай, ему повезло, а, Усташ? За веря, что мы прихватили в джунглях, можно кое-что получить. Только не следует распускать языки, вдруг он под защитой кого-нибудь закона... Что с тобой, Шлесс? Капрал, останови машину!

Капрал тормознул. Немец ткнулся в спинку переднего сиденья и захрипел. Толкнув его обратно, капрал двумя пальцами приподнял тяжелую голову немца и посмотрел в расширенные, уже неживые глаза.

— Мне это не нравится, — хмуро сказал он. —

В джунглях бывают странные эпидемии. Его не следует везти в лагерь.

...Только бросив лопаты в машину, мы пришли в себя. Немец остался в джунглях, как многие до него и, думаю, многие после, и это на всех подействовало. Будто поняв это, капрал приказал:

— Поблизости есть деревня. Ван Деерт, гони туда, во всем этом следует разобраться. — Потом повернулся к нам. — У кого-нибудь есть виски?

Буассар молча вытащил флягу, закутанную в пальмовый лист. Мы отхлебнули и вернули ее французю. Распухшие стволы деревьев возвышались вдоль дороги, как гигантский частокол, и даже пробивающиеся кое-где лучи солнца не в силах были оживить царство прели и гнили.

Часа через два мы выкатили к островерхим хижинам, устроившись под растрепанными листьями банановых деревьев. Стволы масличных пальм, выросших тут же, были черны, как копоть. Мы чувствовали напряжение тихих, как бы затавившихся хижин. Жители этой деревни поддерживали режим премьеры, но когда тощие откровенные собачонки с оттопыренными, как у гиен, ушами бросились под колеса машины, мы схватились за автоматы.

— Союзники, — проворчал голландец. — Они больше симбу, чем сами симбу.

Вождь, одетый в старый затасканный пиджак — символ дохода и власти, — встретил нас у порога. Да мы бы и не пошли в хижину, настолько она пропиталась запахом прогорклого масла, которым негры натирают тела от москитов. Вытянутые плоские щеки и толстая губа черного выражали брезгливое презрение, а взгляд из-под стекол круглых железных очков светился упрямством. Я был уверен, что стекла в очках простые, без единой диоптрии, но не это нас сейчас интересовало.

— Джамбо, — приветствовал вождя капрал на суахили. — У нас умер человек. Он встретил черного. Черный отравил белого человека. Мы работаем на премьеры и хотим взять виновного, чтобы отдать его властям. Ты знаешь закон.

Выслушав, вождь три раза хлопнул в ладоши. На этот сигнал из хижин выбрались старики и старухи, с испугом и удивлением рассматривая нас. Даже целой оравой они вряд ли могли заставить расплакаться здорового Шлесса, и капрал покачал головой:

— Тот был моложе.

Вождь повторил сигнал, и к толпе присоединилось несколько истощенного вида мужчин. Нищая деревня, подумал я, или они прячут молодежь...

— Кто? — спросил вождь.

Капрал покачал головой, и, повинувшись новому сигналу вождя, из самой крайней хижины появилась чудовищно дряхлая старуха, такая древняя, что кожа ее казалась покрытой пятнами плесени.

А может, она была чем-то натерта. Не знаю... Негры расселись вокруг старухи, и она поглядела на вождя и хищно покачала маленькой, почти голой, дочерна загорелой головой. Вождь кивнул.

Пригибаясь почти до земли, приговаривая дикие непонятные слова, вращая пронзительными запавшими глазами, старуха вошла в круг и широко расставила ноги. Кто-то протянул ей длинный и гибкий прут. Опустив его наклонно к земле, старуха замерла, а один из негров осторожно ударил короткой палочкой по пруту. Тягостное чувство охватило собравшихся, я увидел, как ван Деерт автоматически сунул руку в карман и стал так, чтобы за его спиной никого не было. Вслушиваясь в отрывистые удары палочки, негритянка не отрываясь смотрела на прут. Темп ударов резко возрос. Руки и тело негритянки будто окаменели, она закатила глаза и вдруг с силой хлестнула прутком по земле, подняв фонтан рыжей пыли. Потом еще раз. И еще. Фонтаны пыли слились в облако, оно разрасталось, сплывало на людей, и, наконец, старуха начала хлестать прутком с такой силой и скоростью, что сидящие перед ней в ужасе отпрянули. Француз хотел мне что-то шепнуть, но не успел: взвизгнув, старуха прыгнула к одному из негров и в каком-то приступе жестокости стала наносить ему тяжелые, рвущие кожу удары. Никто не пришел на помощь несчастному, а сам он не пытался отбиться, стоял, скорчившись, спрятав голову в руки, пока судорога не свела тело старухи. Она упала, и ее тотчас унесли в хижину. Вождь брезгливо смахнул пыль с пиджака и сказал капралу:

— Возьми.

— Ахсанте, — ответил капрал. — Спасибо. — И кивнул ван Деерту. Голландец ответил ему понимающей улыбкой и толкнул избитого негра в спину:

— Кенда! Иди!

Негр, выкатив огромные глаза, не двигался.

— Эоки то набакиса лисусу? — спросил голландец, и только тогда негр медленно зашагал к машине, опустив голову, не глядя на предавшее его племя.

Положив руки на автоматы, мы молча прошли сквозь расступившуюся толпу, забрались в «джип» и отправились в лагерь.

Нас встретил Ящик. Он флегматично посмотрел на пленника и пожал плечами.

— Привяжи негра к дереву, — приказал капрал. — И скажи бабинге, чтобы спиртное Шлесса было поделено на всех.

Сгустились сумерки. Голландец разжег костер. Буассар вывел «джип» на поляну и включил фары. Никто не расходился, зная, что капрал и голландец любят импровизированные представления. И представление состоялось. Мы пили пиво, а капрал беседовал с пленником, не забывая переводить нам свои слова.

— Умер белый, — сказал он негру. — Ты об этом знаешь, — капрал утверждал.

— Ндио, бвана, — послушно согласился негр.

— Мы находились рядом с твоей деревней.

— Ндио, бвана.

— Ты подстерег белого в зарослях и сделал то, чему тебя научили знахари.

— Нет, бвана! — закричал негр.

— Ты хотел, чтобы мы ушли и оставили тебе тело белого.

— Нет, бвана! — глаза негра были огромными, но, мне кажется, он ничего не видел.

— Я отпущу тебя, — сказал капрал. — Но ты нам расскажешь, где твой вождь прячет молодых женщин, когда мы приближаемся к деревне. Мы работаем на вашего премьера, мы — ваши друзья.

— Нет, бвана! — закричал негр. Я поморщился. Француз заметил это и подмигнул мне. Мы ушли в палатку, и Буассар тут же вытянул из угла мешок Шлесса.

— У нас с немцем был один размер, — сказал он. — Я воспользуюсь его рубашками. Если тебе что нужно, бери.

Я взял нож. Нож был хороший. Крупновский. Денег у немца нашлось немного, что-то около трехсот конголезских франков, и мы поделили их поровну. Порывшись в бумагах, Буассар заметил:

— Он таскал с собой договор.

И при свете фонаря, пошелестев белыми листами, прочел:

— «Документ о зачислении на службу лица, связанного договором с Демократической республикой Конго... Между правительством Демократической республики Конго, представленным премьер-министром, с одной стороны, и господином Т. Шлессом, в последующем именуемом: лицо, связанное договором, с другой стороны, заключается следующее соглашение...»

Француз отхлебнул пива и продолжил:

— «Статья 1. Лицо, связанное договором, обязуется нести службу в качестве волонтера. Функции, выполняемые лицом, связанным договором, не обязательно должны соответствовать обусловленной выше должности...»

— Это так, — подтвердил я.

«Статья 2. Настоящий договор заключается сроком на шесть месяцев и может быть продлен автоматически, если не последует предумышленного о его расторжении, которое должно быть представлено лицом, связанным договором, за тридцать дней до истечения настоящего договора...»

— Это так.

— «Статья 3. Ежемесячный оклад лиц, связанных договором, выражается в приводимых ниже суммах (в конголезских франках): волонтер — 41 148.57, унтер-офицер — 49 928.50, фельдфебель — 66 438.25, младший лейтенант — 99.662.60, лейтенант — 105 642.25, капитан —

126 236.04, майор — 148 321.25, подполковник — 177 321.04. Выплата оклада производится ежемесячно и вперед. Ежегодное повышение — 3,5%».

— Это так.

«К этому основному окладу добавляются надбавки для семейных (в конголезских франках): жена — 9.975.63, жена и один ребенок — 15.964.76, жена и двое детей — 22.343.26, жена и трое детей — 29 518.86, жена и четверо детей — 37 899.89, с прибавлением сверх этого по 8 381.03 конголезских франка на каждого ребенка».

Буассар рассмеялся:

— Если была бы возможность получать добавочные за каждую жену, я не остался бы в накладе!

— «Квартирные. Если лицо, связанное договором, не помещено в гостиницу или в правительственный дом для приезжающих, то оно имеет право на квартирные, соответственно своей должности. А также суточные — 938 конголезских франков в день. И получает ресторанный прибавку в 562 конголезских франка. Если же лицо, связанное договором, находится в опасной зоне, то оно имеет право на ежедневную прибавку за риск в количестве 2 345 конголезских франков в день».

— Это так.

— «Статья 5. В случае смерти лица, связанного договором, правомочным родственникам жертвы выплачивается 1 000 000 бельгийских франков. Эта сумма налогами не облагается и никаким удержаниям не подлежит. В случае ранений, имеющих последствием полную потерю зрения, ампутацию или полную утрату функций обеих ног, обеих рук, или же одной ноги и одной руки, полную инвалидность или неизлечимое психическое заболевание, делающее невозможной любую работу, лицу, связанному договором, выплачивается 1 000 000 бельгийских франков. Эта сумма налогом не облагается и никаким удержаниям не подлежит... Для постоянной частичной инвалидности устанавливается следующее возмещение: в случае полной потери, то есть ампутации, правой руки — 75%, левой руки — 60%, правого предплечья — 65%, левого предплечья — 55%, правой кисти — 60%, левой кисти — 50%, бедра — 60%, ноги — 50%, ступни — 40%, большого пальца правой руки — 20%...» — Буассар зевнул и продолжил: — «Для левши, при условии, что заявление было сделано им до ранения, оценки, установленные для правой руки, переносятся на левую. За все ранения, следствием которых явилась постоянная или частичная инвалидность иных органов, кроме перечисленных выше, подлежит возмещение, которое определяется аналогично установленным выше условиям... От имени Демократической республики Конго премьер-министр... Лицо, связанное договором, — господин Т. Шлесс, волонтер. Семейное положение — холост. Текущий счет в загра-

ничном банке — Солсбери, 136 749. Нормально пользуется правой рукой».

— Дай бумаги, — сказал я. — Передам капралу.

Странно, кажется, что-то во мне вдруг сдвинулось. Я впервые вдруг подумал, что каждый из нас, легионеров, оценен на вес, почти на вес, по крайней мере — по частям. Я будто на витрине мясного магазина увидел тушу легионера, аккуратно разделанного работодателем. И на каждом куске была бирка с ценой — в бельгийских и конголезских франках... Ладно... В конце концов мы сами приняли эту игру, а у каждой игры свои условия...

Бросив бумаги капралу, я подошел к кухне, при слабом свете которой голландец, похожий на бородатого чародея, занимался своими делами. В кипящей прыгающей воде крутилось что-то черное...

— Доллары, — подмигнул ван Деерт и захотал. — Американские пилоты с «бананов Сикорского» дают пятьдесят долларов за череп негра с пулевым отверстием.

— Так вот зачем ты носишь малокалиберку...

— Бельгийский карабин дает слишком большое выходное отверстие, — ухмыльнулся ван Деерт.

Да, подумал я, нас не зря оценивают на куски, по частям. Другого подхода тут быть не может.

Нервы, решил я. Усталость. Иначе — почему бы меня морозило? Я ведь и раньше знал, что петля скучает по любому из нас и что не только сотрудники Интерпола изучают наши карточки. И что не один писака из этих европейских газет разыскивает наши следы, чтобы по ним понять, как мы «дошли» до легиона...

Но, черт возьми! — выругался я про себя, — живут же такие, как я, или ван Деерт, или Буассар, где-нибудь в Аргентине или в Парагвае! И неплохо живут! И совесть не заставляет их вставать и отдаваться в руки правосудия! Чем я хуже? Я тоже хочу дожить до своего естественного последнего часа! Не похожего на смерть господина волонтера Т. Шлесса. Я хочу умереть в чистой постели, на простынях, или в крайнем случае в дорогом кабаке. Но не в Конго, мучаясь от удушья, как господин волонтер Т. Шлесс, и не в петле в Югославии, как кое-кто из моих бывших друзей усташей, и не от руки какого-нибудь сумасшедшего в Париже или в Стокгольме, двадцать с лишним лет выслеживающего на свой риск и страх таких, как я или господин капрал...

Я должен всплыть. Я должен заработать свою долю конголезских или бельгийских франков. Они мне здорово понадобятся в будущей, чистой и простой, под чужим именем, жизни. И эта работа — мой последний шанс. Ничего другого мне уже не представится. А поскольку

это последний шанс, сказал я себе успокаивающе, я должен воспользоваться им на все сто процентов! Иначе зачем было братья за это дело?

Глава третья

Отравитель бабинга

Я проснулся совершенно разбитый, хотя ложась чувствовал себя неплохо. Француз заставил меня показать язык и заметил:

— Я уже терял так друзей. В Индокитае. У них желтел язык, голова болела, а глаза светились, как у пьяных орангутангов. Если ты не проглотить это,— он дал мне горчайшую пилюлю,—я не поставлю на тебя и конголезского франка.

Меня морозило. Ломило каждый сустав. Я никак не мог что-то вспомнить. Что? Мысли бессвязно крутились в голове, приводя меня в бешенство.

— А ты ничего не чувствуешь?

— Нет,— ответил Буассар.—Если симбу не спустят с нас шкур, я и завтра ничего особенно не почувствую.—Он проглотил пилюлю и пояснил:—Профилактика...

— Кем был твой отец?—меня неотвязно мучила ускользящая мысль.

— У меня не было отца,—засмеялся француз.—С такой женщиной, как моя мать, не мог ужиться ни один мужчина. Но я не осуждаю ее, я вообще отрицательно отношусь к осуждению, хотя бы потому, что каждого из нас,—он ухмыльнулся,—кто-нибудь осуждает.

Его слова почему-то задели меня. Нервы, решил я... Но весь день не мог отделаться от воспоминаний о той бумаге, на которой черным по белому в свое время было написано, что я, хорват Радован Милич, активный член организации усташей, за измену родине приговариваюсь к смертной казни через повешение... Эту бумагу сочинили те, кто перестроил Балканы и ввел Хорватию в состав Югославии, страны, знакомой мне лишь по газетам.

Буассар выглянул из палатки:

— Завтрак испорчен. У капрала кислый вид. Наверное, он всю ночь писал сводку,—убит волонтер, имя—Т. Шлесс, национальность—немец. Наверное, он всю ночь переживал потери в личном составе.

— Помолчи!

Но он не мог остановиться:

— Ты, может, думаешь, что капрал—герой и бессребреник? Не люблю отзываться о начальстве плохо, но я сам видел, как он прекратил бой у озера Альберта только потому, что чек на двести конголезских франков размок в его кармане от пота. Постой... Чего они суетсяя?

— Это все оборотень,—сказал подошедший голландец.—Он вылез из багажника «джипа» и проделал для этого дыру в раме, а ось перепилил почти пополам. Я такого никогда не видел, зверюга работает как автогенном. Теперь капрал ищет виновных. Кажется, это ты, Усташ, посадил оборотня в багажник?

Мы выбрались из палатки.

— Какого черта!—выругался капрал.—Вам давно пора обмыть рожи.

Буассар развел руками.

— Посмотрите на «джип».

Мы взглянули... В днище машины зияла округлая дыра с очень ровными, но не оплавленными краями. И ось была надрезана или надпилена, а может, выжжена точно так же.

— Переходим в пехоту,—пробормотал француз.—Как это тебя, Усташ, угораздило?

Я огрызнулся.

Оборотень лежал тут же, в траве, куда вывалился из машины, и трава под ним пожухла и почернела. Он весь был покрыт темной, почти прозрачной роговидной, но, видимо, эластичной и мягкой оболочкой, в которой невозможно было отыскать ни одного отверстия. Аморфный полупрозрачный мешок... Трудно было поверить, что это именно он прорезал металл, но другого варианта быть не могло... Трудно было даже поверить в то, что это живое существо, и все-таки оно и впрямь было живое—меняло окраску, сокращалось, увеличивалось, а когда кто-нибудь закрывал солнце, медленно сдвигалось в сторону. И непонятно было, как оно это делает—ни ног, ни крыльев мы не могли найти и при самом тщательном осмотре.

— Что может такая беззубая тварь?—удивился голландец.

— Пропиливать дыры в металле,—усмехнулся капрал.—Когда мы повезем оборотня на рынок, Усташ, тебе придется держать его на коленях, иначе он опять продырявит «джип».

Я не ответил. Оборотень заинтересовал меня всерьез. Какую кислоту и в каком количестве должен был он выпускать, чтобы пробиться сквозь металлическое днище багажника? Я подумал о кислоте, потому что ничего другого не приходило в голову. Наклонился... Оборотень в чем-то был схож с медузой, и я вдруг представил, как может парочка таких тварей, свисая с ветвей в лунном свете, пугать местных жителей. Не зря тот негр, которого не успел пристрелить голландец, стоял перед оборотнем на коленях.

— Мниама мполе,—сказал я бабинге.—Прелестный зверек. Ты видел таких когда-нибудь?

Он буркнул что-то отрицательное. Голландцу это не понравилось, он рявкнул:

— Ненда зако!—и бабинга послушно исчез.

Я встал так, чтобы закрыть собой солнечный луч, и оборотень медленно сдвинулся в сторону.

— Поиграй,— сказал капрал,— а потом собирайся. Прогуляешься до лагеря майора Мюллера и пригонишь «джип» с запасными частями,— он раздраженно ударил носком ботинка по спущенному скату.

Тонкая ткань палатки не заглушала голосов, и, переодеваясь, я слышал, как legionеры делились впечатлениями.

— В Африке такого не может водиться,— убежденно заявил голландец.

— В Африке водится еще и не такое,— возразил Буассар.— Я сам был знаком с человеком, который встретил в Уганде создание ростом со слона, но без хобота и...

— С тремя правыми ногами,— насмешливо заключил ван Деерт.

— Оборотень работал кислотой,— заметил капрал,— иначе просто невозможно проделать такую дыру. Наверное, кислота у него выделяется через поры. Он и потеет, наверное, кислотой.

— Послушайте! — воскликнул Буассар.— А ведь оборотень холодный.

— Может, он сдох?

— Мне кажется,— высказал догадку капрал,— ему необходимо солнце, не зря он за ним ползает.

— А может, он жрет воздух? У него же нет рта, а воздух можно впитывать через поры.

— А может, это растение? — Буассар, кажется, сам изумился такому предположению.

— Вы как знахари наддохлым пациентом,— вмешался голландец.— Если бы за оборотня и вправду не могли дать кучу долларов, я с удовольствием спорил бы его, чтобы посмотреть на него изнутри.

— Если долго смотреть на шкуру,— заметил француз,— она как бы светлеет...

— Усташ! — крикнул капрал.— Отставить сборы! Ящик, иди сюда!

Не знаю, что пришло в голову капралу, но я вылез из палатки и присоединился к legionерам с чувством облегчения— небольшая радость брести по джунглям, рискуя напороться на случайный отряд симбу... С преувеличенным вниманием я вслушивался в итальянскую речь Ящика.

— Он говорит,— перевел капрал,— что такого зверя мало отдать и за сотню тысяч. Долларов, разумеется. Ящику можно верить.

— Почему? — спросил Буассар.

Капрал презрительно посмотрел на него:

— Если я сказал, значит, это так!

— Да, капрал!

Я вдруг опять почувствовал себя больным. Пришла головная боль, резкая и неожиданная, все закрутилось перед глазами. Буассар посмотрел на меня и покачал головой. Чтобы не привлекать внимания, я потащился в палатку и лег на спальный мешок. Боль приходила волнами, внезапная, тошнотворная, и в полдень я был

вконец обессилен. С меня сошло сто потов, я побледнел, как дохлый негр, пролежавший три дня под солнцем. И только к вечеру все это чуть отошло, я даже задремал, как вдруг в палатке капрала раздались выстрелы.

Когда я добрался до нее, там уже толпились legionеры. Капрал лежал на спальном мешке, лицом вниз, и ладонями зажимал уши. Рядом валялся его «вальтер».

— Уберите эту тварь! — выругался капрал, почувствовав наше присутствие.— У меня лопнут уши!

— Но тут никого нет,— озираясь, сказал Буассар.

— Есть, черт подери, есть! Ищите лучше! — не поднимая головы и не оборачиваясь, заорал капрал.

И тут Буассар вытянул из-под полога летучую мышь. Ее кожистые морщинистые крылья казались прозрачными, а на уродливой мордочке застыла сардоническая ухмылка. Капрал с отвращением взглянул на мышь и поежился. Неужели, удивился я, она могла его напугать?

— Я думал, сойду с ума, так свистела и трещала эта тварь! — с облегчением сказал капрал, когда француз выкинул мышь наружу.

— Мы ничего не слышали,— сказал ван Деерт.

— У вас не уши, а ватные подушки! — выругался капрал.— Идите!

— Но, капрал...

— Идите! — заорал он.

На них можно только кричать, подумал капрал. Теперь, когда свист, мучительно равный ему ушам, исчез, он почувствовал слабость и страх. Если никто ничего не слышал, подумал он, то почему же я-то услышал свист летучей мыши, почти незаметной твари? Это же нереально...

Нервы, решил он. У всех у нас сдают нервы. И оборвал себя — ты бывший солдат рейха, ты не должен распускаться, как славянин или француз. Считай, что ты в резерве. Все еще вернется, немцы снова поднимут голову...

Его рука наткнулась на шуршащий газетный лист, и он с нежностью, как спасение и лекарство, погладил его, ибо этот газетный лист открывал ему путь в Европу, далекую туманную Европу, к которой он так долго, с 1945 года, стремился и в которую только сейчас мог, наконец, вернуться. «Гуго Хуберт, — гласило сообщение, напечатанное в газете, — мертв! Гуго Хуберт объявлен мертвым!» Хуберт — это был он, капрал. «Более восемнадцати лет, — говорилось в газете, — разыскивается как военный преступник Гуго Хуберт, исполнитель варварских акций по уничтожению мирного населения Бельгии, Франции и Голландии. Международный военный

трибунал в Нюрнберге приговорил Гуго Хуберта заочно к смертной казни. Гуго Хуберта искали в самых разных уголках земного шара, прежде всего в Латинской Америке, но не нашли... На днях прокуратура Франкфурта-на-Майне объявила Гуго Хуберта мертвым и сообщила о прекращении его поисков. Решение прокуратуры основывается на показаниях свидетелей, утверждающих, что Гуго Хуберт был убит при попытке оставить горящий Берлин в ночь на 3 мая 1945 года на улице Унтер-ден-Линден».

Возвращение, — так воспринял капрал сообщение о своей смерти. Сейчас, когда власти перестанут проявлять внимание к его особе, он может снять с текущего счета в Солсбери заработанные в легионе деньги и вернуться на родину. Разумеется, под чужим именем. А внешность... Он задумчиво провел рукой по лицу... Внешность... Его, наверное, не узнала бы и родная дочь, не будь она убита в ту же ночь на 3 мая, когда на улице Унтер-ден-Линден мина подорвала машину со всем семейством Гуго Хуберта.

Деньги, деньги, деньги — вот что мне сейчас нужно, думал капрал, прислушиваясь к тому, как сбегала меж его широких лопаток струйка теплого пота. Только деньги. И осторожность. Сейчас следует быть осторожным. В этой компании подонков, так не похожих на людей третьего рейха, легко оступиться. Деньги и осторожность. Вот программа на ближайшее полугодие. А там — домой... Сладкая боль охватила сердце капрала, и он опять, уже с отвращением, вспомнил летучую мышшь. Что происходит с моими ушами?... Нет, это не уши. У меня разболтались нервы. Следует быть осторожней в словах и поступках. В конце концов, хотя Буассар, Усташ, ван Деерт легионеры, они не армейцы. Об этом следует помнить, даже тут, в Конго. Капрал презрительно усмехнулся. Славяне, французы... Таких грузили в вагоны и везли в Великую Германию, как рабочий скот. Он негрмоко повторил эти слова вслух — рабочий скот... Такими они и остались... Эта мысль капрала удовлетворила, и, пока над лагерем сгущались сумерки, он лежал в палатке, сосал пиво из вскрытой жестянки и думал о возвращении...

Ночью я проснулся от резкой, ломающей суставы боли. Француз тоже не спал.

— Голова разламывается, — ответил он на немой вопрос. — Включи фонарь, я уверен, мой язык обложилось извостью.

Но язык его был чист.

Я выглянул из палатки. Трава чуть серебрилась, в просвете ветвей светилось несколько звезд. Очень далеких, не родных, не нужных мне, непонятных... Я вдруг поймал себя на том, что эти мысли как бы не мои, будто внушены кем-то... Прислушался... В джунглях было тихо,

даже ночные птицы заткнулись. Проверяли — не закричу ли я... И это еще более укрепило меня в мысли, что рядом с палатками кто-то есть. Это не было чувством опасности, тренированный человек сразу определяет его, скорее это было чувство присутствия... Чьего?

В рассеянном лунном свете я различал тени кустов и палаток, видел «джип» на спущенном скате. Хотел чиркнуть спичкой, как вдруг в траве мелькнул слабый отсвет, будто кто-то на мгновение включил фонарь. Я вытащил из-под спального мешка нож и медленно выбрался из палатки. И интуиция опять подсказала мне, что торопиться не следует. Я отложил нож, взял фонарь и вдруг, сразу, осветил подозрительное место.

Это был оборотень. Он лежал рядом с «джипом», и трава вокруг него была совершенно черная, будто ее побил заморозок.

Опустившись на корточки, я коснулся оборотня руками, и там, где мои пальцы его коснулись, родилось и расплылось бледное свечение. Я чуть усилил нажим, и вдруг оборотень вспыхнул весь, целиком, сразу, как гигантский радиоглаз. Я вздрогнул, — такое ощущение, будто мне подмигнул человек, — и выругался. Тоже мне человек! Такие, как я, должны ходить на двух ногах, иметь две руки, пару ушей, пару глаз, один рот и не быть чрезмерно голыми или волосатыми. И, конечно, не должны дырять листы металла... Надо будет расспросить бабингу, что он слышал от местных жителей о таких зверях. Я задумчиво закурил. Было влажно и душно...

Утром все проснулись с головной болью.

— Всю ночь снилось, — жаловался француз, — что меня хотят повесить. Может быть, Усташ, меня и есть за что повесить, но не понимаю, зачем это делать именно во сне?

Я не ответил.

Хмурые, мы собрались вокруг стола, и капрал, держась за голову, спросил:

— Что мы ели вчера?

— Это надо спросить у негра, — подсказал голландец.

— Бабинга, ты ничего не перепутал? — спросил капрал. — Ты положил в мясо какие-то травы, да?

— Нет, бвана. — Негр казался напуганным, но его круглое лицо было столь свежим, выпавшимся, лоснящимся, что невольно вызывало глухое раздражение.

— Негры только и ждут момента напасть, — проворчал ван Деерт.

— Здесь я говорю! — оборвал его капрал.

— Разве я не соблюдаю дисциплину?

— Дисциплина волонтера не то, что дисциплина капрала! Понял?

— Да, капрал!

Мы сидели в тени, но духота была нестерпима. Кровь гулко пульсировала в висках.

— Ван Деерт! — приказал капрал. — Возьми оружие, доберись до лагеря майора Мюллера и пригони «джип» с запасными частями. Ты должен сделать это как можно быстрее. Как можно быстрее, я подчеркиваю это. И не забудь захватить с собой к нам приличную аптечку.

— Да, капрал!

Преувеличенно твердо ван Деерт направился к палатке и вскоре появился уже в полной походной форме — малиновый берет, защитного цвета рубашка, такие же шорты и грубые башмаки... Мы смотрели, как он уходил, и где-то в глубине души я почувствовал зависть... И еще во мне возник страх перед той болезнью, что так неожиданно пришла к нам. Не продолжение ли это истории со Шлессом, ведь мы так и не выяснили, что с ним произошло!

С опушки голландец помахал нам беретом. Мы не ответили.

— Мы сами будем готовить обеды, — хмуро сказал капрал и позвал: — Негр!

Бабинга неуверенно приблизился к столу.

— У тебя не болит голова, бабинга?

— Нет, бвана.

— Ты вчера положил в мясо лесную траву. Зачем ты это сделал? Так тебя научили знахари?

— Нет, бвана.

Рука капрала медленно полезла в карман. Я подумал, что капрал, наверное, тоже таскает свой «вальтер» дулом вверх — так легче его выхватывать... Но негр оказался проворнее. Он пригнулся и молча прыгнул в сторону. Не оставиваясь и не оглядываясь, он бежал мимо «джипа» через поляну. И меня поразило, что он бежал не в кусты, которые находились совершенно рядом и в которых его никто бы не смог найти, а куда-то на край поляны, будто ему обязательно надо было пробежать мимо оборотня. Целую минуту его широкая спина была у нас на прицеле, и, захоти мы, его несколько раз можно было убить. Но никто не выхватил оружия, никто не выстрелил, никто, собственно, и удивления не проявил. Я поглядел на Буассара, и он отвернул лицо в сторону. Ящик, не глядя на меня, пожал плечами. Капрал хмыкнул и сказал:

— Странно. Негр не побежал в кусты. Он пересек поляну. Почему?

Глава четвертая

Звездный миссионер

Это был, к сожалению, не последний вопрос.

Меня встревожил вид Буассара. Он часто тер глаза и странно подергивал головой, будто у него вдруг устала шея. Я спросил, что с ним. Он замялся.

— Хочешь молчать, твое дело. Но не вертись. У меня и так голова идет кругом. Иди ляг. Пока ван Деерт не вернется, у нас каникулы. Впору подумать на всякий случай о круговой обороне. Симбу не дремлют. Хорошо, что с нами Ящик и его пулемет.

— Я не могу лечь, — сказал Буассар ошеломленно.

— Почему?

Он промолчал. Потом, безостановочно мотая головой, фальшивым голосом затянул:

— «Город застыл в глазах, давай завоюем себе новые земли...»

— Смени пластинку!

Он действительно сменил:

— «Мы печатаем шаг, мы хотим прочесать дальние страны...»

— Буассар!

— «Отправляйся-ка, парень, — он смотрел на меня расширенными глазами, качал головой, шрамы на его лице побагровели. — Отправляйся-ка, парень, на поиски незнакомого цветка в дальние страны, лежащие там, за лесами...»

— Заткнись!

Отнести столь странное поведение за счет выпивки я не мог. Алкоголь делал Буассара только болтливым. И, тряхнув француза за воротник, я выругался:

— Выкладывай, что у тебя!

И тогда он сказал:

— Я ослеп, Усташ.

— Ты меня не видишь? — У меня перехватило дыхание от мысли, что это может случиться и со мной. — Ты меня совсем не видишь?

— Вижу. Только надо, чтобы ты шевелился. Или же я должен двигаться. Понял?

— Нет.

— Когда все неподвижно, я ничего не вижу. Сплошная чернота, даже солнце угадываю лишь по теплу.

— А потом?

— Когда кто-то двигается, я его вижу так же ясно, как раньше. Но стоит человеку остановиться, как он будто пропадает. У меня сперва болела голова, а сейчас вот... — Он выругался: — Что происходит? Будто в мире для меня не осталось ни травы, ни деревьев, ни облаков. Все обратилось в черноту. Я ослеп, Усташ!

— Ну, ну, побереги нервы... Это, наверное, не настоящая слепота. Это пройдет. Мы просто пожрали чего-то вредного и все разболелись. Я пойду и принесу тебе пива. И не болтай головой, ты смахиваешь на идиота.

Казалось, француз сейчас расплечется, и меня холод пробрал — я вспомнил Шлесса... Может, с французом что-то подобное? Но тогда негр не мог отравить нас!

Я побрел к кухне, все пытаюсь представить, как это Буассар видит движущихся людей на сплошном черном фоне. Будто на экране... Я ус-

мехнулся. Во всем происходящем была все же одна положительная деталь — все это случилось не со мной... Среди всех недугов, подумал я, слепота, наверное, самое страшное... Подозрительно осмотрев капрала и Ящика — они сидели за столом, — я не заметил в них ничего странного и, подумав, выложил новость:

— Буассар ослеп.

— Что?!

— Не совсем ослеп, наполовину. Но нас теперь только трое, и если бабинга приведет симбу, нам крышка.

Капрал выругался:

— Я всегда считал, что в этой стране прежде всего следует вывести знахарей.

— Негр не мог отравить нас.

— Почему ты в этом уверен?

— Вспомните Шлесса. У него это было так же. По-моему, он перестал видеть, и это на него подействовало слишком сильно.

— От слепоты не сдыхают.

Это звучало неубедительно, но спорить не стоило... Я отнес пиво французу и опять попросил его не мотать головой. Но он боялся оставаться наедине со своим черным фоном.

Потом в Буассаре заговорил делец:

— А может это считаться полной потерей зрения, Усташ? Мне выплатят мои сто процентов?

— Должны, — сказал я.

Это его утешило.

Тошнота опять подкатывала к горлу. До вечера я провалялся в палатке в тяжелом полусне, а потом меня разбудили запахи... С трудом я поднялся и вдруг почувствовал, что не ощущаю боли. Боль ушла. Я испугался — так хорошо себя чувствовать мог только больной... Но вид француза, даже во сне дергавшего головой, подействовал на меня отрезвляюще. Неужели он и во сне вынужден это делать, бедняга?

И опять я ощутил запахи.

Запахи... Ничего подобного я еще не испытывал. Будто все деревья, люди, вещи, травы обрели способность испускать ароматы... Потянув носом, я вобрал в себя все неистовство тропической ночи — духоту, сырость, плесень, перепады каких-то звуков, тяжелую пряность орхидей и испарений... Такая чувствительность не могла быть нормальной... Но думая так, я не переставал с жадностью вслушиваться в запахи, вылавливая и узнавая все новые... Узнавая, — я говорю не затем, чтобы похвастать своим знанием растений, я их почти не знаю, но в том смысле, что, несмотря на чудовищное разнообразие, я мог свободно отделять один запах от другого, даже самого слабого... Казалось, я чувствую всем телом. Будто новое чувство во мне родилось. И в этом чувстве теперь, когда страх ушел, не было ничего плохого и странного...

И еще я заметил, что вижу во тьме, но как-то

необычно. Я, например, помнил, что сразу за палаткой цветы орхидей были белоснежные. Сейчас они казались мне голубовато-зелеными. А синие и фиолетовые цветы вдруг превратились в желтые... Каждая травинка испускала слабое сияние, будто я вдруг очутился в каком-то новом, незнакомом мне мире, где вещи жили своей, собственной, не связанной с нами жизнью.

— Иди к нам, Усташ! — крикнул капрал.

Он сидел с Ящиком у костра, в самом центре поляны. Запах консервированного мяса, которое они поджаривали на огне, резко ударил в ноздри, но я легко заглушил и отвел его... Как это получается, я не понимал...

— Посмотри на оборотня, Усташ!

Если они видели так же, как я, они не зря удивлялись. Бугор, светящийся ярче костра, — вот что представлял собой оборотень. Он сиял, как маячная мигалка, и светлячки ярким хороводом крутились над ним — как планеты вокруг огромного солнца. Я четко различал каждого светлячка, каждое их движение, и это наполняло меня восхищением. Я чуть не заплакал, потому что я — киллер, профессиональный убийца — давно отшеллся от подобных восторгов. А сейчас это вновь входило в меня, заставляя думать о жизни как о празднике — цветном, ярком, полном цвета, света, красок и запахов. Светлячки неслись и неслись вокруг оборотня, и я вдруг подумал — нет, оборотень не создание Земли, потому что создания Земли, появившись на свет, спешили прежде всего вооружиться когтями, клыками, ядовитыми железами, чтобы рвать, терзать, кусать и царапать... А оборотень ничего не имел, ни на кого не нападал и занимался всего лишь светлячковыми хороводами...

Запахи вдруг вспыхнули с новой силой. Среди них были непостижимые, таинственные, таких я никогда не улавливал. Были безразличные и неприятные — их я отбрасывал. Но были и такие, что пугали и восхищали меня, потому что каждый из них нес что-то полузабытое, с чем я, оказываясь, не успел расстаться. И моя жестокая очерствевшая душа раскисла, как сухарь, брошенный в теплую воду...

Но и думая так, я отметил про себя, что волны запахов, проходившие отовсюду, были как-то связаны со вспышками оборотня... Я вернулся к костру.

— Ты что-нибудь видел такое, Усташ? — спросил капрал. Он сидел в траве, скрестив ноги, и если бы не маскировочная рубашка, на которой слабо поблескивали капли пота, мог вполне сойти за сельского учителя на лоне природы.

— Ты имеешь в виду запахи?

— Звуки, Усташ, звуки! — в голосе капрала звучало торжество, но он вдруг пожаловался: — Правда, не все они хороши, Усташ.

Я решил, что капрал пьян. Как я ни напрягал слух, ничего, кроме резкого звона цикад, не слы-

шал. Цвет и запах — вот что, на мой взгляд, определяло наш мир! Я так и сказал. И добавил:

— Цикады — это к дождю... — Они ведь не знали, что так говорят в Хорватии.

— Цикады? — удивился капрал. — Цикады только мешают! Слушай! Этот хруст... Это птица... Какая-то крупная и очень неловкая птица... Она от кого-то прячется, и я тебе сейчас скажу, от кого... О, черт! — выругался он, затыкая уши. — Опять эта летучая мышь! Ящик, дай мне «беретту»!

— Не надо стрелять, — сказал Ящик, и я вздрогнул. Он говорил по-французски!

В лилово-багряных вспышках я увидел его плоские щеки и вдруг по запаху его тела, тяжело, нездоровому запаху, понял, что Ящик болен, что он моложе всех нас и что он — француз... И он подтвердил это...

— Я из Нанта.

И я уже не удивился... Забыл об этом. Снова включил свою способность повелевать запахами. Что-то необыкновенное, тонкое, чего я никогда не находил ни в ласке, ни в вине, пришло из томлящихся в духоте джунглей. Я попытался определить, что это, но капрал помешал:

— Усташ, — заявил он, — ты слишком шумный!

— Что значит — шумный? Ведь я молчу.

— Ты сам по себе шумный. У тебя мысли шумные. Ты шумишь больше, чем оборотень, а он уже прогудел мне уши. Как аварийный трансформатор.

— Капрал прав, — сказал Ящик.

— Как ты можешь знать это?

— Я пытался объяснить капралу. Он не понял. Боюсь, и ты не поймешь. Я просто чувствую, что вы хотите сказать или сделать. Я не читаю мыслей, Усташ, но за секунду до слов я понимаю эти слова... А ты?

— У меня запахи...

— Не удивляйся ничему, Усташ. И этому не удивляйся. Даже цикады могут по запаху находить друг друга за несколько миль. Лососи, поднимаясь из океана, находят по запаху устья родных рек. Угри, пересекая море, чувствуют запах саргасовых водорослей...

— Откуда это в тебе, Ящик?

— Я был учителем.

— Учителем?

— А разве ты никем не был?

Я был поражен... Человек, управляющий пулеметом, как своим мозгом, был учителем! Просто учителем! Учил детей! Истории или географии. Или ботанике...

— Географии, — подсказал Ящик.

Что с нами? — подумал Ящик... И его удивило, что впервые за много лет он так подумал — «что с нами?» Впервые за много лет. С того далекого 1953 года, когда его мобилизовали в армию и отправили защищать французскую колонию Вьетнам. Защищать от вьетнамцев. Он уже тогда ощущал некую двусмысленность своей роли солдата-защитника, но он был молод, а мир, открывшийся перед ним, необычен. Необычен до того дня, когда главнокомандующий генерал Наварр приказал сконцентрировать рассеянные в лесистых районах части на равнине Бак-бо. Ящик туда не попал. Его часть прикрывала Верхний Лаос, и, бродя в сырых джунглях, солдаты только и думали о тысячах грузовых велосипедов и подвод на лошадях, буйволах и быках, что шли к ним с той стороны фронта. Пятьдесят пять дней и ночей пробыл Ящик в этой

дыре, до тех пор, пока генерал де Кастри, командовавший их частью, не сдался и не сдал своих солдат вьетнамским армиям.

Но я еще во что-то верил, думал Ящик. Верил до тех пор, пока его и еще семнадцать человек не заставили выполнить акцию «Гретхен». Он не помнил, кто и почему закодировал это действие таким именем. Может быть, потому, что вьетнамские женщины напоминали своей беззащитностью всех Гретхен земли?.. Это был просторный школьный двор, и по одну его сторону заставили лечь мужчин, а по другую женщин и детей. Указанный вставал и отходил в сторону, где его расстреливали из пулемета. Приказ был — убить всех, ибо любой оставшийся в живых мог рассказать об акции «Гретхен». И Ящик стрелял и убивал. Наверное, в тот день он и стал Ящиком. До этого он был просто рядовым Анри Леперье. Впрочем, нет, думал Ящик, по-настоящему я стал убийцей чуть позже. Но в этой же войне.

Ту войну все называли войной слона и кузнечика. Франция, конечно, была слоном, а он, Ящик?.. Он был даже не клыком, даже не когтем... Он был лишь крошечной частицей беспо-

щадного организма. Он был частицей взбесившегося слона, уничтожающего кузнециков, которые противопоставили бронетранспортерам палки... Он вдруг вспомнил партизанскую песню вьетнамцев: «Сегодня кузнецик бьет слона, а завтра он вспорет ему живот...» И кузнецик вспорол живот слона, думал Ящик, жаль, что мне досталось тогда больше всех...

Позже, думал Ящик, позже я стал по-настоящему Ящиком и забыл даже свой язык, даже свое имя... Позже... Тогда, когда его командировали в американскую спецчасть охранять запасы йодистого серебра, невзрачного, такого безобидного на вид порошка, носящего зато великолепное название — Оружие Зевса... От американского лейтенанта Билла Кроу он узнал, что стоит мельчайшим кристаллам йодистого серебра попасть в скопление облаков, как они мгновенно превращаются в хлопья снега, в град или в капли дождя, которые мощными потоками обрушиваются на землю, снося все на своем пути. Спецчасть, в которую был командирован Ящик, была началом тех спецчастей, что провели в 1962 году в Лаосе акцию под кодовым названием «Поп-1». 10—20 граммов йодистого серебра — и на землю в очень короткий срок обрушивались миллионы кубических метров воды... Но тогда, во Вьетнаме, в дни Ящика, спецчасти еще не умели контролировать Оружие Зевса.*

Ящик вспомнил, как лейтенант Билл Кроу, смеясь, тыкал пальцем в небо и говорил: «Анри, вы — французы — работаете вручную. Вам никогда не сохранить своих колоний. Тут нужна техника. Желтые должны боготворить нас. Оружие Зевса, Анри, это еще далеко не все. Подожди немного, и мы подарим вам окисляющие дожди, они будут выводить из строя радиолокаторы, грузовики, танки и, конечно, людей. От этих дождей не укроет ни одно убежище. Мы откроем в небе такую дыру, что при необходимости сможем выпустить через нее всю влагу атмосферы! Мы сможем в будущем нагревать или охлаждать любой участок земли, увеличивать уровень радиации, вызывать землетрясения...»

Он был веселый парень, Билл Кроу и, наверное, не был в чем-то виноват по-особенному... Разве что в энтузиазме... И он утонул, как утонули все — и лейтенанты спецчасти, и рядовые французских экспедиционных войск, и вьетнамцы — в тот злосчастный день, когда начальство попробовало проткнуть дыру в атмосфере. А он, Анри Леперье, не утонул, но он навсегда превратился в Ящика.

Я впервые подумал — «что с нами», — сказал себе Ящик. Увидев тогда потоп, смывший людей, джунгли, горы, я был раздавлен. Я перестал думать о всех. Я просто захотел жить. Жить животной или растительной жизнью, какой угодно, только бы жить, жрать свой хлеб, хлестать

свою выпивку. И я стал спасать себя. Моя жизнь выражалась с тех пор только в этом — в спасении. Я никогда уже не воевал ни за черных, ни за белых. Я просто спасал себя. И я презирал всех людей и все государства. Слабых — за их неспособность постоять за себя, сильных — за их неспособность быть справедливыми. Я спасал себя и не думал уже ни о добре, ни о зле, ни о географии, ни об истории. Я спасал себя, маленького, ничтожного, одинокого, сломленного видением низвергнутого с небес потопа. Я спасал себя от Оружия Зевса, от инея на пальмах, от стрел симбу, от всего того, что пока хранится в секретных сейфах, но еще обрушится на меня. Непременно обрушится, если я не подумаю о себе заранее...

Ящик посмотрел на оборотня, который лежал недалеко от него. Это именно оборотень так подействовал на меня и на всех, подумал он. Наши чувства создают наш собственный мир внутри обитаемой вселенной... Почему же оборотень решил вдруг раскрыть все двери и выпустить наше подсознание со всеми его страхами наружу, во много раз усилить все чувства? Почему? Что это за существо? Откуда оно? Что ему от меня надо? Почему оно вдруг сделало так, что я чувствую все, что хотят или бояться сказать эти люди?.. Ящик посмотрел на Усташа и пожегся, настолько четко читалось за напускным равнодушием Усташа желание порываться при случае в биографии Ящика как можно поглубже.

Наплевать, решил Ящик. Увиденное во Вьетнаме дало мне право защищать только себя. Для этого я и приручил пулемет.

Новым, непонятным для себя образом Ящик почувствовал, что стоит на грани необыкновенно важного открытия. Но как только он добирался до сути, как только его мысль схватывала конец нити, из подсознания его выползали видения голых сопков, погруженных в потоки, и он начинал скрипеть зубами от мгновенно пронизывающей его мучительной головной боли, спугивающей даже эти видения...

Опять до меня донесся счастливый, мучительный запах, но я не успел его угадать. Ящик сказал:

— Я завтра ухожу, Усташ.

— Уходишь?

— Да. В Уганду. Оттуда переберусь в Европу. С меня хватит!

Я смотрел на Ящика, и мне было его жаль. Он хотел все бросить и уйти, чуть ли не превратиться в обыкновенного человека! Знаменитый стрелок по кличке Ящик, снискавший великую славу среди стрелков легиона, хотел бросить все, что у него было! Как будто и вправду профессиональный легионер может оставить свою

работу и стать... например, учителем! Я покачал головой... Нелепость слов Ящика была ясна мне.

— Ты зря так думаешь, Усташ, — возразил Ящик моим мыслям. — Во всех нас есть что-то расплывчатое и непонятное, как, например, чувство голода или желание оказаться в безопасности, но мы ведь справляемся с этим и находим в этом удовлетворение. Может быть, удовлетворение, Усташ, уже само по себе — чувство? В конце концов, аппетит — это ведь тоже не просто ощущение того, что концентрация сахара в крови уменьшилась.

Я ничего не понял, а Ящик объяснить не успел, к нам подошел француз. Всклопоченный, тряся бородатой головой, он встал над костром, как сумрачная тень, и сварливо спросил:

— Почему вы меня не разбудили?

— Тебе было плохо, — объяснил Ящик.

— Ты — француз! — заорал Буассар. — Ты из Нанта!

— Да, — сказал Ящик, и они замолчали. Один болезненно торжествуя, другой безразлично. А рядом, завалившись в траву, капрал с блаженно-идиотским выражением на лице вслушивался в ему только слышимую симфонию. Огонь костра мягко шевелил воздух, и запахи, как бы вспугнутые его движениями, одолевали меня — я восхищался симметрией запахов орхидей, бархатистыми запахами неизвестных кустов (я догадывался об их форме), запахами роз и просто благоуханиями, остающимися после прыжка цикады с одного лепестка на другой...

Когда Буассар сел, я почувствовал в его кармане сигареты и вытащил всю пачку. Дым не мешал запахам. Я был счастлив. Я понимал все. Даже счастье термита, спящего по туннелям термитника, даже счастье цикады, совершающей свой прыжок. В этом мире всем могло хватить счастья. Я впервые об этом подумал... И впервые ощутил лес вот так — с каждой его травинкой, с каждым листком... И это понимание, это непрерывное чувство кружило мне голову, заставляя вновь и вновь вслушиваться в каждый шорох, в каждый ветерок, проникая в самую суть того, что зовется природой и что так не похоже на спящие ветви, рвущиеся перед рычащим «джипом»... Вот чем пахнет надбавка за риск, вдруг понял я. Теплым бензином, резиной скатов, потом убийц... Вот он, запах надбавки за риск, — запах наших тел! Этот запах сжигал меня. Сжигая, стреляя, гогоча, мы прошли Конго насквозь. Наши тела отравляли его атмосферу в огромном масштабе. В этом было что-то сверхморальное — врываться в джунгли, окутав себя облаком бензина и резиновой гари... А как пахнут те бельгийские франки, которыми оплачивают нашу работу? — подумал я, и Ящик, опять перехватив мои мысли, сказал:

— Теперь, когда это так понятно, и следует уйти...

— Но почему это с нами?

— Это все оборотень.

— Да?

— Все пройдет, как только он захочет кончить этот спектакль. Посмотри, как он сияет. Разве ты не чувствуешь, что как только его вспышки становятся сильнее, так с нами происходит что-то новое? Замечаешь? Я совершенно уверен, Усташ, что оборотень специально заставляет нас разгрызывать наши роли и мы ничего не можем сделать. Не знаю, есть ли у него какие-то специальные намерения или нет, но он зачем-то портит нам мозги. А может быть... прочищает.

— Как это может быть? — недоверчиво спросил Буассар. — Как может какая-то скотина так навредить человеку? Она же ничего не чувствует. Ее хоть из пушки расстреливай! У тебя ум за разум заходит, Ящик. Как может быть то, чего нет?

— Если ты чего-то не воспринимаешь или не видишь, это не значит, что всего этого нет. Ты не видишь за облаками солнце, но ведь оно существует!

— Не хочешь же ты сказать, Ящик, что перед нами какой-то звездный миссионер, принявший вид колоды? Какие к черту чудеса, — если эта тварь только и умеет, что сводить нас с ума!

— Разве я говорю о звездах? — мягко возразил Ящик. — Я даже не говорю о разуме или о существе в нашем понимании. Это что-то другое, Буассар. Природа любит шутить. Термический орган американской гремучей змеи обнаруживает мышь на расстоянии до десяти футов только потому, что мышь теплее окружающего ее воздуха. Японские рыбки-сомики улавливают так называемые теллурические токи, постоянно циркулирующие в земной оболочке и возмущаемые перед землетрясением. Скаты и угри генерируют электрические импульсы. А оборотень... Не знаю, что он делает и для чего, но это он превращает нас в каких-то «испорченных» людей. Черт возьми, Буассар, как я могу объяснить тебе ощущение магнитного или биологического поля, если мы не научились еще понимать друг друга? Мы же заперты в себе, мы же никогда не позволим себе раскрыться друг перед другом... Но кто-нибудь в этом разберется.

— Кто? — с надеждой спросил француз.

— Тот, кому мы передадим оборотня.

— Передадим?

— Да. Возможно, это случится скоро. В Уганде.

— Хочешь его там продать?

— Я сказал передать, Буассар. Это не значит — продать. Мы нашли то, что принадлежит не нам одним. Всем.

— Всем? — тихо спросил Буассар. И вдруг заорал: — Всем?!.. Мы подышаем в джунглях, в нас стреляют, нас бьют отравленными стрелами, а мы, наткнувшись, наконец, на что-то, стоящее денег, должны отдать это всем? Кто они — эти

все? Те, кто хочет накинуть веревку на шею Усташа, те, кому хотелось бы упечь меня за решетку? Идиоты! А деньги по договору? Что мы, зря целый год гонялись за черными по всему Конго? Ты хочешь уйти, а я? А капрал? А Усташ? А ван Деерт? Нас же возьмут за попустительство дезертиру! А где ты хочешь окончить свою старость? А чем ты будешь запивать ее нищий вкус? Запахом цветочков или рассуждениями?

— Заткнись, Буассар, — не вставая с травы, крикнул капрал. — Ты мне мешаешь!

— Я сам пристрелю вас!

Буассар бросился к палатке и выскочил из нее с автоматом. Пули визгливо разорвали тишину, и обломок щепы, ударив по плечу, погрузил меня в море пальмовых запахов. И почти сразу я почувствовал перемену. Все менялось, упрощаясь каким-то диким неестественным образом... Я еще видел голубоватые стволы, цикад, стреляющих с ветки на ветку, но все это уже разлагалось, путалось, съедало друг друга. Я еще улавливал многие запахи, но уже не мог их разделять. И одновременно возвращалась тошнотворная боль, пронизывающая все тело. Взбешенный, я вырвал автомат из рук Буассара. Он выругался, схватил меня за руку и вдруг закричал:

— Я тебя вижу!

Столько радости, неподдельной человеческой радости было в его словах, что я застыл.

— Не трогай его, Усташ, — сказал Ящик, держа за голову. — Я ведь говорил, что все это кончится, как только оборотень погаснет...

Ошеломленный, я повернулся. Оборотень лежал холодный и серый, и я подумал, что все это было сном...

Но нет, сном это не было — капрал валялся в траве, заткнув уши пальцами, корчась, как в припадке падучей, а француз бессмысленно бегал по поляне и ликующе орал:

— Я вижу, Усташ! Я вижу!

Глава пятая

Бегство

Только Ящик сохранил спокойствие. Он первый заметил голландца, вышедшего на поляну. За голландцем, испуганно глядя на нас, шел бабинга.

— Я встретил его в лесу, — объяснил ван Деерт. — Почему ты кричишь, француз?

— Я вижу, ван Деерт! Вижу!

— Сумасшедший дом... — Голландец никогда не скрывал своих чувств, а сейчас его лицо вообще скривилось.

— Капрал, — сказал он, — у меня новости...

— Ты не дошел до майора? — капрал встал, морщась, как от головной боли. Они отошли в сторону.

Наклонившись над оборотнем, я попытался

понять — чего хотело от нас это существо?.. Оборотень явно не был опасен. Как бы ни были разнообразны окружающие нас живые формы, человек все же всегда может понять — грозит ли ему опасность? Оборотень ставил меня в тупик... Что это — растение, животное или, как сказал Буассар, звездный миссионер?... Грозило нам это существо или, наоборот, хотело внушить некие представления о счастье?.. Зачем, с какой целью оборотень устроил нам светопредставление?..

Впрочем, обязательно ли воздействие должно быть разумным? Разве скат, ударяя вас током, пытается наладить с вами контакт? Или цветок, источая аромат, желает подать вам голос?.. Будь это существо разумным, оно нашло бы к нам путь... Но... что бы это ни было, оно и вправду могло стоить большие деньги. В этом француз был прав.

— Голландец струсил, — заявил, присаживаясь рядом, счастливый Буассар. — Он не дошел до майора, хотя и ссылается на некие обстоятельства. Но наверное, Усташ, нам надо поскорее смыкаться из этих мест. Они мне разонравились. И еще надо поскорее сбить эту скотину.

— Ты все еще хочешь торговать оборотнем?

Француз посмотрел на меня с подозрением:

— А ты нет? Не идти же нам в музей — мы, легионеры, изловили для вас... Не вздумай, Усташ, — заговорил он угрожающе, — повернуть это дело один. Оборотень принадлежит всем, не тебе и не Ящику решать его судьбу.

— Торг не состоится!

Мы подняли головы. Ван Деерт и капрал стояли рядом. И тут же был Ящик, унылый и совершенно не похожий на того, каким он был час назад.

— О чем вы говорите?

— Об оборотне, — голландец брезгливо коснулся его носком ботинка.

— Мы же собирались получить за него полную стоимость!

— Брось, Буассар. Прежде чем мы доберемся до рынка, оборотень сведет нас с ума. Или тебе каждый день хочется переживать радость прозрения? Или хочется, чтобы тебя по ночам мучили чудовищные кошмары?

Вот как это на тебя действовало, подумал я, не зря ты не отказался уйти из лагеря, не зря ты сейчас так настаиваешь на отмене торга...

Подонки, думал голландец. Они всегда хотят противоречить тем, у кого сильные руки, крепкие нервы и ясная голова. Они всегда хотят противоречить мне. Я повидал кое-какие страны и голыми руками могу наделать таких дел, каких никогда не провернут двадцать волонтеров любой регулярной армии мира. А они мне противоречат!.. Неутоленная жажда власти, жажда

страшная, мучительная захлестнула его. Они все походили с ума от жадности, эта тварь во- гнала их в маразм, и они сами не знают, чего им надо... Ненависть, ненависть ко всем людям вообще, ненависть к этим людям, которых по долгу службы ему приходилось считать товарищами, захлестнула голландца...

— Оборотень во всем виноват, — сказал голландец. — Это он портит нам мозги. Стоило мне уйти, и я стал человеком, а вы устроили стрельбище в собственном лагере! Хорошо, что бабинга догнал меня и сказал, чем вы тут заняты. Особенно ты, француз... Прикончи оборотня, Усташ!

Я опустил голову — голландцу не следовало видеть выражение моих глаз... Я уже знал, что сейчас произойдет, но все не мог решиться... оказывается, я боялся голландца.

— Прикончи оборотня, Усташ, — повторил ван Деерт.

Разворованное чудо — вот ты кто, подумал я об оборотне. Не успели к тебе привыкнуть, не успели тебя понять, как один уже требует твоей продажи, а другой — уничтожения... Приказ голландца возмутил меня.

— Почему я?

— Ты притащил оборотня, тебе его и убрать. Что тут неясного?

— Ладно. Только мне понадобится пулемет... Ты ведь однажды пытался ухлопать оборотня, но малокалиберка его не взяла. — Я мрачно усмехнулся и посмотрел на него в упор: — А ведь без пулевой дырки даже череп негра ничего не стоит...

Я ждал и, когда голландец бросился на меня, заученно ударил левой рукой в живот, а коленом правой ноги в лицо. Но меня сбил француз и, продолжая орать о продаже, о том, что он не слеп и не даст обвести себя вокруг пальца, несколько раз пнул тяжеленным ботинком в лицо и под ребра. Я задохнулся. Тогда сказал капрал:

— Усташ, ты уберешь оборотня!

— Нет, — сказал я со страхом и отчаянием. Я знал, что они теперь меня не оставят, и, выбрав кое-что из тех грязных ругательств, которых поднабрался в Испании и в других местах, повторил их. Не знаю, что со мной творилось, — они даже отшатнулись от меня. Капрал сжал виски руками:

— Волонтер ван Деерт, легионер Усташ де- зертировал!

— Да, капрал!

Ван Деерту помог Ящик, бывший учитель географии, опять пасмурный, опять потерявший способность говорить по-человечески. Пока капрал и Буассар спорили о судьбе оборотня, голландец куском фала связал мне руки. Я лежал в траве, а легионеры курили. Чтобы не чув-

ствовать дыма, вызывающего густую слюну, я перевернулся на бок и вдруг увидел оборотня совсем рядом. Шкура его была почти прозрачной, и меня потрясли пульсирующие в его бугристом желеобразном теле немые синие вспышки, будто в нем шла неслышимая гроза или крутились миры, далекие, странные, расплывчатые... А может, это вправду настоящая галактика, свалившаяся к нам, в Конго?..

Я увидел, что оборотень вздрогнул.

Медленно, ничем не поддерживаемый, как на воздушной подушке, он сплывал над травой в мою сторону. Они все, и капрал, и француз, и Ящик, видели это, но никто не решился оттащить меня с пути оборотня, только ван Деерт взял в руки брошенный французом автомат. Так они ожидали, а оборотень надвинулся на меня, и я почувствовал холод, исходящий от шелковистой шкурой. Он навалился мне на живот, на грудь, на связанные руки, и я тщетно пытался сбросить с себя холодную тварь. Вдруг веревки ослабли. Я вывернулся из-под оборотня и вскочил, с изумлением глядя на съеденную, висящую клочьями рубашку и обрывки веревки. Если это и была кислота, на тело она никак не подействовала...

Я не пытался бежать. С одной стороны стоял вооруженный голландец, с другой стороны — остальные. И меня потрясли слова капрала:

— Мы погорячились, Усташ. Переоденься.

— Возьми у меня рубашку, — предложил Буассар. — Она с плеча Шлесса, и я ни разу не надевал ее.

— Забирай свой «вальтер», — мрачно сказал голландец и протянул пистолет.

Так, с пистолетом в руках, я сделал шаг к палатке, не спуская глаз с легионеров, а они стояли в тех же позах и угрюмо смотрели на меня. Как мумии. Я им не верил, вытащил свой мешок, забрал автомат, обоймы и, держа палец на спусковом крючке, медленно пошел через поляну.

— Держись слоновьей тропы, — безвольно посоветовал Буассар.

Пересекая поляну, я поймал себя на мысли, что поступаю, как негр... Но никто на меня не смотрел, будто они чего-то стыдились... Я истерично хихикнул — легионеры и стыд!.. А затем страх внезапно навалился на меня, и я бросился бежать сквозь заросли, ломая ветки, срывая листву, пугаясь в лианах, всей спиной ощущая беззащитность перед пулями, которые могли вырваться из автомата голландца.

Несколько раз я упал, но это меня не оставило. И только через полчаса, наконец, перевел дух. Прислушался... Погони за мной не было, но зато совсем рядом сплывал за мной над примятой дорожкой тревожно светящийся оборотень. Нелепое зрелище, но я устал поражаться. Только хмыкнул:

— У тебя что, правда, воздушная подушка? Он не ответил... Мерцал, неподвижно повиснув над белесой рыхлой травой. И, коснувшись ладонью его светящейся поверхности, я, как человеку, сказал ему:

— Ладно. Идем.

Глава шестая

Конец Вселенной

К вечеру я был далеко от лагеря. Оборотень плавно, не раскачиваясь, плыл за мной, будто решив никогда меня не покидать. Я этому не препятствовал. В конце концов, мне, наверное, грозило лишь повторение вчерашней ночи — возвращение в мир запахов, — и я ничего не имел против. Для меня это не было кошмаром, как для Буассара или голландца.

Я не знал леса, но шел уверенно, как по пеленгу. Военных постов я не опасался, симбу мы тут не встречали, а от случайных встреч никто не застрахован и в собственном доме. Шел и шел, будто меня вел внутренний компас. После некоторых раздумий я отнес это за счет оборотня. Он уже демонстрировал нам чудеса и, может быть, вообще умел будить в людях нечто такое, о чем они в нормальном состоянии и не подозревают... Помнит же лосось, находясь в океане, угловую высоту солнца в устье родной реки, да еще и соотносит ее с показаниями внутренних биологических часов! Так, кажется, говорил Ящик... Наклонившись, я выдрал с корнем пучок рыжей травы, будто знал, что ее можно жевать, и усмехнулся — из каких тайников мозга всплывала эта уверенность?

— Правильно, оборотень, — сказал я, обернувшись. — Прочищай нам мозги!

Он продолжал следовать за мной и был столь непохожим на окружающее, что я только пожал плечами — откуда, как он заявился в Конго? Есть ли в местных лесах такие же оборотни? И выбрал же он местечко!.. Где-то в Европе его, конечно, тоже бы продали, но там, в конце концов, он мог попасть в руки какого-нибудь специалиста... А тут?.. С дальних ли он галактик или порождение тропиков — он уже разворован нами на корню, обречен на пропажу, и никуда ему от этого не деться. Такие, как мы, будем торговать даже его запахом! И со злобной мстительностью подумал — я сам продам его за наличные! В сорок пять лет поздно усаживаться на террасу кафе, ожидая ангажемента на очередные сельскохозяйственные работы в очередном Конго. С меня хватит!

Я зря сказал, что не знал леса. Дорога, которой я шел, была мне, в общем, знакома по карте, виденной у капрала. На этой карте условная линия, пересекающая озеро Альберта с севера

на юг, вдруг взлетала на высоту более пяти тысяч метров и погружалась затем в озеро Эдуарда. Я четко помнил ниточку шоссе на границе Уганды и Бельгийского Конго. К этому шоссе я и стремился. Оттуда я мог пробраться в Родезию, снять с текущего счета деньги и, купив документы, сместиться в Европу... Перебившись до лучших времен, я мог сбить с рук оборотня. С меня, действительно, хватит! В шортах, в армейских башмаках, в малиновом берете я прошелся по Габону и Конго. У таких, как я, только оружие меняется — бельгийские карабины, американские автоматы, итальянские «беретты»... Защитники цивилизации — так называют нас в газетах. И защищая цивилизацию, один остается в Конго с отравленной стрелой меж ключиц, второй с копьем меж лопаток, в дельте Меконга, третий сходит с ума... Конечно, нам идет надбавка за риск. Есть счастливицы, вроде англичанина Брайна, потерявшего руку по самое плечо, но получившего свои проценты от миллиона. Он устроился в Солсбери, и неплохо. Я у него бывал. Но у меня не получится, как у Брайна. Я всегда выбирал не те ставки. Да, наверное, по-настоящему выиграть в этих играх было нельзя. Неважно, кем мы все были в прошлом — модельерами, учителями географии, артистами или политиками, — итог всегда был один. Мы ошибались в выборе, а история этого не прощает. История любит людей, дерущихся за одну, выбранную ими землю. При всех других вариантах ты обречен...

Продав оборотня, думал я, можно еще поковыряться в мутной воде, не всплывая к поверхности, где меня могут опознать... Подумав об этом, я вдруг вспомнил газету капрала. Возможно, в ней и впрямь было сказано что-то о самом капрале? Что мы знаем друг о друге? Ничего.

Но я тут же возразил себе — кое-что знаем. Например, то, что нас разыскивают... Многих, по крайней мере... Легион — банда, — выругался я. Легион — сброд! Это здесь мы ходим в чине защитников цивилизации. В любой другой стране мы — преступники!

Когда я остановился перекурить, оборотень на траву не опустился. Продолжал висеть над травой. Но мне наплевать было на его фокусы, я к ним уже привыкал. Я курил и обдумывал, как можно проташить оборотня в Европу. Потом встал и последовал своим путем, зная, что оборотень послушно следует над моими следами... Сердце забило только потом, когда я вышел к узкому входу наглухо перекрытого обвалом ущелья. Идеальная ловушка для глупцов... Не входя в ущелье, я выбрался на плоскую, прикрытую деревьями и развалом камней площадку над выходом и бросил мешок на траву. Раскрыв банку, я хлебнул пива, заел его консервированным мясом и прилег, положив автомат под голову.

Звезды в небе были раскиданы реже, чем, например, в Хорватии. Местами в небе вообще было пусто. Над самым горизонтом мерцал опрокинутый ковш Большой Медведицы, а напротив него торчком стоял Южный Крест. Неплохая позиция... Если залечь под Крестом... Тьфу! — выругался я.

Вслушиваясь в шорохи, я вдруг подумал о себе — кто я? Когда-то — усташ. Человек, поверивший, что небольшая, оторванная от собственного народа партия может определить и вести политику целой страны. Гитлер, правда, дал нам «Независимое государство Хорватию», но мы не могли его удержать, и оно не было нашим. Исторически не могли, и это было ясно с самого начала... Когда пал третий рейх, я бежал с основателем партии усташей Анте Павеличем в Австрию, в Бад-Ишле, и долгое время держался усташей, даже участвовал в нескольких террористических актах и проходил практику в Каркахенте, любезно предоставленном нам генералом Франко... Тогда я и стал киллером — профессиональным убийцей, и эта профессия привела меня в легион.

Кто же я?

Перевернувшись на спину, негромко сказал: — Киллер.

Звезды мерцали надо мной, и я подумал, что если оборотень, правда, пришел оттуда, он никогда не сможет понять нас. Материки огромны, людей много, и у каждого человека свои желания... Как же совместить их и выполнить без помощи автомата?.. Нет, подумал я, это не оборотень, это я был пришельцем на Земле, чужим и жестоким пришельцем, которого можно было купить за валюту и послать в любую страну. «Отправляйся-ка, парень, на поиски незнакомого цветка в дальние страны, лежащие там, за морями... Город застыл в глазах, давай завоюем себе новые страны... Мы печатаем шаг, мы хотим прочесать дальние страны...» Вот и вся наша философия, все мировоззрение... Я был пришельцем, чужим, страшным, о котором вспоминать будут только с ненавистью.

Никогда я не был так одинок, как в эту глухую тропическую ночь, нависшую над сонным Конго. Все — трава, шорохи, камни, цикады — казалось мне чужим. Я тонул. Я знал, что тону. Я тонул и орал, хрипел и катался по траве, ударяясь о камни, об автомат, смертельно боясь той пропасти, что вырыл своими руками и которая навсегда отделила меня от людей. «Киллер! — орал я звездам. — Я — киллер!»

Вдруг сумасшествие ушло. Звук, похожий на человеческий голос, вытащил меня из бездны. Измученный, отупевший, я подполз к краю обрыва и в неверном свете всплывшей луны увидел всех четверых — капрала, ван Деерта, Ящика и Буассара. Они были вооружены, мали-

новые береты лихо сдвинуты набок, и я понял, что они пришли за мной и за оборотнем.

Я даже услышал, как голландец сказал:

— В этой дыре он в ловушке...

Потом ван Деерт осмотрелся и, обратившись к входу в ущелье, крикнул:

— Усташ!

Эхо гулко ответило из ущелья. Я оценил ситуацию и решил — я их не выпущу, это они у меня в ловушке... Подтащив автомат, передвинул рычаг на боевой взвод и лег, широко разбросав ноги, между двух камней с выходом на ущелье — идеальная, самой природой устроенная позиция. Лучше, чем в дзоте... Голландец, подумал я, вот кого надо убрать из игры сразу. Он один стоил всех. Только его я по-настоящему боялся.

— Усташ! — крикнул голландец. — Верни оборотня и можешь сматываться, куда хочешь! Мы не тронем тебя, Усташ!

Если я его окликну, подумал я, он не станет оборачиваться, он знает эти штуки, он просто упадет в траву за секунду до выстрела, и тогда мне придется иметь дело с одним из самых жестоких и опытных рейнджеров, в руках которого шелковая петля стоит больше, чем бельгийский карабин в руках дилетанта...

Подняв автомат, я, не раздумывая, высунул-ся по пояс из-за камней и открыл огонь. Голландец уже оседал на траву, а я продолжал стрелять, злобно и торжествующе выкрикивая:

— Бета ие! Бета ие! Бей его!

Я стрелял и чувствовал, как каждая пуля рвет его плоть и убивает его. А потом лег. По мне даже не выстрелили, так неожиданно все случилось. Осторожно выглянув, я убедился, что голландец мертв, а остальных как ветром сдуло с открытой площадки. «Нисамехе, — прошептал я, имея в виду голландца. — Куа хери я куонана. До свиданья, до нового сафари...»

— Усташ! — крикнул француз из какой-то расщелины. — Перестань стрелять!

Я перевернулся на спину. Никто из них не стал бы перебегать открытую площадку передо мной, зная, что она простреливается.

— Не валяй дурака, Усташ! Тебе крышка, ты знаешь.

— Я знаю!

Ответ их удовлетворил. Они замолчали, и я понял, что кто-то из них под прикрытием пулемета, за который, конечно, ляжет Ящик, все же попытается перебежать площадку. Наверное, это будет француз, подумал я, и пожалел Буассара... После голландца, впрочем, стоило по-настоящему бояться лишь Ящика. Пулемет учителя географии еще не вошел в игру.

Нашарив в темноте камень, я бросил его в кусты, и не успел он еще как следует расшевелить листья, как пулеметная очередь вспорола воздух, подняв фонтан каменной пыли. Я не стал смот-

реть, как распадается пыль. Француз должен был вот-вот появиться... Пулемет смолк... Меня на это не купишь, подумал я, и кто же это все-таки будет?.. Я опять решил, что это будет француз...

Я ждал. И когда в лунном свете внизу мелькнула тень, выстрелил, опередив и обманув Ящика, пулемет которого с ходу вошел в игру и прижал меня к земле, заставляя вдыхать воздух, колючий и сухой от взбитой каменной крошки... Затем грохот пулемета смолк. «Котала на пембени те, не гляди по сторонам», — сказал я себе и все-таки приподнялся. И сразу увидел француза.

Но как я его увидел!

Согнувшись, уронив автомат, схватившись руками за живот, он медленно шел через залитую светом площадку, не пытаясь уйти в тень, не пытаясь спрятаться в кусты. Ему было все равно.

— Усташ! — крикнул он. — Я иду тебя убить!

Я мгновенно вспотел. Страх навалился на меня, но я не стрелял и не шевелился. Я знал, что Ящик следит сейчас за каждым камнем, за каждой веткой. Француз упадет сам, думал я, он упадет сам... Но француз шел и шел, и это длилось веками. Он шел под тремя парами глаз, уже ничего не видя и не слыша, и только какой-то сердобольный камень, попав ему под ноги, остановил, наконец, это бесконечное движение...

— Ие акуфи, — сказал я, — он мертв.

Теперь я остался против двоих... А оборотень? — вспомнил я. Почему он не примет участия?

Обернувшись, я увидел неподвижный, слабо светящийся силуэт. Оборотень не вмешивался... И правильно, решил я, он всего лишь предмет купли-продажи, это решено всеми нами.

А если толкнуть его?

Я чуть приподнялся, и на этот раз Ящик не ошибся. Пули обрубили ветку, зацепили меня за плечо, и вся их масса вошла в приподнявшегося над травой оборотня. В лицо мне плеснуло чем-то невыразимо едким, я вскрикнул и опрокинулся на камни, видя, как разрушается оборотень. Он взрывался как звезда. Из его лопнувшей оболочки изливались огненные реки, вспышки и молнии рвали его, над ним восходили протуберанцы и сполохи... Нет, конечно, нет, — это боль рисовала мне такие картины... Теперь я утонул, думал я, не пытаясь дотянуться до отброшенного автомата...

Когда капрал и Ящик остановились надо мной, я открыл глаза. Не знаю, что они видели, но они упорно на меня не смотрели. Только потом я узнал, что щеки и лоб на мне были сожжены и вспухли сплошной безобразной маской. Указывая на студенистые, бледно светящиеся обрывки, капрал спросил:

— Это оборотень?

— Да...

Они не расслышали, и я повторил... И вдруг,

сразу, пришли запахи, как в ту ночь... Что заставило их вернуться?.. Они шли волнами, и, чтобы лучше их чувствовать, я привстал. Капрал открыл рот, но я почти крикнул ему:

— Подожди!

Запах пришел снова. Запах крошечного цветка, который моя мать держала в горшке в теплой комнате дома, в Хорватии... Как он назывался?..

Пока капрал и Ящик возились над обрывками оборотня, я поднялся и сел на камень, борясь с болью и головокружением. Мне казалось, я слышу пение. Прислушался... Да, гудели барабаны. Гулкие, далекие. Я слышал слова. Может быть, это пел бабинга, может быть, убитый ван Деертом негр... Я вслушивался, и мне казалось, я принимаю.

Мы были счастливы, — говорили слова. — Пришли белые!

Они сказали: эта земля принадлежит нам, этот лес — наш, эта река — наша! Була-Матари, белый человек, повелитель над всеми, заставил нас работать на него.

Пришли белые!

Лучшие из нашего племени, самые храбрые и сильные, стали их солдатами. Раньше они охотились на буйволов и на антилоп, теперь они охотятся на своих черных братьев.

Пришли белые!

Мы отдавали все наше время и весь наш труд Була-Матари. Наши животы сохли от голода. Мы не имели больше ни бананов, ни дичи, ни рыбы. Тогда мы сказали Була-Матари: «Мы не можем больше работать на тебя!»

Пришли белые!

Они сожгли наши хижины. Они отняли наше оружие. Они захватили в плен наших жен и дочерей. «Идите работать, — сказали они уцелевшим. — Идите работать!»

Пришли белые!

Уцелевших погнали в большой лес. Они резали там лианы. Когда каучук был готов, он был покрыт пурпуром крови. Белые взяли каучук.

Пришли белые!

Наши дочери были прекрасны. Поцелуи белых осквернили наших дочерей.

Пришли белые!

Младшая, самая младшая, цветок моей старости, понравилась их вождю. Она была такого возраста, когда не думают о мужчинах. Я умолял вождя. Он посмеялся надо мной.

Пришли белые!

Я умолял его: «Она еще так мала! И я ее так люблю!» Я умолял его: «Отдайте моих сыновей, отдайте моих дочерей!» Великий вождь белых исполосовал мою согнутую спину бичами. Мои раны сочатся. Земля моих предков напиталась кровью.

Пришли белые!

Какое значение, подумал я, черные пришли или белые?.. Суть не в этом... Важно прийти так, чтобы на тебя не смотрели потом, как на грабителя... Это была простая, ясная мысль, от нее не кружилась голова, и мне стало легче. Я еще раз посмотрел на стоящий торчком Южный Крест. Впрочем, он уже наклонился, и звезды несколько потускнели. Чужие звезды.

Капрал протянул мне сигарету и спросил:

— Ты сможешь идти?

— Да.

— После всего, что произошло, — сказал капрал, — нам делить нечего. Следует убираться. В этих краях могут быть симбу...

Да, подумал я, делить нам уже нечего... Кому нужны мертвецы?.. Я встал и вдруг увидел тоненький куст, на котором, опутанный лунным светом, раскачивался нежный розовый лепесток. Я узнал его запах. А цветок... Гибискус! — вот как он назывался...

И когда мы уходили, легионеры, в свой легион, я украдкой коснулся цветка, окончательно прощаясь со всем этим. Я знал, что уже никогда и ни от кого не увижу ни прощения, ни ласки. Звезды, когда я поднял голову, были чужие. Ящик и капрал были чужие. Страна была чужая. Что я тут делаю?

Я действительно чувствовал себя пришельцем... Чужие люди. Чужие звезды. Чужое небо.

● НОВИНКИ

● НОВИНКИ

Кирилл БУЛЫЧЕВ

Девочка с Земли.

М., Изд-во «Детская литература», 1974, 288 стр.

Герои рассказов и повестей, составивших книгу, — маленькая девочка Алиса, живущая в XXI веке, и ее друзья — ручной бронтозавр, выращенный из яйца, найденного туристами в оползне на берегу Енисея; космический археолог Громозека, обитатель планеты Чумароз, который «в два раза больше обычного человека, у него десять шупалец, восемь глаз, панцирь на груди и три добрых бестолковых сердца»; маленький верный Ррр — крупнейший в Галактике специалист по расшифровке древних языков, похожий на светло-зеленого пушистого котенка...

НФ. Сборник научной фантастики. Выпуск 14.

М., Изд-во «Знание», 1974, 269 стр.

Выпуск открывается главами из повести Генриха Альтова «Третье тысячелетие». В отдаленном будущем, в век необычайно возросшей специализации, герои повести разрабатывают методику подготовки специалистов-универсалов...

В сборник вошли также произведения Дмитрия Биленкина, Виктора Колупаева, Севера Гансовского, Романа Подольного и других советских фантастов.

Зиновий ЮРЬЕВ

Белое снадобье.

М., Изд-во «Детская литература», 1974, 367 стр.

Стечение обстоятельств забрасывает Клиффорда Марквуда, сорокалетнего специалиста по ЭВМ, в штабквартиру огромной гангстерской организации, оперирующей миллиардами, работающей почти всегда в контакте с полицией и девяносто процентов своего дохода получающей от торговли наркотиками. Марквуд знакомится здесь с Артом Фрисби; вдвоем они приходят к мысли о необходимости борьбы с засильем гангстеризма в стране...

Следопыт

**Юрий
КУРОЧКИН**

Сорок лет назад, в конце марта 1935 года, вышел из печати и лег в почтовые ящики подписчиков и на прилавки газетных киосков новый журнал «Уральский следопыт». Представлял он свое имя с красочной обложки, изображавшей дирижабль В-6, плывущий над картой Урала. «Ежемесячный иллюстрированный журнал занимательной истории, географии и краеведения. Орган правления Свердловского союза советских писателей» — так рекомендовался он на титульном листе.

Название, его графический рисунок так же, как и подпись в конце номера: «Зав. редакцией Вл. А. Попов» — были знакомы многим читателям, любителям занимательной истории, путешествий и приключений. Напоминали они о популярном в 20-е годы столичном ежемесячнике «Всемирный следопыт», организатором и бессменным редактором которого был тот же Владимир Алексеевич Попов.

«Уральский следопыт» 1935 года стал преемником «Всемирного следопыта», незадолго перед этим переставшего выходить — он следовал той же программе, только уже не в мировом, а в уральском масштабе.

В то время никто еще не мог знать, что новое издание просуществует недолго — закончится на девятом номере. И, тем более, никто не мог предполагать, что спустя двадцать три года у него появится тезка — журнал с таким же названием и в чем-то родственник ему — наш современный «Уральский следопыт».

Об «Уральском следопыте» 1935 года и о его редакторе новый, современный «Следопыт» уже не писал¹. Но вот предыстория первенца осталась в тени, а она по-прежнему

интересна и, безусловно, важна будущему историку советской печати на Урале. Попробуем восстановить ее по газетным сообщениям тех лет.

Еще 12 июля 1934 года в «Уральском рабочем» появилась заметка Н. Харитоновой — «Большой журнал для маленького читателя». Он писал, что «на повестку дня надо поставить вопрос об издании на Урале такого журнала, который бы в яркой, увлекательной форме давал представление об истории, географии, экономике края», который будет «будить творческую фантазию детей, учить их мечтать о нашем ослепительном будущем, учить их любить героическое настоящее нашей социалистической Родины».

¹ См. № 1 за 1959 г.

НАЧИНАЛСЯ ТАК

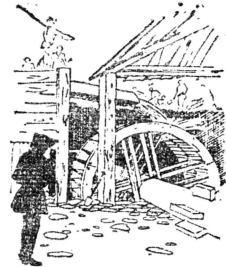

МЕХАНИКУС ПОЛЗУНОВ

Историко-биографический рассказ
А. БАРИННА

200 лет тому назад нынешний Свердловск представлял собою небольшое горнозаводское поселение, сильно укрепленное против бакирских набегов, основанное около 1721 года сталелеником Петром I Татищевым.

Россия Петра I всхлестливо воссраца,

Здесь-то, у водяного колеса, и развился у Ползуна идея сделать силу воды силой пара.

Для организации дела был приглашен известный знаток детской литературы В. Попов.

В те же дни В. А. Попов в заметке «Уральский следопыт» будет сообщал, что «еще в течение текущего года выйдет пробный номер», а в беседе с корреспондентом «Уральского рабочего», опубликованной в номере от 14 октября под заголовком «Познай Урал!», рассказал о программе и планах «Следопыта»: «Журнал, несомненно, будет содействовать расцвету того движения, которое «Комсомольская правда» ныне подняла под лозунгами: «Возродим движение юных следопытов» и «Познай свою родину». Лозунг нового журнала: «Изучай и познавай свой край, как часть твоей великой Родины».

Идею нового издания горячо приветствовала «Комсомольская правда» [в номере от 18 октября] и напутствовала добрыми пожеланиями: «Приветствуя выпуск «Уральского следопыта» остается пожелать, чтобы этот журнал стал инициативным, энергичным центром большой и увлека-

тельной работы по изучению природных богатств, истории и фольклора народов края, чтобы на его страницах уральская молодежь нашла действительно увлекательные рассказы и очерки, которые пробудят у нее жажду познания своей страны и освоения ее величайших богатств».

В декабре уже определилось содержание ближайших номеров, и В. А. Попов рассказал о них в статье «Портфель «Следопыта» [«Уральский рабочий» за 11 декабря]. Но подготовка первого номера затянулась. И лишь 15 марта «Уральский рабочий» информацией «Праздник молодого читателя» известил о выходе первенца, а 20 марта опубликовал большую статью о нем. «Это начало большого и важного дела», — резюмировал автор ее Андр. Смагин. «Это большое культурное явление», — признавала газета «На смелую!» в рецензии 21 марта. Откликнулись благожелательными информциями и центральные газеты.

...Прошло более двадцати лет, и в апреле 1958 года «Уральский следопыт» начал свою новую жизнь как

«литературно-художественный научно-популярный ежемесячный журнал для детей и юношества». В ноябре прошлого года вышел в свет его двухсотый номер. Теперь журнал, число подписчиков которого превысило четверть миллиона, выписывают и читают в Донецке и Владивостоке, в Иркутске и Мурманске, в Казахстане и на Украине... Он был и остался «Уральским следопытом», но домом его стала вся страна.

Пермский фазометр

Чтобы измерить напряжение, возникшее в детали после ее обработки, берут одно изделие, разрезают его и после лабораторных исследований определяют напряжения на разных участках. Хотя и надежный этот метод, но очень много времени уходит, прежде чем будут получены нужные данные. Эта же операция может делаться быстро. Причем прибор даже не касается поверхности детали, измеряет напряжения и в момент обработки изделия.

Высокочастотный фазометр создали студенты Пермского политехнического института. Это электронное устройство на интегральных схемах с высокой точностью определяет напряжения.

Новый прибор получил хорошую оценку специалистов. Им заинтересовались представители многих предприятий страны.

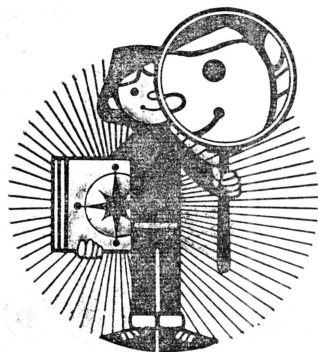
На снимке: члены студенческого научного общества Пермского политехнического института — создатели нового прибора Виктор Нареев, Василий Лавров и Виталий Кондаков.

Фото А. Бабушкина

М И Р

на лагони

Электронный прокатчик

На стане «160» Первоуральского новотрубного завода смонтирована адаптивная (самонастраивающаяся) система управления точностью прокатки. В основе системы — электронно-вычислительная машина.

Многочисленные приборы-датчики сигнализируют о температуре заготовки, ее основных параметрах, состоянии механизмов стана, а ЭВМ определяет наиболее эффективный режим работы стана и оптимальный размер труб.

Специалисты подсчитали, что электронный прокатчик дает возможность снизить допуски толщины стенок труб на три с половиной процента. А это экономит сотни тысяч рублей в год.

Сейчас завод готовится применить адаптивную систему на самом быстром и высокопроизводительном стане непрерывной прокатки труб.

Машина охраняет природу

На Уральском турбомоторном заводе изготовлен турбокомпрессорный агрегат ТКА-2600. Таких машин пока нигде не делали.

На предприятиях нефтехимической промышленности в процессе производства получают остатки — высокосернистые мазуты, ценное энергетическое топливо. Да вот беда: сжигать их в котлах паротурбинных электростанций трудно — в продуктах сжигания содер-

Чердынские плачи

С 1839 года критико-библиографический отдел журнала «Отечественные записки» возглавлял В. Г. Белинский. Он «старался превратить и превратил журнал в трибуну идей народного освобождения

и прогресса России...» Именно в это время, при В. Г. Белинском, в журнале сотрудничал смотритель Чердынского уездного училища Николай Карнауков. В феврале 1844 года он прислал в журнал «Плачи, или заунывные песни, которые поют невесты в девшиник и в день свадьбы», записанные им в Чердыни. В приложенном письме редактору (оно хранится в Москве, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина) Н. Карнауков назвал «Отечественные записки» «превосходным изданием» и выразил желание сотрудничать в нем.

В третьем выпуске журнала за 1848 год была помещена большая статья Н. Карнаухова «Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии». Автор сообщает подробные сведения об одежде населения, отмечает большое хлеболюбие жителей города, описывает быт, местные народные кушанья, постройки. Н. Карнауков считал нужным отметить традиционные привычки жителей Чердыни: употребление в пищу рыбы фадинского засола и национальное кушанье пермяков — пельмени, а также то, что жители Чердыни в 1848 году не ели картофель и местное начальство вынуждено было принимать меры по его разведению..

жаты сернистые газы, которые, соединяясь с водой, образуют серную кислоту. Агрегаты электростанции быстро выходят из строя, в округе же гибнет все живое.

На Дзержинской ТЭЦ в Горьковской области будет сооружен целый химический комплекс для газификации сернистых мазутов. Турбокомпрессор, созданный уральцами, войдет как энергетическая часть в этот комплекс. Очищенные газы будут подаваться затем в паровой котел электростанции в качестве топлива.

Уральские машины ТКА-2600, таким образом, примут активное участие в охране природы.

Как снимали пещеру

Капова пещера на Южном Урале — феноменальное творение природы. Знаменита она тем, что стены ее испещрены рисунками древних людей, живших в эпоху палеолита. Мамонты, кабаны, голова верблюда, стройная фигура дикой лошади, зубры...

Как все эти чудеса снять?

Свердловские кинематографисты начали работу над цветным фильмом «Башкирский заповедник» и очень уж хотелось им, чтобы и Капова пещера, находящаяся на территории заповедника, тоже была на экране, чтобы ее увидели миллионы людей.

Решили из Свердловска гнать своим ходом к пещере лихтваген — передвижную электростанцию. Однако выяснилось, что до самой пещеры лихтваген не дойдет. Пришлось растягивать кабель на 350 метров. И когда дали свет — красота была неопишущей. Кстати, свердловские кинематографисты сняли и летучих мышей, которых в пещере тьма-тьмушущая.

Зеленая дамба

Как известно, раскаленная безжизненная Сахара наступает на цветущие плодородные земли Северной Африки.

Чтобы остановить пески, решили построить дамбу. Не бетонную и не каменную, не вторую Великую Китайскую стену, а зеленую дамбу, полосу лесонасаждений.

Многие годы ученые искали дерево, которое бы лучше других подходило для этой роли. И выбор пал на сосну-пинию.

Сооружение зеленой дамбы уже началось в Алжире. Это будет защитная лесная полоса длиной в 1500 километров и шириной, в различных местах,—от пяти до 20 километров.

Борьба с Сахарой — дело многих десятилетий. Будущие поколения пожнут плоды этой грандиозной и необычной стройки. Когда остановятся пески, когда разрастется вся дамба, изменится ландшафт Северной Африки, другим станет и климат здесь.

Улыбка Джоконды

Она красива, вызывает нескончаемые споры, бурные страсти. Случалось, из-за ее улыбки кончали жизнь самоубийством. Ей около 500 лет. Это — Джоконда, созданная великим Леонардо да Винчи.

Джоконда с широким и круглым лицом, полными щеками и прищуренными глазами не обладает очарованием мадонн Рафаэля и Тициана. Но этот шедевр поражает необыкновенной живописной красотой.

Время и грубая реставрация немало повредили Джоконде. Ее лицо потеряло свежесть, глазам недостает теперь великолепных ресниц, выписанных Леонардо со страстью миниатюриста. Картина выполнена на дереве по известковой основе, и смесь мела и клея постепенно разрушается...

Около 12 лет назад Мона Лиза чуть было не перестала улыбаться, когда один психически неуравновешенный зритель бросил в нее горсть камней.

В августе 1911 года молодой итальянец похитил Джоконду, так как «хотел вернуть своей стране бесценную картину, которую украл Наполеон». Два года Мона Лиза не могла возвратиться в Париж, пролежав под кроватью итальянца.

Загадочная Джоконда заставила много говорить о том, кто послужил моделью этому шедевр. Утверждают, что в 1501 году Мона Лиза, 30-летняя неаполитанка, жена богатого флорентийца Франческо дель Джокондо впервые позировала в мастерской Леонардо. Художник, восхищенный ее красотой, захотел написать такую картину, которую «можно было бы не только увидеть и потрогать, но и услышать». И прежде чем душа этой женщины оказалась отраженной в ее улыбке, четыре года длились сеансы.

Споры о Джоконде вызывают лишь улыбку у Моны Лизы, улыбку, продолжающую, как и прежде, пленять людей.

Мать Елизавета

Французская почтовая марка достоинством в 30 франков. Выпущена в 1961 году. Одна из серии, посвященной героям Сопротивления. Под портретом надпись: «Мария Елизавета» и даты жизни — «1890—1945».

Настоящее имя этой монахини, удостоенной столь высокой чести, — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева.

Она была довольно известной русской поэтессой. В 1919 году эмигрировала во Фран-

цию. Как поэтессу, как автора философских трудов ее знал «весь Париж». Но в 1931 году Е. Ю. Кузьмина-Караваева вдруг постригается в монахини.

Проповедница подвигов, мученичества, защитница обездоленных, мать Мария ушла из монастыря — в годы войны она посвятила свою жизнь борьбе с фашизмом.

В 1943 году фашисты разрешили ей войти в камеру гестаповской тюрьмы и исповедать перед казнью приговоренную к смерти молодую француженку.

Казнь, назначенная на утро, не состоялась — «опасная преступница» бежала в платье монахини. Фашисты заточили оставшуюся вместо нее добровольную узницу в концлагерь Равенсбрюк.

Мария погибла 31 марта 1945 года героической смертью. В тот день в газовую камеру вели колонну высокой чести, — Старая русская женщина Е. Ю. Кузьмина-Караваева пожертвовала своей жизнью — заменила в строю молодую русскую пленницу.

А детские вопросы остаются...

Психологи В. Майер и Ю. Шейн поставили эксперимент с промежутком в 33 года. Их интересовало, изменилось ли за эти годы содержание вопросов, которые задают взрослым семилетние дети? Оказалось, что современные дети ничуть не меньше любопытны, чем их сверстники сороковых годов. Мальчиков по-прежнему интересует физическое устройство окружающего мира. А вот девочек больше занимают социальные проблемы.

Не зря считается, что детские вопросы — самые трудные.

Ондатры-путешественницы

В реке Деме появились новоселы — 150 черных ондатр. Зверьки благополучно прибыли сюда на самолете из Ставропольского края. Местом обитания другой партии черных ондатр стала уральская река Сим.

И ожило чудище...

Куда на выдумку природа таровата... Сколько их — нерукотворных поделок на земле! На Северном Урале вам повстречаются каменные медведи, люди, птицы... Известны на Дальнем Востоке скалы, которые, если именно с определенной точки посмотреть на них, ни дать ни взять Старик и Старуха. А сколько причудливых деревьев, напоминающих собою кого-то живого?

А если к нерукотворной скульптуре еще чуть-чуть прикоснется рука художника, то и вовсе залюбуешься!

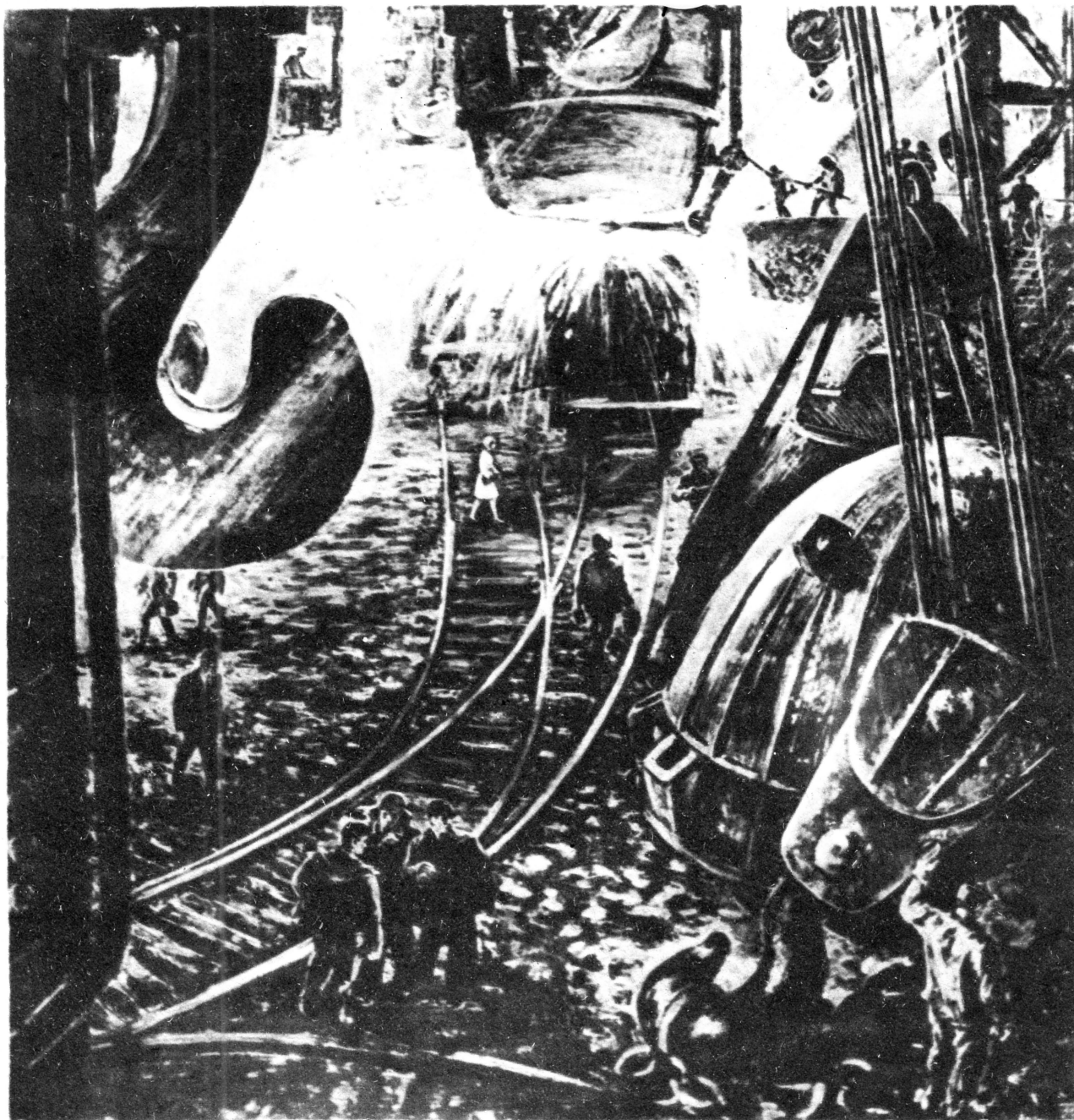
В Челябинской области, близ живописнейшего горного озера Увильды валялось огромное дерево. Прошелся по

нему резцом художник, и ожило чудище. Его приковали на цепь, чтоб достовернее было впечатление.

Неподалеку от чудища на цепи стоит, как бы охраняя окрестную красоту, сказочный чародей. Он тоже вырос из старого дерева.

В Ялте в парке на набережной с незапамятных времен стоит странная деревянная композиция — переплетенные деревья.

Все эти снимки сделаны свердловчанином Михаилом Тубманом.

НА ШАХТНОМ ДВОРЕ. Линогравюра
Валентин НОВИЧЕНКО (г. Свердловск)

...Первым ступил на порог Тишка Сумятин, староста. Посторонился, давая место немецкому солдату, нехотя стащил с головы треух. Солдат, высокий ростом, с надломленной переносицей, прислонился спиной к дверной раме, поставил винтовку перед собой — подкованным прикладом на земляной пол, обхватил ее дуло обеими руками...

**ПОВЕСТЬ В. САФОНОВА „ЗЕМЛЯНКА“ О
ДЕТСТВЕ ЮРИЯ ГАГАРИНА ЧИТАЙТЕ В СЛЕ-
ДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА.**